

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

К.А. Чуйченко, Министр юстиции
Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент, проректор по науке и инновациям Международного университета Кыргызской Республики (Киргизия);

Д.С. Жуйков, заместитель Министра юстиции Российской Федерации (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва);

В.И. Красилов, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сыюань, кандидат филологических наук, доцент, начальник секретариата Центра обмена и сотрудничества при Комиссии по юридическим услугам для ШОС (Шанхайского политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор, первый заместитель директора, курирующий научно-методическую и образовательную деятельность Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

В.В. Ярков, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Б.В. Яцеленко, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Председатель редакционной коллегии: доктор юридических наук, профессор, председатель Следственного комитета РФ, генерал юстиции РФ, Заслуженный юрист РФ
А.И. Бастрыкин (г. Москва)

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой административного, финансового и информационного права ВГУЮ (РПА Минюста России) **З.М. Казачкова** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (г. Москва);

А.С. Автономов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Н. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

А.Я. Козинцев, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);

А.Н. Лёвушкин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Ю. Панченко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саратов);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.В. Фоменко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук (г. Москва)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

K.A. Chuichenko, Minister of Justice
of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology,
Vice-Rector for Science and Innovations
of International University of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head
of the Department of Civil and Business Law
of All-Russian State University of Justice, Honored
Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief
Researcher of the Center for Scientific Research
of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the
Department of State and Legal Disciplines of the
Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State
University of Justice, Honored Worker of Science
of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Head of the Secretariat
of the Center for Exchange and Cooperation under
the Commission on Legal Services for the SCO
(Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, First Deputy
Director in Charge of Scientific, Methodological
and Educational Activities of the Russian Federal
Center for Forensic Science Under the Ministry
of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow
State University (Moscow);

V.V. Yarkov, Doctor of Law, Professor, Head of the
Department of Civil Procedure of V.F. Yakovlev
Ural State Law University (Yekaterinburg);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Criminal Law and
Criminology of All-Russian State University
of Justice, Honored Lawyer of the Russian
Federation (Moscow);

D.S. Zhuikov, Deputy Minister of Justice
of the Russian Federation (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board: Doctor of Law, Professor,
Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation,
General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer
of the Russian Federation **A.I. Bastrykin** (Moscow)

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law,
Rector of All-Russian State University of Justice
O.I. Alexandrova (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law,
Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department
of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff
Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law,
Professor, Head of the Department of Administrative, Financial and
Information Law of All-Russian State University of Justice
Z.M. Kazachkova (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law, PhD in History (Moscow);

A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.N. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Fomenko, Doctor of Law (Moscow);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg);

E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);

A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.Yu. Panchenko, Doctor of Law (Moscow);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Saransk);

A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);

N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);

I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2025

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим научным

специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», 5.1.4 «Уголовно-правовые», 5.1.5 «Международно-правовые науки».

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Глушаченко С. Б.

Генезис правового регулирования территориального планирования
военно-административного деления Российской Федерации..... 10

Данилов И. Б.

Институциональное оформление национально-государственного
устройства Российской империи в XVIII – начале XX вв.....22

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Кирсанова Е. В.

Нотариат в «цифре»: современное состояние и перспективы развития33

Мохов А. А.

Русский язык как объект правовой охраны.....41

Переседов А. М.

К вопросу о соблюдении принципа законности обязательных требований
в актах главы государства56

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Астапова Т. Ю.

Приоритет духовного над материальным как традиционная ценность
в гражданском праве России.....68

Левушкин А. Н.

Семья и традиционные семейные ценности в парадигме семейных,
предпринимательских и корпоративных правоотношений77

Тарасов Ю. А., Бабенкова В. Р., Брусенцева М. И.

Проблемные аспекты иммунитета единственного жилья должника
в рамках процедуры банкротства90

Черемухин В. В.

Плата за земельный участок под объектом незавершенного строительства	103
--	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Антонченко В. В.

Общественная опасность и ценностный подход при криминализации деяний	110
--	-----

Мелешко Г. С., Карпова К. С.

Актуальные вопросы противодействия мошенничеству в современных условиях	124
---	-----

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Суслин А. Н.

Правовая характеристика понятия корпоративного конфликта в Российской Федерации.....	133
--	-----

Филеткин П. Д.

Концептуальная основа расследования преступных посягательств на право безопасного труда	142
---	-----

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Белоусова М. А.

Роль монарха в церковном правосудии Российской империи XVIII в.....	152
---	-----

Ефимов М. А.

Закупки у единственного поставщика в условиях международных санкций: актуальные проблемы, риски, ответственность.....	161
---	-----

Кириллов А. А.

Некоторые особенности доказывания при наложении ареста на имущество, принадлежащее юридическому лицу, для возможной его конфискации.....	173
--	-----

Федорец М. Н.

Федерализация государственно-территориального устройства
как условие эффективности публичного управления в России 183

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Наумова Ю. Н.

Замечания криминалиста в связи с опубликованием монографии
Д. А. Шестакова «Постлиберальное противодействие преступности»
(СПб. : Альфа-Пресс, 2023. 230 с.) 192

Оганесян Р. Г.

Николай Константинович Рерих – художник и юрист 199

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Sergey B. Glushachenko

The Genesis of the Legal Regulation of Territorial Planning of the Military-Administrative Division of the Russian Federation 11

Igor B. Danilov

Institutional Formation of the National-State Structure of the Russian Empire in the 18th – Early 20th Centuries.....23

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Ekaterina V. Kirsanova

Notary Office in Digital: Current State and Development Prospects34

Alexander A. Mokhov

The Russian Language as an Object of Legal Protection42

Alexey M. Peresedov

On the Compliance with the Principle of Legality of Mandatory Requirements in the Decrees of the President of the Russian Federation57

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Tatyana Yu. Astapova

The Priority of the Spiritual over the Material as a Traditional Value in Russian Civil Law69

Anatoly N. Levushkin

Family and Traditional Family Values in the Paradigm of Entrepreneurial and Corporate Legal Relations78

Yuri A. Tarasov, Victoria R. Babenkova, Maria I. Brusentseva

Problematic Aspects of the Immunity of the Debtor's Sole Dwelling
in Bankruptcy Proceedings.....91

Viacheslav V. Cheremukhin

Payment for a Land Plot Under an Object of Unfinished Construction..... 104

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Vadim V. Antonchenko

Social Danger and a Value-Based Approach to Criminalization of Acts..... 111

Georgy S. Meleshko, Ksenia S. Karpova

Actual Issues of Counteraction to Fraud in Current Conditions..... 129

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION.
LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Alexander N. Suslin

Legal Characteristics of the Concept of Corporate Conflict
in the Russian Federation 134

Pavel D. Filetkin

The Conceptual Basis for the Investigation of Criminal Encroachments
on the Right to Safe Work..... 143

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Marina A. Belousova

The Role of the Monarch in the Ecclesiastical Justice
of the Russian Empire in the 18th Century..... 153

Mikhail A. Efimov

Purchasing from a Single Supplier Under International Sanctions:
Current Problems, Risks, Responsibilities 162

Arkady A. Kirillov

Some Features of Proof in the Process of Seizure of Property Belonging
to a Legal Entity for Possible Confiscation 174

Maxim N. Fedorets

Federalization of State-Territorial Structure as a Condition
for the Effectiveness of Public Administration in Russia 184

REVIEWS, PERSONALITIES

Yulia N. Naumova

Criminologist's Remarks in Connection with the Publication
of D. A. Shestakov's Monograph "Postliberal Crime Prevention"
(St. Petersburg: Alfa-Press, 2023. 230 p.) 193

Roman G. Oganessian

Nikolai Konstantinovich Roerich – Artist and Lawyer 200

Научная статья

УДК 34.07

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-10-21>

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сергей Борисович Глушаченко

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48

sglushachenko@mail.ru

Аннотация

Эффективное правовое регулирование размещения военно-административных единиц на территории страны оказывает непосредственное влияние на безопасность России. Это обуславливает актуальность исследования предложенной автором темы. Цель работы – рассмотреть генезис правовых актов, на основании которых было осуществлено правовое регулирование территориального планирования военно-административного деления на территории страны. В работе применены диалектические методы познания. Используются историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Автор приходит к выводу о том, что до образования Советского Союза в Российской империи имелись правовые основания и опыт территориального планирования административного и военно-административного деления. Территориальное деление федеральных округов не соответствует военно-административному делению страны. Необходимо дополнительно исследовать советский опыт правового регулирования размещения военных округов. Отмечается, что территориальное планирование отдельных федеральных органов на примере внутренних войск МВД России в отличие от военных округов в большей степени учитывает территориальное деление страны на федеральные округа.

Ключевые слова: военно-административное деление; территориальное планирование; правовое регулирование; военные округа; внутренние войска МВД России.

Для цитирования: Глушаченко С. Б. Генезис правового регулирования территориального планирования военно-административного деления Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 10–21. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-10-21>

Research Article

THE GENESIS OF THE LEGAL REGULATION OF TERRITORIAL PLANNING OF THE MILITARY-ADMINISTRATIVE DIVISION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey B. Glushachenko

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, 48 Moika River Emb.,
St. Petersburg, 191186, Russia
sglushachenko@mail.ru

Abstract

Effective legal regulation of the deployment of military administrative units on the territory of the country has a direct impact on Russia's security. This determines the relevance of the research of the topic proposed by the author. The purpose of the work is to consider the genesis of legal acts on the basis of which the legal regulation of territorial planning of military-administrative division in the country was carried out. The work uses dialectical methods of cognition. Historical-legal and comparative-legal methods are used. The author concludes that before the formation of the Soviet Union, the Russian Empire had legal grounds and experience in territorial planning of administrative and military-administrative divisions. The territorial division of the federal districts does not correspond to the military-administrative division of the country. It is necessary to further explore the Soviet experience of legal regulation of the deployment of military districts. It is noted that the territorial planning of individual federal bodies, using the example of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, unlike military districts, takes into account the territorial division of the country into federal districts to a greater extent.

Keywords: military-administrative division; territorial planning; legal regulation; military districts; internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

For citation: *Glushachenko S. B. The Genesis of the Legal Regulation of Territorial Planning of the Military-Administrative Division of the Russian Federation. Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 1, pp. 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-10-21>*

Введение

Генезис правового регулирования размещения военно-административных единиц на территории Российской Федерации¹ имеет непосредственное отношение к обеспечению ее государственной целостности и выполнению задач по обороне и безопасности страны. Исследование этого вопроса обусловлено значением военных округов для обеспечения обороны и безопасности страны и приобретает особую актуальность в связи с присоединением новых регионов и проведением специальной военной операции. Отечественными исследователями рассмотрены отдельные вопросы правового регулирования размещения военных округов во взаимосвязи с федеральными округами [1, с. 83–89; 2, с. 109–110]. При этом в современной юридической литературе работы по предложенной теме отсутствуют.

В целях всестороннего исследования представленной темы необходимо осуществить ее ретроспективный анализ на основании историко-правовых и сравнительно-правовых методов, который позволит избежать односторонних, а значит, и необъективных выводов. В связи с этим нельзя оставить за рамками исследования имеющийся опыт правового регулирования административного и военно-административного деления советского периода.

1. Теоретико-правовые вопросы территориального деления Советского государства

Изучению вопросов государственного устройства Советского государства еще в начале его существования придавалось особое значение в юриспруденции. Д. А. Магеровский подчеркивал особенность устройства Советского государства как федерации, обусловленную организацией территории по национальному принципу [3, с. 17]. Г. С. Гурвич, рассматривая принцип федерализма при построении Советского государства, видел в нем возможность преодоления имеющихся национальных проблем. По его мнению, общая территория не может обеспечить национального единства, без наличия в ней экономической целостности, сплоченности хозяйственных связей [4].

Одновременно с этим В. Н. Дурденевский полагал, что наименование «автономные республики» в РСФСР, имеющей федеративное устройство, уместнее заменить на «федерирующие». Территориальное деление РСФСР ученый предложил рассматривать в широком смысле – как губернии и местности, состоящие из 11 областей, двух трудовых коммун, восьми республик, – и в узком смысле – как Великороссию, без учета административных единиц территориального деления, имеющих автономию [5, с. 20–35]. В результате он сформулировал концепцию, поз-

¹ Далее – военные округа.

воляющую определить административное деление РСФСР, включая Великодержию, губернии и автономные республики. Подобной концепции в понимании административного деления придерживался П. И. Стучка [6, с. 259].

Необходимо отметить, что согласованность позиций в вопросах административного деления и его организации не всегда совпадала у исследователей теории права советского периода. Так, П. И. Стучка считал, что в процессе организации административного деления преобладают тенденции централизма его элементов [7], а Б. Д. Плетнев придерживался позиции приоритета унитарного принципа в данном процессе [8, с. 26–30].

2. Правовые основания административного и военно-административного деления Советского государства

Первыми актами, закрепившими правовые основы административного деления страны, стали декларация и договор 1922 г., основной целью которых было образование Союза Советских Социалистических Республик [9; 10]. Договор предусматривал объединение российской, белорусской, украинской и закавказской республик, ставших самыми крупными элементами административного деления страны. Дальнейшее юридическое закрепление административное деление страны получило в Конституции СССР 1924 г. [11].

Советское государство проходило этап формирования своего административного деления. Так, на Всероссийском съезде Советов, проходившем с ноября по декабрь 1936 г., И. В. Сталиным были определены признаки, являющиеся основанием для перевода самых крупных административных единиц – республик из автономных в союзные. Докладчик отнес к таким признакам территориальное расположение республики, численность населения, ее национальный состав [12, с. 141], оказывающий существенное влияние на определение административных границ и организацию государственного аппарата [13]. Завершение съезда было ознаменовано принятием Конституции СССР 1936 г., которая закрепила административное деление Советского государства на 11 республик, имевших в составе более мелкое административное деление на автономные республики, автономные округа, области, национальные округа и края [14].

Советские ученые, занимавшиеся исследованием права, исходили из федеративной сущности административного деления страны [15, с. 77], отмечая характерную черту, основанную на автономии [16, с. 234].

В последующем Конституцией СССР 1977 г. административное деление СССР было изменено на 15 республик [17, с. 14]. Конституцией 1993 г. административное деление страны было представлено субъектами, состоящими из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономных округов и автономных областей [18].

Указанные основные правовые документы советского и постсоветского периодов были направлены на территориальное размещение и юридическое закрепление административного деления, оказывающего непосредственное влияние на размещение военно-административных элементов страны.

Необходимо отметить, что опыт правового регулирования военно-административного деления уже имелся до образования Советского Союза. Примером яв-

ляется «милютинская» военная реформа, затронувшая все сферы военной организации российских сухопутных войск, что признают не только отечественные исследователи [19; 20, с. 491–529; 21], но и зарубежные [22, р. 351–381; 23, р. 6–50]. Данная реформа, проведенная в 1860–1870 гг. военным министром Д. А. Милютиным, была осуществлена на основании утвержденного плана, предполагавшего изменения системы управления войсками. Необходимость изменений наглядно показало поражение в Крымской войне, в связи с чем предлагалось осуществить территориальное деление страны на военные округа, где командующие сосредоточат военную власть.

В 1862 г. на основании предложений военного министра «Главные основания предполагаемого устройства военного управления по округам» были учреждены первые четыре военных округа [24]. Продолжение территориального планирования военных округов было основано на правовом акте 1864 г., в соответствии с которым на территории Российской империи создавались шесть военных округов (Московский, Санкт-Петербургский, Финляндский, Рижский, Харьковский и Казанский) [25].

Исследуя генезис правового регулирования территориального планирования военных округов, можно отметить, что уже в Российской империи имелись правовые основания по формированию структуры территориального деления в целях обеспечения ее безопасности.

Территориальное планирование военно-административного деления страны советского периода было осуществлено весной 1918 г. На территории европейской части образовано шесть военных округов (Московский, Беломорский, Орловский, Приволжский, Приуральский, Ярославский), позже образовано еще два (Минский, Петроградский) [26, с. 28–33].

Декретом Совета Народных Комиссаров было осуществлено территориальное планирование военных округов: Западно-Сибирского, состоящего из Томской, Тобольской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской губерний; Средне-Сибирского, состоящего из Енисейской, Якутской, Иркутской, Забайкальской губерний; Восточно-Сибирского, состоящего из Приморской, Амурской, Камчатской губерний и острова Сахалин; Северо-Кавказского, состоящего из Ставропольской, Черноморской областей, а также войск: Терского, Кубанского, Донского и Дагестанской губернии; Туркестанского, состоящего из Закаспийской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Семиреченской, Ферганской губерний [27, с. 517].

Военно-административное деление страны советского периода менялось в зависимости от необходимости решения государственных задач по обеспечению ее обороны и территориальной целостности. Как один из примеров, создание приказом Народного комиссариата обороны от 17 мая 1935 г. № 079 Уральского военного округа, в состав которого вошли Башкирская АССР, Челябинская, Свердловская области и Кировский край [28]. С началом Великой Отечественной войны округ выполнял важные задачи в обороне страны, обеспечивал сосредоточение на его территории объектов промышленности и создание военно-промышленных площадок при их эвакуации из опасных районов [29, с. 231–236].

Одним из главных факторов, оказавших влияние на территориальное планирование военных округов, стало правовое закрепление расширения территориаль-

ных границ СССР посредством вхождения новых республик. Рассматривая данные факторы, нельзя не отметить влияние Великой Отечественной войны и ее последствий на территориальное планирование военных округов. Так, если в предвоенный период количество военных округов насчитывало 17 территориальных образований, то в военный период их число доходило до 25. Территориальное планирование таких военных округов определялось оперативной обстановкой на фронтах и необходимостью оперативного управления войсками.

3. Правовое регулирование территориального планирования военных округов на современном этапе

Анализируя генезис правового регулирования территориального планирования военных округов на территории России, можно определить несоответствие между территориальным делением федеральных округов страны и субъектов, входящих в их состав, с одной стороны, с военными округами и субъектами, входящими в них, с другой стороны. Такое противоречие обусловливается несовпадением границ военных и федеральных округов, что может оказать во время масштабных военных действий негативное влияние на процесс управления и взаимодействия между органами гражданской и военной администрации.

Так, начиная с образования Российской Федерации первым правовым актом, закрепившим территориальное планирование военных округов, был Указ Президента РФ от 27 июля 1998 г., в соответствии с которым было осуществлено территориальное планирование шести военно-административных единиц страны, а именно Ленинградский военный округ – в границах 10 субъектов, Московский военный округ – в границах 19 субъектов, Северо-Кавказский военный округ – в границах 13 субъектов, Приволжско-Уральский военный округ – в границах 19 субъектов, Сибирский военный округ – в границах 12 субъектов, Дальневосточный военный округ – в границах девяти субъектов [30].

В дальнейшем Указом Президента РФ в 2010 г. было осуществлено территориальное планирование четырех военно-административных единиц страны, в результате чего территория была разделена на Западный, Южный, Центральный и Восточный военные округа [31]. Такое территориальное деление просуществовало до 2020 г., когда правовым актом Президента РФ было осуществлено очередное территориальное планирование военно-административного деления страны, частично изменены субъекты, входящие в военные округа, и в дополнение к четырем военным округам добавлен Северный флот в административных границах четырех субъектов Российской Федерации [32].

В настоящее время действует акт Президента РФ, определяющий современное территориальное планирование военно-административного деления страны. В соответствии с правовым актом территория страны разделена на пять военных округов: Ленинградский – в границах 11 субъектов, Московский – в границах 19 субъектов, Южный – в границах 19 субъектов, Центральный – в границах 29 субъектов и Восточный – в границах 11 субъектов [33].

Рассмотрение генезиса правовых актов, регулирующих территориальное планирование военных округов, свидетельствует об изменении военно-администра-

тивного деления страны, которое не соответствует ее территориальному делению с 2000 г. на семь, а с 2010 г. на восемь федеральных округов [34] и требует, как утверждает исследователь, в области государственного управления дополнительного правового регулирования [35].

Как показала практика, на примере создания в годы Великой Отечественной войны штабов партизанского движения фронтов отсутствие территориального планирования и его правового регулирования негативно сказалось на выполнении возложенных задач. Так, созданные в 1937 г. Постановлением Государственного комитета обороны штабы партизанских движений, размещение которых учитывало только территориальные границы фронтов [36, с. 78–79] (1941 г. – Ленинградский штаб [37, с. 18]), потребовало в 1942 г. принятия дополнительных решений по их размещению в республиках страны с учетом территориальных границ районов, захваченных врагом.

В целях анализа генезиса правового регулирования территориального планирования военно-административного деления страны необходимо отметить, что одновременно с территориальным планированием военных округов Вооруженных Сил имеется территориальное деление на округа войск внутреннего предназначения – внутренних войск МВД России, а в настоящее время войск национальной гвардии. К документам, на основе которых было осуществлено территориальное планирование таких округов, можно отнести Приказ МВД России 2000 г., в соответствии с которым на территории страны созданы семь управлений, таких как Северо-Кавказский, Московский, Уральский, Северо-Западный, Приволжский, Сибирский и Восточный округа внутренних войск МВД России. Приказ отдельно устанавливал, что управления округов внутренних войск являются территориальными правопреемниками ранее действующих управлений внутренних войск [38].

Данное территориальное деление страны на округа внутренних войск сохранилось, несмотря на их реорганизацию в региональные командования (Северо-Кавказское, Центральное, Северо-Западное, Приволжское, Уральское, Сибирское, Восточное) [39], и в большей степени взаимосвязано с территориальным делением страны на федеральные округа.

Заключение

Исследование генезиса правового регулирования территориального планирования военных округов советского и постсоветского периодов на территории страны позволяет сделать следующие выводы:

- до образования Советского государства в Российской империи имелись правовые основания территориального планирования военных округов;
- изменение административного деления страны, основанного на правовых документах, оказывало непосредственное влияние на формирование военных округов, количество которых изменялось в зависимости от необходимости решения государственных задач и обеспечения ее территориальной целостности;
- территориальное планирование военных округов в современной России с начала издания правового акта, послужившего основанием для их размещения, до настоящего времени не соответствует территориальному делению федеральных округов;

– территориальное планирование отдельных федеральных органов (войск) на примере внутренних войск, в отличие от военных округов, в большей степени учитывает территориальное деление страны на федеральные округа;

– в целях совершенствования правового регулирования территориального планирования военных округов необходимо исследование имеющегося опыта советского периода.

Пристатейный библиографический список

1. Сухондяева Т. Ю., Галузо В. Н. О проблемах федерального устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // *Ius Publicum et Privatum*. 2008. № 1 (1).
2. Мазуров В. Ю. К вопросу об изменении состава и границ федеральных округов Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2011. № 12 (84).
3. Магеровский Д. А. Союз Советских Социалистических Республик. М. : Тип. М.К.Х., 1923.
4. Гурвич Г. С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе. М. : Изд-во социалистической академии, 1924.
5. Дурденевский В. Н. На путях к русскому федеральному праву // *Советское право*. 1923. № 1.
6. Стучка П. И. Учение о государстве и Конституции РСФСР. Курск, 1922.
7. Стучка П. И. Диктатура пролетариата и советская федерация // *Власть Советов*. 1922. № 10.
8. Плетнев Б. Д. Государственная структура РСФСР // *Право и жизнь*. 1922. № 1.
9. Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик // *Собрание кодексов РСФСР*. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1923.
10. Постановление X Всероссийского Съезда Советов от 26 декабря 1922 г. «По докладу об образовании Союза Советских Социалистических Республик» // *СУ РСФСР*. 1923. № 28. Ст. 325.
11. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик // *Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР*. 1923. № 2. Ст. 45.
12. Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР: доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. / *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 14. М. : Писатель, 1997.
13. Некрасов С. И. Вопросы территориальной организации советского государства и государственного аппарата в науке государственного права // *Труды Института государства и права РАН*. 2013. № 6.
14. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // *Известия ЦИК СССР и ВЦИК*. 1936. № 283.
15. Златопольский Д. А. СССР – федеративное государство. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967.
16. Ронин С. Л. Возникновение и развитие конституционных основ советского многонационального государства // *Вопросы советского государства и права*. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957.

17. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Свод законов СССР. 1990. Т. 3.
18. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС «Гарант».
19. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича 1855–1880 гг. Т. 1–6. СПб., 1879–1881.
20. Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. 1: Исторический очерк развития военного управления в России. СПб., 1902.
21. *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1952.
22. *Keep J. L.* N. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford : Clarendon Press, 1985.
23. *Menning B. W.* "Bayonets Before Bullets". The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington : Indiana University Press, 1992.
24. *Черменский Е. Д.* Дискуссионные проблемы истории. М. : Наука, 1994.
25. Высочайше утвержденное Положение о Военно-окружных управлениях от 6 августа 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. 1864. Т. 39. № 41162.
26. *Тарханова Н. С.* Без военкома мы не имели бы Красной Армии // Родина. 2011. № 1.
27. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об учреждении военных округов» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : [б. и.], 1942.
28. *Коварский Э. Л., Корзников А. И., Кислов Е. И.* Краснознаменный Уральский: история Краснознаменного Уральского военного округа. М. : Воениздат, 1983.
29. *Афанасов О. В.* Формирование и деятельность Уральского военного округа во второй половине 1930-х гг. // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2.
30. Указ Президента РФ от 27 июля 1998 г. № 900 «О военно-административном делении Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3839.
31. Указ Президента РФ от 20 сентября 2010 г. № 1144 «О военно-административном делении Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 39. Ст. 4929.
32. Указ Президента РФ от 5 июня 2020 г. № 374 «О военно-административном делении Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 23. Ст. 3629.
33. Указ Президента РФ от 26 февраля 2024 г. № 141 «О военно-административном делении Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1369.
34. Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // СЗ РФ. 2023. № 27. Ст. 4980.
35. *Черкасов К. В.* Государственное управление на уровне федерального округа: административно-правовое исследование : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009.
36. Постановление ГКО СССР № 1837 «О создании Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования во главе

с П. К. Пономаренко, Украинского, Брянского, Западного, Калининского, Ленинградского, Карело-Финского штабов и о задачах партизанского движения» // РГАС-ПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 65.

37. Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области, 1941–1944. Л. : Лениздат, 1973.

38. Приказ МВД России от 29 марта 2000 г. № 309 «Об утверждении положений об управлениях округов внутренних войск МВД России» // СПС «Гарант».

39. Приказ МВД России от 26 октября 2007 г. № 942 № «Об утверждении Положений об управлениях региональных командований внутренних войск МВД России» // СПС «Гарант».

References

1. Sukhondiaeva T. Iu., Galuzo V. N. On the Problems of the Federal Structure, Administrative-Territorial and Military-Administrative Division of the Russian Federation. *Ius Publicum et Privatum*, 2008, no. 1 (1). (In Russ.)

2. Mazurov V. Iu. On Changing the Composition and Borders of the Federal Districts of the Russian Federation. *Agrarian and Land Law*, 2011, no. 12 (84). (In Russ.)

3. Magerovskii D. A. Union of Soviet Socialist Republics. Moscow: M.K.Kh. Printing House, 1923. (In Russ.)

4. Gurvich G. S. Principles of Autonomism and Federalism in the Soviet System. Moscow: Publishing House of the Socialist Academy, 1924. (In Russ.)

5. Durdenevskii V. N. Towards Russian Federal Law. *Soviet Law*, 1923, no. 1. (In Russ.)

6. Stuchka P. I. The Doctrine of the State and the Constitution of the RSFSR. Kursk, 1922. (In Russ.)

7. Stuchka P. I. The Dictatorship of the Proletariat and the Soviet Federation. *Power of the Soviets*, 1922, no. 10. (In Russ.)

8. Pletnev B. D. State Structure of the RSFSR. *Law and Life*, 1922, no. 1. (In Russ.)

9. Declaration on the Formation of the Union of Soviet Socialist Republics. In Collection of Codes of the RSFSR. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1923. (In Russ.)

10. Resolution of the Tenth All-Russian Congress of Soviets of December 26, 1922 "On the Report on the Formation of the Union of Soviet Socialist Republics". *Collection of Laws of the RSFSR*, 1923, no. 28, art. 325. (In Russ.)

11. Basic Law (Constitution) of the Union of Soviet Socialist Republics. *Bulletin of the Central Executive Committee, Council of People's Commissars and Council of Defense of the USSR*, 1923, no. 2, art. 45. (In Russ.)

12. Stalin I. V. On the Draft Constitution of the USSR: Report at the Extraordinary VIII All-Union Congress of Soviets on November 25, 1936. In *Stalin I. V. Works*. Vol. 14. Moscow: Pisatel, 1997. (In Russ.)

13. Nekrasov S. I. Issues of Territorial Organization of the Soviet State and State Apparatus in the Science of Public Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2013, no. 6. (In Russ.)

14. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics. *Bulletin of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Union Central Executive Committee*, 1936, no. 283. (In Russ.)
15. Zlatopolskii D. A. USSR – A Federal State. Moscow: Moscow University Publishing House, 1967. (In Russ.)
16. Ronin S. L. The Emergence and Development of the Constitutional Foundations of the Soviet Multinational State. In *Issues of the Soviet State and Law*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1957. (In Russ.)
17. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics. In *Code of Laws of the USSR*, 1990, vol. 3. (In Russ.)
18. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (SPS "Garant"). (In Russ.)
19. Historical Essay on the Activities of the Military Administration in Russia During the First Twenty-Five Years of the Prosperous Reign of Emperor Alexander Nikolaevich 1855–1880. Vols. 1–6. St. Petersburg, 1879–1881. (In Russ.)
20. The Centenary of the Ministry of War 1802–1902. Vol. 1: Historical Essay on the Development of Military Administration in Russia. St. Petersburg, 1902. (In Russ.)
21. Zaionchkovskii P. A. Military Reforms of the 1860–1870s in Russia. Moscow: Moscow University Publishing House, 1952. (In Russ.)
22. Keep J. L. N. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford: Clarendon Press, 1985.
23. Menning B. W. "Bayonets Before Bullets". The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington: Indiana University Press, 1992.
24. Chermenskii E. D. Controversial Problems of History. Moscow: Nauka, 1994. (In Russ.)
25. The Supremely Approved Regulation on the Military District Administrations of August 6, 1864. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, 1864, vol. 39, no. 41162. (In Russ.)
26. Tarkhanova N. S. Without the Military Commissar, We Would Not Have the Red Army. *Rodina*, 2011, no. 1. (In Russ.)
27. Decree of the Council of People's Commissars "On the Establishment of Military Districts". In *Collection of Laws and Orders of the Government for 1917–1918*. Moscow: [s. n.], 1942. (In Russ.)
28. Kovarskii E. L., Korznikov A. I., Kislov E. I. Red Banner Ural: History of the Red Banner Ural Military District. Moscow: Voenizdat, 1983. (In Russ.)
29. Afanasov O. V. Formation and Activities of the Ural Military District in the Second Half of the 1930s. *News of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2018, vol. 14, no. 2. (In Russ.)
30. Decree of the President of the Russian Federation of July 27, 1998 No. 900 "On the Military-Administrative Division of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1998, no. 31, art. 3839. (In Russ.)
31. Decree of the President of the Russian Federation of September 20, 2010 No. 1144 "On the Military-Administrative Division of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2010, no. 39, art. 4929. (In Russ.)

32. Decree of the President of the Russian Federation of June 5, 2020 No. 374 "On the Military-Administrative Division of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 23, art. 3629. (In Russ.)

33. Decree of the President of the Russian Federation of February 26, 2024 No. 141 "On the Military-Administrative Division of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2024, no. 10, art. 1369. (In Russ.)

34. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2000 No. 849 "On the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 27, art. 4980. (In Russ.)

35. Cherkasov K. V. Public Administration at the Federal District Level: Administrative and Legal Research: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2009. (In Russ.)

36. Resolution of the State Defense Committee of the USSR No. 1837 "On the Establishment of the Central Headquarters of the Partisan Movement at the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief Headed by P. K. Ponomarenko, the Ukrainian, Bryansk, Western, Kalinin, Leningrad, Karelo-Finnish Headquarters and on the Tasks of the Partisan Movement". *RGASPI*, f. 644, op. 2, d. 65. (In Russ.)

37. Petrov Iu. P. Partisan Movement in the Leningrad Region, 1941–1944. Leningrad: Lenizdat, 1973. (In Russ.)

38. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of March 29, 2000 No. 309 "On Approval of the Provisions on the Departments of the Districts of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (SPS "Garant"). (In Russ.)

39. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of October 26, 2007 No. 942 "On Approval of the Regulations on the Departments of the Regional Commands of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (SPS "Garant"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

С. Б. Глушаченко – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

S. B. Glushachenko – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.10.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 03.10.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-22-32>

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Игорь Борисович Данилов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плеханова, д. 10

0615222@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется процесс институционализации национально-регионального управления в Российской империи. Выявляются концептуальные противоречия, присущие данному процессу. Определяются их сущность и природа, оценивается влияние на формирование системы регионального управления. К числу наиболее значимых проблем отнесены: противоречие имперского автономизма политике административной централизации, дивергенция подходов к бюрократизации, смешение на местах территориальной и отраслевой систем управления.

Ключевые слова: национально-территориальное устройство; национально-государственное устройство; региональное управление; местная власть; бюрократизация; автономизация; империя; Российская империя; министерство; генерал-губернатор; губернатор.

Для цитирования: Данилов И. Б. Институциональное оформление национально-государственного устройства Российской империи в XVIII – начале XX вв. // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 22–32. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-22-32>

Research Article

INSTITUTIONAL FORMATION OF THE NATIONAL-STATE STRUCTURE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

Igor B. Danilov

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10 Plakhotny St.,
Novosibirsk, 630108, Russia
0615222@mail.ru

Abstract

The article examines the process of institutionalization of national-regional governance in the Russian Empire. The conceptual contradictions inherent in this process are identified. Their essence and nature are determined, and their influence on the formation of the regional governance system is assessed. The most significant problems include the contradiction between imperial autonomy and the policy of administrative centralization, the divergence of approaches to bureaucratization, and the mixing of territorial and sectoral governance systems at the local level.

Keywords: national-territorial structure; national-state structure; regional governance; local government; bureaucratization; autonomization; empire; Russian empire; ministry; governor-general; governor.

For citation: *Danilov I. B. Institutional Formation of the National-State Structure of the Russian Empire in the 18th – Early 20th Centuries. Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 1, pp. 22–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-22-32>*

Введение

Формирование системы регионального управления в Российской империи XVIII – начала XX вв. представляет собой сложный неоднозначный процесс, осуществлявшийся в условиях значительного противоречия имевших место подходов и векторов политического развития государства. Одновременное существование тенденций централизации государственного управления и децентрализации власти в отношении новоприобретенных территорий с особым статусом создавало чрезвычайно специфические условия для реализации единой последовательной региональной политики. Задача унификации управления формулировалась на уровне высшей власти, но не могла быть успешно решена в рамках имперской парадигмы развития государства. Вместе с тем постоянное расширение государства, присоединение новых самобытных территорий требовали от правительства решения задач

их интеграции в бюрократическую систему, выстраивания эффективной архитектуры властных отношений «центр-регионы» с целью органичного включения новых социальных общностей в единое цивилизационное пространство империи.

Столь своеобразные условия существования Российского государства и уникальные задачи, стоящие перед ним в описанный период, порождают значительный интерес в научных кругах к обозначенной теме. Региональное управление в Российской империи XVIII – начала XX вв. являлось предметом глубокой научной разработки в монографических трудах таких известных современных специалистов, как С. В. Кодан [1], Н. И. Красняков [2], Л. Е. Лаптева [3], а также в значительном числе публикаций других исследователей, представленных в науке. Институционализация государственного регионального управления в Российской империи получает в них обстоятельное рассмотрение, однако изучается, как правило, в контексте эволюции государственного аппарата, происходящей в ходе развития государства и в связи с проводимыми государственными реформами. В настоящем исследовании предпринимается попытка изучения указанного феномена в разрезе тех глубинных процессов и явлений, которые обуславливали его противоречивую природу. Особое внимание уделяется коренным противоречиям, заложенным в основу регионального управления, дивергенции подходов, на которых основывалась реформаторская политика государства. Предпринимается попытка выявления сущности и природы данных противоречий, а также их влияния на процесс и результат построения модели местной власти в государстве.

1. Бюрократизация государственного управления

Институционализация государственного управления территориями Российской империи представляла собой непрерывный процесс, длившийся в течение всего периода XVIII – начала XX вв. и характеризовавшийся значительной социальной динамикой. Историки государства и права той эпохи отмечают, что она осуществлялась в условиях перехода от самодержавно-земского порядка к самодержавно-бюрократическому [4, с. 31]. Реализация различного рода правовых актов государственной власти становилась функцией бюрократии центрального, регионального и местного уровней, что предопределяло особые требования к согласованности их действий и общей сбалансированности управленческого аппарата.

Между тем сама бюрократизация управления осуществлялась в условиях принципиального противоречия существующих подходов. Убежденные сторонники самодержавия по традиции твердо придерживались установки, что во главе российских губерний должны стоять доверенные лица императора, в то время как приверженцы рационализации государственного управления территориями выступали против самой идеи о том, что вся ключевая бюрократия должна складываться из доверенных лиц государя, отдавая предпочтение формальным критериям занятия должностей. Однако, несмотря на неоднократные попытки изменения сложившейся идеологии, она оставалась непоколебимой. В 80-е гг. XIX в. К. П. Победоносцев, ближайший советник Александра III, по-прежнему убежденно говорил, что «Российское государство имело более персоналистский, нежели институциональный, характер, опиралось в значительной мере не на институты, а на

людей. Такое понимание особенностей российской государственности приводило... к выводу о том, что любые проекты преобразования государственного строя сами по себе ничтожны, бессмысленны, что никакие отдельные меры не приведут к улучшению государственного управления, если на высших должностях не будет достойных людей, способных эффективно действовать в интересах своего народа» [5, с. 206–207]. Исследователи утверждают, что именно по причине такого понимания природы государственной власти в российской традиции «бюрократия» оставалась словом ругательным, тесно связанным с бесконтрольностью и безответственностью [6, с. 198–199].

Чиновники в период Российской империи традиционно сохраняли личную зависимость от императора, не обладали механизмами правовой защиты от произвольного увольнения с должности, понижения или перемещения. Формальные критерии поступления на должность и требования к профессионализму служащего также уступали место личному расположению и доверию монарха. Указанные обстоятельства существенным образом препятствовали проведению всех реформ, нацеленных на оптимизацию государственного управления регионами.

2. Административная централизация и унификация регионального управления

Другой глубинной проблемой институционального оформления национально-государственного устройства Российской империи являлось неразрешимое противоречие между политикой автономизации, с одной стороны, и стремлением к унификации государственного управления, с другой стороны. Создание особых правовых режимов для вновь присоединяемых территорий обеспечивало легитимацию государственной власти и способствовало их интеграции в единое цивилизационное пространство империи. Сохранение местных законов и обычаев, органов и структур управления, конфессиональных прав населения, привилегий местных элит позволяло обеспечить лояльность новых подданных и бесконфликтно включить их в состав единого государства. Вместе с тем одновременное существование в одном государстве общеимперской и местных правовых систем, наличие разнородных органов власти, различного объема прав и полномочий отдельных территорий негативно сказывались на формировании единого политического ландшафта империи и противоречили основам неделимой самодержавной власти. Деятельность центральных правительственных учреждений по унификации системы управления территориями, таким образом, сталкивалась с объективным препятствием, обусловленным самой природой империи как особой формы государства.

Решение обозначенной проблемы осуществлялось также в рамках имперской парадигмы. Формирование системы регионального управления производилось путем проведения двойственных мер. С одной стороны, обеспечивались автономия национальных регионов, сохранение их обычаев, культуры, традиций государственности. Гарантировались их самостоятельность и обособленность местной власти. С другой стороны, центральная власть, выступая на началах кооперации с местными элитами, формировала у них потребность к интеграции и включению в общеимперское

пространство с целью защиты существовавших местных «прав и привилегий» перед верховной властью. Таким образом, местные элиты органично включались в общую социальную систему и способствовали инкорпорации всего региона в единую политико-правовую структуру имперского государства. Н. И. Красняков объясняет подобную компромиссную национально-региональную политику дуалистической формационно-цивилизационной природой имперского государства [2, с. 159].

3. Проблемы организации системы государственных органов управления территориями

Организация эффективной системы управления регионами представляла собой сложную задачу, не утрачивавшую актуальность в течение всего имперского периода России. Объективные проблемы заключались в удаленности территорий от центра, их большой протяженности, значительном различии в уровнях политического, социально-экономического, культурного развития, своеобразии местных традиций и укладов. Субъективные проблемы состояли в общей ведомственной разобщенности, смешении отраслевого и регионального управления, при котором не была четко определена компетенция различных органов по управлению делами региона, не выстроена иерархия их соподчиненности и не выработаны механизмы взаимодействия. Один и тот же вопрос мог одновременно находиться в ведении разных государственных и местных органов, что приводило к общей неразберихе и нарушению нормального функционирования власти на местах. Переход к министерской модели привел к появлению в регионах особых органов министерского (отраслевого подчинения), что и породило одновременное существование территориальной и отраслевой линий власти. Обладая схожей природой властью и объемом полномочий, но при этом не имея четкого разделения предметов ведения, различные органы не находили возможности для координации своих действий. Указанная проблема ясно осознавалась и видными государственными деятелями той эпохи. Так, например, с критикой системы управления, созданной М. М. Сперанским, публично выступал действовавший министр финансов Российской империи Д. А. Гурьев, указывая на очевидное «смешение властей» как в центре, так и в регионах [7, с. 149]. Вносила свой вклад и значительная асимметрия государственного устройства, преодолеть которую государство было не в состоянии по объективным причинам, описанным выше.

Для анализа природы и причин указанных проблем в организации деятельности государственного аппарата необходимо проанализировать его структуру, а также способы организации горизонтальных и вертикальных связей. Модель управления территориями в классический период развития Российской империи представляла собой систему, включавшую в себя несколько уровней.

Первый уровень был представлен главным доверенным лицом императора в регионе. Основой системы регионального управления в течение всего имперского периода России, вплоть до его окончания, выступал институт наместничества. Высшим должностным лицом региона, реализующим эту функцию, традиционно выступал генерал-губернатор, чей статус значительно менялся на протяжении XVIII – начала XIX вв. Если при Петре I данная должность носила исключительно

представительский характер, по существу являясь почетным титулом, которым награждались наиболее приближенные к императору губернаторы, то уже при Екатерине II она приобрела реальное значение, став главным связующим звеном между центральной и местной властью. Генерал-губернатор рассматривался как орган верховного управления, прежде всего надзора за административной и судебной властью в губернии. Являясь одновременно и председателем губернского правления, он также осуществлял широкий круг исполнительных и распорядительных функций. Видный советский историк права Г. В. Вернадский характеризует генерал-губернаторство как «особый вид центральных властей, действующих, однако, в ограниченном районе». М. М. Сперанский, подчеркивая указанное свойство, называл генерал-губернатора «министерством, действующим на месте» [8, с. 100–101]. Политическая природа данного института, таким образом, с течением времени видоизменилась от кормленчества до полноценного управления регионом.

Следует отдельно подчеркнуть тот факт, что генерал-губернатор, непосредственно подчиняясь и действуя в соответствии с общеимперским законодательством, осуществлял высший контроль и надзор за местными учреждениями, управлявшимися зачастую в соответствии с местными нормами и установлениями. Это определяло двойственность характера правового регулирования его деятельности.

Отдельное положение в структуре местного управления занимал губернатор. После проведения губернской реформы и утверждения Екатериной II «Учреждения для управления губерний всероссийской Империи» губернаторы стали исключительно гражданскими чиновниками, не осуществлявшими функций военного управления [9]. Формально в административной вертикали они стояли ниже генерал-губернаторов, находились под их надзором, но обладали достаточно широкой компетенцией.

С появлением министерств губернаторы стали играть роль распорядительных органов, утратив политическую функцию и постепенно превращаясь в агентов министерств, одновременно отдаляясь от личного контроля императора. Особенно тесной связью они обладали с Министерством внутренних дел.

Формально оставаясь в непосредственном подчинении императору, к началу XX в. большая часть решений губернаторов должна была согласовываться министерствами. Из записки министра внутренних дел В. К. Плеве (1903 г.) следует, что губернатор должен был получить одобрение министерства даже для того, чтобы разрешить проведение благотворительных лотерей, собраний, лекций, выставок. Одобрения из Санкт-Петербурга требовали и назначения в здравоохранение [6, с. 202]. Кроме того, само прошение об аудиенции у императора подавалось через Министерство внутренних дел, что позволяло последнему отслеживать и контролировать подобные контакты. Губернаторы назначались на должность и увольнялись императором по представлению министра, представляли отчеты о положении дел в губернии также в Министерство. С 1864 г. вплоть до начала XX в. эти отчеты носили еженедельный характер, что характеризует степень подконтрольности губернаторов МВД.

Другой характерной чертой института губернаторства являлось сочетание чрезвычайно широкой компетенции, высокой личной ответственности и при этом за-

урядных деловых качеств самих губернаторов. Это было связано с тем, что после утраты самостоятельного политического значения и подчинения министерствам должность губернатора оказалась непривлекательной для близких к верховной власти лиц и зачастую предоставлялась немолодым военным служащим или губернским чиновникам. Часто они не имели высшего образования или получали только военное образование [10, с. 211]. Еще худшим образом обстояли дела со служащими губернских администраций. Неквалифицированность и отсутствие требуемых навыков, недостаток жалования приводили к чрезвычайно низкому качеству их докладов и отчетов. В силу этого центральная власть зачастую просто не имела адекватного представления о положении дел в регионах. О масштабе проблемы свидетельствует тот факт, что в декабре 1895 г. министр внутренних дел И. Л. Горемыкин лично обращался в Комитет министров с жалобой на некомпетентность и ненадежность губернаторских отчетов. Содержащиеся в них сведения были недостоверны, зачастую повторяясь из года в год, их невозможно было свести и использовать для анализа и оценки реальной ситуации [11, с. 233].

Таким образом, должность губернатора совмещала в себе, по сути, три роли: представителя императора, главы системы губернского надзора и защитника прав, чиновника системы МВД [6, с. 202]. Неконкретность его полномочий (к ним относился самый широкий круг вопросов), неочевидная роль в структуре государственной власти и неопределенный характер его взаимодействия с императором, с одной стороны, и с системой министерств, с другой стороны, значительно затрудняли проведение рационализации бюрократической системы, которая к указанному моменту представлялась объективно необходимой.

На следующем уровне системы организации управления регионами в Российской империи располагался Сенат как основной надзорный орган. В силу того, что он начиная со второй четверти XVIII в. утратил значительную часть своих полномочий, им осуществлялись преимущественно функции наблюдения за управлением делами региона и своевременное информирование об их состоянии других государственных органов. Сенат проводил ревизии, но не принимал самостоятельных решений по их результатам. Он передавал материалы соответствующих проверок на рассмотрение императора, Государственного совета или Комитета министров. Департаменты Сената также выступали высшими апелляционными инстанциями для губернских судов. Отдельно в его составе учреждались департаменты по делам автономных территорий.

Следующее звено управления территориями составляли министры и министерства. Они осуществляли функцию отраслевого управления, которое зачастую смешивалось с территориальным, порождая управленческую рассинхронизацию. Основной задачей министерств являлось оперативное регулирование профильных сфер жизнедеятельности регионов по вопросам, отнесенным к их полномочиям. Для решения этих задач министерствами создавались департаменты в регионах, которые были призваны регламентировать местное управление в соответствующей отрасли. При этом в самой местности уже существовали изначальные органы управления, с которыми они неминуемо вступали в противоречие. Дублирование функций порождало параллелизм в деятельности всего механизма государства

и способствовало возникновению неразберихи. При этом двойственность положения министерства была заложена уже в самой модели министерского устройства. М. М. Сперанский по этому поводу указывал: «Таким образом, министерское устройство будет иметь два вида: один общий, в коем все дела разделяются по предметам, другой местный, в коем все дела разделяются по округам» [8, с. 100–101].

Первоначально министерства создавались как учреждения политического характера, которые должны были связать императора и местное управление. По замыслу центральной власти министры должны были занять место посредников между главой государства и местным управлением, сосредоточив предметом своей ответственности только руководящие и контролирующие функции [12, с. 100–108]. На деле же из-за разрастания системы министерских департаментов они выполняли совсем другую функцию. Российский правовед той эпохи О. К. Нотович по поводу самостоятельности департаментов отмечал: «Департаментская централизация поглотила проектированную правительством децентрализацию и земские учреждения из «особого органа одной и той же государственной власти» обратились в подобие частных контор» [13, с. 148].

Другим уровнем управления регионами в Российском государстве можно определить Комитет министров и Государственный совет, которые выполняли схожие функции – обсуждение и согласование различных преобразований в административном аппарате, способствующих повышению эффективности территориального управления. Проекты реорганизации предлагались императору к утверждению.

Для фактической реализации утвержденных проектов реформ в регионах учреждались Высшие временные территориальные комитеты. Исходя из своего предназначения они осуществляли конкретные меры по проведению в жизнь замысла центральной власти. В XIX в. действовали следующие территориальные комитеты: Сибирский, Кавказский, комитет по делам финляндским, комитет по делам Царства Польского и комитет западных губерний. Последние три имели недолговременный характер.

Само возникновение высших комитетов как органов власти было связано с бюрократической централизацией государственного аппарата. Вопросы текущего управления перемещались из низших государственных звеньев в высшие и центральные учреждения, в силу чего задачи общего руководства и правового регулирования не могли решаться с необходимой оперативностью. Для этой цели императором и были учреждены высшие комитеты. Они представляли собой немногочисленные, но зачастую наделенные огромными полномочиями группы особо приближенных к Николаю I чиновников, пользующихся его личным доверием. Комитеты часто привлекались для составления или обсуждения законопроектов, касающихся соответствующих регионов.

Последним уровнем централизованного управления регионами можно назвать министров статс-секретарей, которые в пределах особых территорий, имевших целостное самостоятельное местное законодательство (Финляндия и Польша), напрямую докладывали императору о состоянии дел в этих регионах. Кроме того, они представляли соответствующие доклады местным парламентам для более эффективного осуществления ими правотворческих функций. Глубинной функцией

института статс-секретариата являлось обеспечение связи между монархом и региональным управлением в обход правительственных учреждений. По этой причине министры статс-секретари назначались, как правило, из среды наиболее авторитетных местных чиновников и общественных деятелей.

Значительным своеобразием обладала система управления в Великом Княжестве Финляндском и Царстве Польском. Особый статус этих территорий, который в некоторых научных трудах того времени определялся как статус самостоятельных государств [14, с. 193], предопределял сохранение множества местных органов власти, существовавших до присоединения территорий к России. Политико-правовая интеграция данных образований в состав империи осуществлялась в русле «административной русификации», которая особых результатов не принесла. В науке отмечается, что распространение русской культуры, языка и православной веры не способствовало достижению цели установления единой системы органов управления [15, с. 250–251]. В Финляндии и Польше массово продолжали действовать местные органы и учреждения, подчинявшиеся местным же законам. Ликвидация широкой автономии здесь принудительно началась лишь во второй половине XIX в. после восстания в Польше в 1863 г.

Заключение

Политика административной централизации, унификации государственного управления на местах и ликвидации правовой обособленности регионов осуществлялась вплоть до конца имперского периода Российского государства и характеризовалась длительностью и незавершенностью. Представляется, что само ее проведение несколько противоречило принципам существования имперского государства, поскольку не соотносилось с гибкостью, присущей процессам интеграции новых территорий в общее имперское пространство. Выстраивание единой универсальной модели управления на всей территории Российской империи не способствовало легитимации имперской власти в ее национальных регионах, которые к тому же зачастую находились на приграничных территориях и испытывали значительное влияние иностранных государств.

Анализ процесса институционализации национально-государственного управления территориями Российской империи позволяет заключить, что он происходил в условиях существования множественных противоречий, имеющих фундаментальный характер. Невозможность определения единого вектора региональной политики и направления проводимых реформ приводила к проявлению в государственном аппарате свойств рассинхронизации и разбалансированности, а в самом государственном устройстве – сопутствующего партикуляризма. Представляется, что характер данных противоречий был во многом неразрешимым, что предопределило неуспешность административной централизации и унификации управления территориями Российской империи в течение всего периода XVIII – начала XX вв.

Пристатейный библиографический список

1. *Кодан С. В., Февралева С. А.* Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX вв.) : монография. М. : Юрлитинформ, 2014.
2. *Красняков Н. И.* Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX вв.) : монография. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2023.
3. *Лаптева Л. Е.* Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). М. : Изд-во ИГиП РАН, 1998.
4. *Богословский М. М.* Из истории верховной власти в России. 2-е изд. Пг., 1918.
5. *Томсинов В. А.* Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М. : Зерцало-М, 2013.
6. *Лаптева Л. Е.* Эволюция управления центральными губерниями в России XIX – начала XX века // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 3.
7. *Гурьев Д. А.* Об устройстве верховных правительств в России // Государство Российское: власть и общество: с древнейших времен до наших дней : сборник докладов : [учебное пособие для вузов по направлению и специальности «История»] / под ред. Ю. С. Кукушкина. М. : Наука, 1996.
8. *Вернадский Г. В.* Очерк истории права Русского государства XVIII–XIX вв. : (Период империи). Прага : Пламя, 1924.
9. Учреждения для управления губерний всероссийской Империи. М., 1775.
10. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978.
11. *Дятлова Н. П.* Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения / отв. ред. В. В. Бедин. Л. : Наука, 1964.
12. *Стрельников А. О.* Об ответственности министров в имперской России // Вестник МПГУ. Юридические науки. 2019. № 3 (35).
13. *Нотович О. К.* Основы реформ местного и центрального управления. СПб., 1882.
14. *Алексеев А. С.* Русское государственное право. Конспект лекций. М., 1892.
15. *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб. : Европейский дом, 1997.

References

1. *Kodan S. V., Fevraleva S. A.* Local Law of National Regions in the Russian Empire (Second Half of the 17th – Early 20th Centuries): Monograph. Moscow: Iurlitinform, 2014. (In Russ.)
2. *Krasniakov N. I.* Russian Empire: Experience of Governing National Regions (Mid-17th – Early 20th Centuries): Monograph. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publishing and Printing Center, 2023. (In Russ.)
3. *Lapteva L. E.* Regional and Local Government in Russia (Second Half of the 19th Century). Moscow: Institute of Geology and Law of the Russian Academy of Sciences Publishing House, 1998. (In Russ.)

4. *Bogoslovskii M. M.* From the History of the Supreme Power in Russia. 2nd ed. Petrograd, 1918. (In Russ.)
5. *Tomsinov V. A.* Constitutional Issue in Russia in the 60s – Early 80s of the 19th Century. Moscow: Zertsalo-M, 2013. (In Russ.)
6. *Lapteva L. E.* Evolution of the Governance of the Central Provinces in Russia in the 19th – Early 20th Centuries. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2013, no. 3. (In Russ.)
7. *Guriev D. A.* On the Structure of Supreme Governments in Russia. In *Kukushkin Iu. S. (ed.)*. The Russian State: Power and Society: From Ancient Times to the Present Day: Collection of Reports: [Textbook for Universities in the Direction and Specialty “History”]. Moscow: Nauka, 1996. (In Russ.)
8. *Vernadskii G. V.* Essay on the History of Law of the Russian State of the 18th–19th Centuries: (The Period of the Empire). Prague: Plamia, 1924. (In Russ.)
9. Institutions for the Governance of the Provinces of the All-Russian Empire. Moscow, 1775. (In Russ.)
10. *Zaionchkovskii P. A.* Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century. Moscow: Mysl, 1978. (In Russ.)
11. *Diatlova N. P.* Governors’ Reports as a Historical Source. In *Bedin V. V. (ed.)*. Problems of Archival Science and Source Study. Leningrad: Nauka, 1964. (In Russ.)
12. *Strelnikov A. O.* On the Responsibility of Ministers in Imperial Russia. *Bulletin of Moscow Pedagogical State University. Legal Sciences*, 2019, no. 3 (35). (In Russ.)
13. *Notovich O. K.* Fundamentals of Local and Central Government Reforms. St. Petersburg, 1882. (In Russ.)
14. *Alekseev A. S.* Russian State Law. Lecture Notes. Moscow, 1892. (In Russ.)
15. *Polvinen T.* State and Outskirts. N. I. Bobrikov – Governor-General of Finland 1898–1904. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 1997. (In Russ.)

Сведения об авторе:

И. Б. Данилов – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

I. B. Danilov – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена после рецензирования 11.12.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 21.10.2024; approved after reviewing 11.12.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 347.961

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-33-40>

НОТАРИАТ В «ЦИФРЕ»: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Екатерина Васильевна Кирсанова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

rpamucni@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются современное состояние и перспективы развития внедрения цифровых технологий в нотариат. Актуальность исследования обусловлена развитием электронного нотариата, потребностей граждан и юридических лиц в его электронных сервисах, в работе которых активно применяются цифровые технологии, а также цифровизации государства и общества в целом. Целью работы является выявление современного состояния и перспектив развития цифровизации нотариата. Методологию составили диалектический метод, общенаучные и специально-юридические методы. В статье представлены особенности применения цифровых технологий в нотариате на современном этапе, угрозы и риски. Полученные выводы позволяют более широко взглянуть на нотариат в «цифре», закладывают основу для дальнейших доктринальных исследований и формирования обновленной правовой системы России.

Ключевые слова: цифровой нотариат; электронный нотариат; виртуальный нотариат; нотариальная деятельность; организация нотариата; цифровые технологии; дистанционный нотариат.

Для цитирования: Кирсанова Е. В. Нотариат в «цифре»: современное состояние и перспективы развития // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 33–40. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-33-40>

Research Article

NOTARY OFFICE IN DIGITAL: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Ekaterina V. Kirsanova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
rpamucni@gmail.com

Abstract

The article discusses the current state and development prospects with the introduction of digital technologies in the notary. The relevance of the research is due to the development of the electronic notary, the needs of citizens and legal entities in its electronic services, which actively use digital technologies, as well as the digitalization of the state and society as a whole. The purpose of the work is to identify the current state and prospects for the development of digitalization of the notary. The methodology consists of the dialectical method, general scientific and special legal methods. The article presents the features of the use of digital technologies in the notary at the present stage, threats and risks. The findings allow us to take a broader look at the notary office in digital, and lay the foundation for further doctrinal research and the formation of an updated Russian legal system.

Keywords: digital notary; electronic notary; virtual notary; notarial activity; notary organization; digital technologies; remote notary.

For citation: *Kirsanova E. V. Notary Office in Digital: Current State and Development Prospects. Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 1, pp. 33–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-33-40>

Введение

Современный нотариат в России выходит за рамки традиционных подходов. Цифровые технологии давно и прочно вошли в деятельность нотариусов. Некоторыми учеными отмечается наличие «виртуального» или «цифрового» нотариата [1; 2]. Также в научной дискуссии встречается понятие электронного нотариата [3].

Н. Е. Ладенков отмечает интересный факт: виртуальность предполагает видоизменение пространства и человеческих отношений, где человек взаимодействует с нечеловеческими сущностями, к которым автор относит роботов, наделенных искусственным интеллектом [4]. Искусственный интеллект, так же как и роботы,

еще не применяется в нотариате, но, возможно, в скором будущем будут созданы благоприятные условия для их применения.

Термин «цифровой» применительно к нотариату получил распространение в научной среде с принятием Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Однако внедрение цифровых технологий началось раньше.

Уместнее упоминать электронный нотариат, нежели цифровой или виртуальный. В нотариальной практике используется электронный документооборот, имеют место электронное взаимодействие с иными субъектами в рамках межведомственного взаимодействия, электронное нотариальное производство и электронные нотариальные акты.

Информационные технологии в нотариальной сфере: современное состояние, угрозы и риски

С технической точки зрения российский нотариат является одним из передовых институтов цифровизации в публичном пространстве страны. Внедрение цифровых технологий в практику работы органов нотариата началось с созданием Единой информационной системы нотариата. Прототип был создан еще в 2006 г. В Основы о нотариате положения о Единой информационной системе были введены в 2013 г. (гл. VII.1, ст. 34.1) [5]. В соответствии с Основами о нотариате Единой информационной системой признается «автоматизированная информационная система, предназначенная для комплексной автоматизации процессов сбора, обработки сведений о нотариальной деятельности и обеспечения всех видов информационного взаимодействия». Единая информационная система создана и принадлежит на праве собственности Федеральной нотариальной палате.

Благодаря Единой информационной системе нотариусы могут самостоятельно запрашивать необходимые данные из ряда ведомств и сами направляют документы на государственную регистрацию в Росреестр и Федеральную налоговую службу. Единая информационная система обеспечивает оперативный обмен данными между нотариусами также в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия. За время работы в Единой информационной системе зарегистрировано 22 млн запросов. С 2018 г. абсолютно все нотариальные действия должны быть зарегистрированы в Единой информационной системе. В настоящее время в системе хранится около 377 млн записей, общий объем данных в Единой информационной системе – более 325 Тб. Только с начала 2024 г. нотариусы добавили более 19 млн записей [6].

В 2023 г. получил развитие проект по введению единого формата машиночитаемой доверенности на базе совместных технологий Федеральной налоговой службы и Федеральной нотариальной палаты. Единый формат машиночитаемой доверенности позволяет автоматизировать проверку полномочий представителя. С точки зрения безопасности введение такого формата минимизирует вероятность ошибок при обработке документов, их фальсификации и использования в неправомерных целях.

Продолжают прорабатываться инициативы по расширению использования информационных технологий для безопасных правоотношений в цифровой среде, в том числе при обращении к нотариусу. Среди актуальных законопроектов, находящихся на рассмотрении в Государственной Думе, один касается расширения перечня условий совершения исполнительной надписи, а также уточнения правил удостоверения медиативных соглашений [7]. Другой законопроект касается подключения Единой информационной системы к широковещательной рассылке Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния [8] с целью оперативного поступления в Единую информационную систему сведений о смерти граждан, а также об исправлениях и изменениях в записях актов о смерти. Такая мера позволит вовремя пресечь незаконное использование доверенностей умерших граждан [9].

Создание электронных реестров (наследственных дел, доверенностей) реализует на практике важный принцип публичности нотариальной деятельности. Например, возможность узнать об открытых наследственных делах и нотариусах, которые открыли такие дела [10], сервис по проверке доверенностей контрагента открыли ранее недоступные средства обеспечения прав и законных интересов для широчайшего круга физических и юридических лиц.

Существенным шагом на пути становления системы цифрового и дистанционного нотариата стало принятие Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который закрепил целый ряд масштабных новшеств по расширению сферы деятельности нотариата в цифровом поле. Данный Закон в юридической литературе часто называют «Законом о цифровом нотариате» [11]. Главными его новшествами являются: возможность удаленного обращения к нотариусу для совершения ряда нотариальных действий; дистанционное удостоверение сделок в онлайн-формате для случаев, когда стороны находятся в разных населенных пунктах (удостоверение сделок двумя нотариусами); хранение нотариусами документов в электронной форме; применение биометрической идентификации личности [12].

Важным является такое нововведение, как возможность проверки подлинности документов посредством QR-кодов. Причем в литературе отмечается, что требования о защите нотариальной тайны не нарушаются, а лишь ускоряется проверка подлинности по запросу участников межведомственного электронного взаимодействия [13]. Кодированию подлежат лишь документы на бумажном носителе, электронные нотариальные документы защищены усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса [10].

В 2023 г. спрос на удаленные нотариальные действия вырос в шесть раз. В два раза выросло число дистанционных сделок [14].

В 2023 г. Федеральная нотариальная палата совместно с Минцифры России запустила онлайн-услугу «Универсальная запись к нотариусу» на портале «Госуслуги». Через сервис можно не только выбрать нотариуса, но и узнать, какие документы требуются по конкретному нотариальному действию, а также заранее направить их на проверку, чтобы ускорить процесс.

Вместе с тем следует учитывать и потенциальные негативные последствия применения цифровых технологий в нотариате. Например, В. С. Бейсенова к негативным явлениям относит увеличение «цифрового разрыва» между отдельными категориями граждан, хотя все они имеют равные права на защиту прав и интересов, на правовую помощь [15, с. 70–76]. Кроме того, при совершении нотариальных действий в удаленном формате можно говорить о фактической «анонимности нотариуса и гражданина по отношению друг к другу» [Там же]. Это может в ряде случаев вступать в противоречие с общепринятыми постулатами нотариальной деятельности о том, что «нотариус убеждается в достоверности документов посредством чувственного восприятия» и «гарантирует действительность и аутентичность воли субъекта» [16].

Сопутствующими угрозами применения дистанционных технологий в нотариате, как и в целом при использовании онлайн-механизмов совершения юридически значимых действий, могут являться в том числе фальсификация данных цифрового профиля индивидуума; случайное или намеренное искажение электронного документа в процессе электронного обмена; использование информационных технологий в качестве основы преступных схем [17; 19].

Заключение

Можно резюмировать, что, как отмечают специалисты, благодаря цифровизации сфера нотариата стала более доступной, оперативной, удобной и динамичной [17; 18]. Е. Н. Агibalова, А. А. Рыжова отмечают, что цифровая трансформация нотариата способствует единству географически обусловленного и виртуального пространств, а также содействует связности правового пространства Российской Федерации [19, с. 166–170].

Цифровизация нотариата представляет собой закономерность развития общественных институтов в условиях современного общества и имеет ряд достоинств. Цифровизация нотариата упрощает нотариальные процедуры, повышает доступность, прозрачность, безопасность, эффективность взаимодействия нотариусов и обращающихся лиц, снижает финансовые затраты и открывает новые возможности для инноваций в области нотариата.

Пристатейный библиографический список

1. Жучков С. В. Цифровая трансформация совершения нотариальных действий в России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 3-2.
2. Пилясова С. Д. Цифровая трансформация нотариальной деятельности: отдельные неоднозначные вопросы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1-3 (76).
3. Жучков С. В., Смольянинов Е. С. Цифровизация нотариального производства: современное состояние и перспективы развития // Право и управление. 2022. № 11.
4. Ладенков Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // Философия права. 2021. № 1 (96).

5. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. 10 лет «цифровому нотариату»: преимущества технологий без правовых рисков // Федеральная нотариальная палата : сайт. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/10-let-cifrovomu-notariatu-preimushhestva-tehnologij-bez-pravovyh-riskov-2406> (дата обращения: 01.07.2024).

7. Проект федерального закона № 451230-8 «О внесении изменений в статьи 59¹ и 91¹ Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (в части расширения перечня условий совершения исполнительной надписи, а также уточнения правил удостоверения медиативных соглашений) (внесен в Государственную Думу 4 октября 2023 г.).

8. Проект федерального закона № 293466-8 «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (в части уточнения процедуры внесения сведений в единую информационную систему нотариата и нотариального свидетельства подлинности подписи переводчика) (принят в 1-м чтении 18 мая 2023 г.).

9. Московская областная нотариальная палата : сайт. URL: <http://www.monpr.ru/> (дата обращения: 01.07.2024).

10. Федеральная нотариальная палата : сайт. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/federal-notary-chamber/info/> (дата обращения: 01.07.2024).

11. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Козина Е. А. Закон о цифровом нотариате: удаленная работа нотариусов, бесконтактные сделки, цифровизация данных // СПС «КонсультантПлюс».

13. Полякова Т. А., Троян Н. А. Тенденции развития единой информационной системы нотариата: цифровые новеллы // Правовая информатика. 2022. № 2.

14. Количество удаленных нотариальных действий в России в 2022 году увеличилось в 30 раз по сравнению с 2021 годом. В 4.5 раза выросло число дистанционного удостоверения сделок. Общее число нотариальных действий в 2022 году составило 45.1 млн // РИА Новости : сайт. URL: <https://realty.ria.ru/20230424/notariusy-1867404496.html> (дата обращения: 01.07.2024).

15. Бейсенова В. С. Цифровизация в нотариальной деятельности: возможности и угрозы // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития : сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 10 марта 2022 г. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022.

16. Дискуссия «Цифровой нотариат»: настоящее и будущее» – ключевые тезисы // Нотариальная палата Волгоградской области : сайт. URL: <https://34.notariat.ru/ru-ru/news/diskussiya-cifrovoj-notariat-nastoyashee-i-budushee-klyuchevye-tezisy> (дата обращения: 01.07.2024).

17. Кириллова Е. А. Тенденции развития электронного нотариата в России // Нотариус. 2020. № 8.

18. Никитенко А. В. Современный нотариат – новые компетенции в изменчивой реальности // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 3 (83).

19. Агibalова Е. Н., Рыжова А. А. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 1.

References

1. Zhuchkov S. V. Digital Transformation of Notarial Acts in Russia. *Bulletin of Russian State University for the Humanities. Series "Economics. Management. Law"*, 2022, no. 3-2. (In Russ.)

2. Piliasova S. D. Digital Transformation of Notarial Activity: Certain Controversial Issues. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2023, no. 1-3 (76). (In Russ.)

3. Zhuchkov S. V., Smolianinov E. S. Digitalization of Notarial Production: Current State and Development Prospects. *Law and Management*, 2022, no. 11. (In Russ.)

4. Ladenkov N. E. Transformation of the Legal System Under the Influence of Digitalization: Reasons and Trends. *Philosophy of Law*, 2021, no. 1 (96). (In Russ.)

5. Federal Law of December 21, 2013 No. 379-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

6. 10 Years of "Digital Notaries": The Advantages of Technology Without Legal Risks. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/10-let-cifrovomu-notariatu-preimushchestva-tehnologij-bez-pravovyh-riskov-2406> (date of the application: 01.07.2024). (In Russ.)

7. Draft Federal Law No. 451230-8 "On Amendments to Articles 59¹ and 91¹ of the Fundamentals of Legislation of the Russian Federation on Notaries" (in Terms of Expanding the List of Conditions for Making an Executive Inscription, as Well as Clarifying the Rules for Certifying Mediation Agreements) (submitted to the State Duma on October 4, 2023). (In Russ.)

8. Draft Federal Law No. 293466-8 "On Amendments to the Fundamentals of Legislation of the Russian Federation on Notaries" (in Terms of Clarifying the Procedure for Entering Information into the Unified Information System of the Notary and a Notarial Certificate of Authenticity of the Translator's Signature) (adopted in the 1st Reading on May 18, 2023). (In Russ.)

9. URL: <http://www.monp.ru/> (date of the application: 01.07.2024). (In Russ.)

10. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/federal-notary-chamber/info/> (date of the application: 01.07.2024). (In Russ.)

11. Federal Law of December 27, 2019 No. 480-FZ "On Amendments to the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

12. Kozina E. A. Law on Digital Notaries: Remote Work of Notaries, Contactless Transactions, Data Digitalization (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

13. Poliakova T. A., Troian N. A. Development Trends of the Unified Information System of Notaries: Digital Novels. *Legal Informatics*, 2022, no. 2. (In Russ.)

14. The Number of Remote Notarial Acts in Russia in 2022 Increased 30 Times Compared to 2021. The Number of Remote Certification of Transactions Increased 4.5 Times.

The Total Number of Notarial Acts in 2022 Amounted to 45.1 Million. URL: <https://reality.ria.ru/20230424/notariusy-1867404496.html> (date of the application: 01.07.2024). (In Russ.)

15. *Beisenova V. S.* Digitalization in Notarial Activity: Opportunities and Threats. In *Fundamental and Applied Science: State and Development Trends: Collection of Articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference*, Petrozavodsk, March 10, 2022. Petrozavodsk: International Center of Scientific Partnership "New Science" (IP Ivanovskaia I.I.), 2022. (In Russ.)

16. Discussion "Digital Notaries": Present and Future" – Key Points. URL: <https://34.notariat.ru/ru-ru/news/diskussiya-cifrovoj-notariat-nastoyashee-i-budushee-klyuchevye-tezisy> (date of the application: 01.07.2024). (In Russ.)

17. *Kirillova E. A.* Trends in the Development of Electronic Notaries in Russia. *Notary*, 2020, no. 8. (In Russ.)

18. *Nikitenko A. V.* Modern Notaries – New Competencies in a Changing Reality. *Scientific Notes of the St. Petersburg V. B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy*, 2022, no. 3 (83). (In Russ.)

19. *Agibalova E. N., Ryzhova A. A.* Modern Notaries in the Era of Digital Transformation. *Legal Concept = Legal Paradigm*, 2022, vol. 21, no. 1. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Е. В. Кирсанова – старший научный сотрудник.

Information about the author:

E. V. Kirsanova – Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 29.01.2025; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 09.01.2025; approved after reviewing 29.01.2025; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-41-55>

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Александр Анатольевич Мохов

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

med-farm-law@mail.ru

Аннотация

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости проведения комплексного анализа имеющихся в стране правовых средств, обеспечивающих охрану русского языка как государственного языка Российской Федерации. Вскрываются основные проблемы, препятствующие эффективной охране и защите русского языка на современном этапе. Показывается значимость развития правовых средств, обеспечивающих охрану русского языка как государственного. Обращается внимание на наличие связи между языковой и иными традициями, ментальной (социокультурной) и иными видами безопасности. Автором предлагаются дополнения в законодательство о русском языке с учетом имеющегося опыта Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Ключевые слова: русский язык; государственный язык; правовая охрана языка; развитие образования, науки, культуры; ментальная и иные виды безопасности.

Для цитирования: Мохов А. А. Русский язык как объект правовой охраны // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 41–55. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-41-55>

Research Article

THE RUSSIAN LANGUAGE AS AN OBJECT OF LEGAL PROTECTION

Alexander A. Mokhov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow,
117638, Russia
med-farm-law@mail.ru

Abstract

The relevance of this study lies in the need for a comprehensive analysis of the legal means available in the country to ensure the protection of the Russian language as the official language of the Russian Federation. The main problems that hinder the effective protection and protection of the Russian language at the present stage are revealed. The importance of the development of legal means ensuring the protection of the Russian language as the state language is shown. Attention is drawn to the connection between linguistic and other traditions, mental (socio-cultural) and other types of security. The author proposes amendments to the legislation on the Russian language, taking into account the existing experience of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan.

Keywords: Russian language; state language; legal protection of language; development of education, science, culture; mental and other types of security.

For citation: Mokhov A. A. The Russian Language as an Object of Legal Protection. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 1, pp. 41–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-41-55>

Введение

Совокупность геополитических изменений, охвативших мировую цивилизацию, как результат начавшегося краха старого мироустройства, сложившегося за последние 30–40 лет, миропорядка привела политиков и законодателей ряда стран к пересмотру приоритетов государственного развития, смене экономической и социальной повестки. На первый план стали все чаще выходить вопросы обеспечения национального суверенитета, безопасности, а также социально-экономического развития страны с опорой на собственные силы, а также возможностей стран-партнеров.

Так, в Послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. обращается внимание на укрепление суве-

ренитета по всем направлениям [1]. В аналогичном документе 2023 г. фиксируется положение о том, что основополагающими для всех нас являются безопасность и благополучие народа, суверенитет и национальные интересы [2].

В указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [3] обращается внимание на необходимость защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств. В документе отмечается введение недружественными странами ограничений на использование русского языка, а также попыток его дискредитации.

Проблематику охраны и защиты русского языка не обходит стороной и указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4]. Документ предполагает необходимость разработки и реализации мер по защите и поддержке русского языка как языка государствообразующего народа, обеспечение соблюдения норм современного русского литературного языка, а также противодействие излишнему использованию иностранной лексики.

В связи с изложенным для юристов представляет интерес определение исходного положения, в котором находится современный русский язык, основных угроз и рисков его сохранения и эволюционного развития, а также правовых средств, позволяющих достигать заявленных документами стратегического планирования задач.

1. Русский язык как объект охраны

В рамках холистического подхода к пониманию государства как определенного типа социума роль и значение государственного языка для специалистов-юристов, а также историков несомненны. Они были заметны уже на самых ранних этапах развития государств (семейные, родственные, общинные связи), сохраняются и до настоящего времени.

Если связывать государства с тремя смысловыми образами (территория, население, аппарат государственной власти) [5, с. 16–34], то связующим элементом между ними выступает государственный язык. На нем говорит население всего либо значительной части государства, он используется государственным аппаратом (органами власти и управления, судами и др.), а также в быту.

Большое влияние на государство оказывает культура. Государство и его образование – особая часть культурной жизни общества [6, с. 35–42]. Любое организованное сообщество (тем более государство) для решения общих задач пользуется определенным языком (заключение договоров, соглашений, разрешение конфликтов и др.). От того, насколько эффективно налажена коммуникация, во многом зависит успех той или иной политики (в особенности в социально-культурной сфере).

Соотношению языковых и неязыковых факторов эволюции была посвящена работа Б. А. Ерзнкяна, где он показал особое место языка [7, с. 69–86] в формировании государства и права, а также базовых экономических отношений.

О. И. Артеменко пишет о том, что русский язык выполняет важную роль в формировании группового сознания и построении символа коллективной идентичности. Он является определяющим, организующим компонентом этноса [8, с. 147–153].

Е. Н. Арестова также акцентирует внимание на роли русского языка в формировании общегражданской идентичности населения нашей страны [9, с. 3–8].

Н. М. Кропачев и С. А. Кузнецов обосновывают тезис о русском языке как особом функциональном макростиле, критерии которого (правильность, определенность, понятность, стилистическая нейтральность) позволяют создавать тексты, понятные неограниченному кругу граждан многонациональной России [10, с. 7–13].

Язык есть некая данность, принадлежащая определенному народу. Он детерминирует, моделирует всю практическую деятельность человека и в значительной степени определяет его поведение, следовательно, играет весомую роль в жизни как отдельной личности, так и общества [11, с. 191–207].

К. В. Алексеев рассматривает русский язык как объект национальной безопасности и показывает его значимость в контексте безопасности личности, общественной и государственной безопасности [12, с. 295–308].

М. Н. Панова обращает внимание на рост проблем функционирования русского языка как государственного не только в быту, но и в сфере государственного управления. Профессионализм современного чиновника определяется уровнем не только административной, организационной, правовой культуры, но и культуры речевой. Ошибки подрывают доверие к служащему, а также к конкретному органу власти, управления [13, с. 33–40].

В связи с изложенным Л. А. Вербицкая в своих трудах неоднократно обращала внимание на необходимость укрепления позиций русского языка. Более того, в качестве механизма сохранения, развития и распространения языка она предлагала разработать и реализовывать языковую политику [14, с. 5–6], которая, как известно, вне правовой формы, надлежащего правового инструментария обречена на провал.

2. Основные угрозы и риски для русского языка

Для современного русского языка характерны статика и динамика. Статичный корпус норм официально-делового, литературного русского языка позволяет сохранять традиции, обеспечивать передачу релевантной информации от одного поколения другому, стабильность профессиональных групп отношений. Динамика проявляется в гибкости языка, способности воспринимать, адаптировать, перерабатывать новое.

Отсутствие внимания к динамичным процессам в сфере языка либо искусственный отказ от его использования, применения в определенной части деятельности (например, в образовании и науке) влечет за собой ряд реальных и потенциальных угроз, рисков для языка (вытеснение, замещение, фрагментация, утрата и др.).

К. В. Алексеев к основным угрозам в исследуемой области относит: смешение кириллицы и латиницы; массовые и неоправданные заимствования; снижение уровня грамотности; засорение языка жаргонизмами и ненормативной лексикой [15, с. 10–16].

Близкий каталог угроз приводил и К. К. Колин. Он также обращал внимание на сокращение русскоязычного информационного пространства [16, с. 30–40].

Список основных угроз, рисков может быть продолжен. В специальной литературе в зависимости от предметной области исследователя, принадлежности ав-

тора к той или иной школе и по другим причинам акцентируется внимание на тех или иных угрозах и рисках.

Так, Е. Н. Говорова к одному из факторов обеспечения национальной безопасности относит русский язык, благодаря которому формируется национальный характер, образ мыслей, основанный на традициях и культуре. Для того чтобы сломить «хребет национального самосознания», нужно воздействовать на язык противника, сделать русский иностранным для русского народа [17, с. 154–158].

Этот процесс происходил и раньше, наблюдается он в отдельных сферах (молодежная среда, образование, наука, культура, средства массовой информации) и в настоящее время.

На «антирусскость» как характерную часть внутренней политики на отдельных этапах исторического развития обращают внимание Л. Ф. Болтенкова и В. И. Янускин [18, с. 42–52]. Навязывание всего иностранного (немецкого, французского и др.) нам хорошо известно из истории. Этот процесс, насаждаемый «сверху», вел к быстрому накоплению недовольства народных масс, начинал представлять угрозу общественной и иным видам безопасности.

Суровые уроки истории, коими богата человеческая цивилизация, приводит в одной из своих работ А. Н. Севастьянов [19, с. 45–51]. По его мнению, чисто инструментальное отношение к русскому языку недопустимо.

О. О. Бобешко обращает внимание на то, что использование русских слов нынешним поколением уже довольно сильно затруднено, так как оно во многом утратило русские корни, что изменяет и искажает восприятие ими окружающего мира [20, с. 45–62]. Отсюда, как известно, один шаг до переформатирования сознания молодежи, следовательно, ослабления коллективного ментального иммунитета у населения определенной возрастной группы.

Некоторые авторы недооценивают наличие угроз и рисков для русского языка как государствообразующего, ссылаясь на новую языковую реальность, активное взаимодействие культур и прочие причины. Как правильно заметил В. И. Крусс, не все и не всегда способны своевременно учесть качество экспансии и уникальность композиции деструктивных факторов [21, с. 137–144]. Деструктивное воздействие осуществляется по всем составляющим национального самосознания (этническое, религиозное, культурное, языковое). Нередко они также игнорируют роль «мягкой силы» в продвижении интересов отдельных стран и блоков.

Здесь будет уместно вспомнить про статику и динамику, скорость адаптации, изменения русского языка, переработки им всего иностранного под конкретную языковую реальность (совокупность норм и правил русского языка). В связи с процессом экспансии английского языка во все сферы деятельности, а также слабо контролируемые миграционными процессами угрозы и риски для сохранения русского литературного языка резко возросли.

На наш взгляд, проблемы с русским языком в первую очередь проявляются в области обеспечения ментальной безопасности, так как ослабляется ментальный иммунитет как способность группы к сохранению социокультурной идентичности. Авторы *The Economist* даже сделали вывод о том, что «любая политика – это политика идентичности» [22].

Также довольно остро проблема языка может сказываться на обеспечении научной и технологической безопасности. Борьбу за русский язык в этой критически важной для безопасности страны сфере начинали несколько веков назад видные ученые-просветители России. Достаточно вспомнить труды М. В. Ломоносова и Н. Н. Поповского о русском языке [23, с. 97–101].

Нельзя недооценивать роль языка в обеспечении общественной безопасности. Несмотря на заверения ряда зарубежных политических деятелей о приверженности соблюдению прав человека, в том числе и на язык, во многих регионах ведется политика по вытеснению языка национальных меньшинств (в том числе русского языка в некоторых странах на постсоветском пространстве). Результат – заметный рост социальной напряженности [24].

Кроме того, нельзя забывать про востребованность единой государственной политики в области защиты и поддержки языка, особенно с учетом наблюдаемых тенденций последних лет, часть из которых находит прямое отражение в важнейших документах последних лет.

Так, указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» Россия именуется самобытным государством-цивилизацией, сплотившим русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира [25].

В этой связи возникает необходимость принятия комплекса мер и механизмов защиты системы традиционных духовно-нравственных ценностей, составляющих духовную основу государства-цивилизации [26, с. 214–219]. Среди них значительное место должно уделяться русскому языку.

3. Государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере охраны русского языка

Россия относится к числу стран, имеющих специальное законодательство о государственном языке и языках народов, ее населяющих. Основным нормативным правовым актом, способствующим обеспечению прав граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, а также защиту и развитие языковой культуры, является Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [27].

В соответствии с ч. 3 ст. 1 Закона при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка.

Нельзя не упомянуть также и Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» [28], в силу которого языки народов Российской Федерации (в том числе русский) являются национальным достоянием Российского государства и находятся под защитой государства.

Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [29] содержит в своем составе сразу несколько норм, направленных на охрану языка в детской и подростковой среде. Так, согласно ч. 3 ст. 5 Закона к информации, распространение которой среди детей определенных возрастных категорий ограничено, относится инфор-

мация, содержащая бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани.

В то же время отдельных правовых средств и механизмов, обеспечивающих неукоснительное соблюдение требований национального законодательства о государственном языке, а также формирования нетерпимого отношения в обществе к использованию нецензурной лексики, заимствованных слов и др., явно недостаточно.

Например, согласно ч. 4 ст. 14 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [30] граждане РФ имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов РФ. Возникает вопрос: а куда потерялся государственный язык, который должен знать каждый гражданин РФ, чтобы быть мобильным, иметь доступ ко всем видам государственных услуг, эффективно исполнять обязанности, возложенные на граждан РФ?

Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [31] упоминает государственный язык только применительно к оформлению официальных документов (ученой степени, ученого звания), что позволяет произвольно вводить ряд требований, не способствующих продвижению русского языка в науке (публикации, преподавание на иностранных языках (в первую очередь на английском) и др.).

Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [32] вообще не содержит в своем составе упоминаний о государственном языке, требованиях к его соблюдению работниками культуры. Под культурной деятельностью он понимает деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей. Но возможна ли полноценная культурная деятельность, направленная на решение задач нашего общества и государства без русского и иных языков народов, населяющих нашу многонациональную страну?! Полагаю, что нет.

Близкая ситуация характерна и для средств массовой информации. Согласно ст. 32.1 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [33] под национальной продукцией средства массовой информации понимается продукция на русском языке или других языках народов РФ либо на иностранном языке...

Только наличие отдельных санкций (административных, гражданско-правовых, уголовных) в той или иной мере обеспечивает соблюдение минимума требований, предписываемых законодателем к лицам, использующим государственный (русский) язык.

Не случайно в последние годы вопросам защиты языковой культуры, в том числе введению обоснованных ограничений на использование в различных сферах деятельности (в образовании, культуре, СМИ и др.), а также в быту ненормативной лексики, включая жаргонизмы, иностранные и иные слова, засоряющие язык, начинает уделяться повышенное внимание.

В указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [34] фиксируется факт дискредитации русско-

го языка (через разрушение традиций, активное внедрение заимствованных слов, формирование «привычки» нецензурно выражаться и др.).

В п. 25 указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [35] как документа стратегического планирования акцентируется внимание на защите и поддержке русского языка как языка государствообразующего народа, обеспечении соблюдения норм современного русского литературного языка (в том числе недопущении использования нецензурной лексики).

В п. 7 ст. 33 указа Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» [36] говорится о необходимости совершенствования мер, направленных на сохранение русского языка и ограничение избыточного использования в публичном пространстве заимствованных слов, а также на противодействие использованию ненормативной лексики.

В связи с изложенным необходим комплекс мер, в том числе организационного и правового характера, способствующих обеспечению охраны русского языка как государственного языка РФ в целом, а также в наиболее уязвимых для него областях, сферах деятельности (управлении, образовании, науке, средствах массовой информации, культуре и др.).

Работа эта должна вестись на постоянной основе, а не как «компанейщина», осуществляемая отдельными должностными лицами исходя из уровня их общей и правовой культуры.

В свое время во исполнение постановления Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» [37] был принят приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [38]. Он наделал много шума, но никаких задач не решил. Вполне аргументированная критика акта была дана в работе И. А. Стернина [39, с. 61–65].

В настоящее время на основании постановления Правительства РФ от 1 июля 2023 г. № 1092 «О порядке формирования и утверждения списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, внесении изменений в Положение о Правительственной комиссии по русскому языку и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [40] вновь активизировалась соответствующая работа. Однако вновь предметное поле деятельности чиновников и экспертов сведено к формированию и утверждению списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка.

В этой связи для нас не может не представлять интереса зарубежный опыт регулирования важнейших групп отношений, в которых используется государственный язык.

В Законе Республики Беларусь от 26 января 1990 г. № 3094-XI «О языках в Республике Беларусь» [41] уделяется внимание не только языку государственных органов, но также языку образования, науки и культуры, а также информации и связи.

При этом внимание к языку не ограничивается исключительно нормами указанного выше Закона. Например, Кодексом Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 г. № 413-З [42] закреплены принцип приоритета развития белорусской национальной культуры и признание белорусского языка одним из факторов формирования национального менталитета.

Согласно ст. 9 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» [43] массовая информация может распространяться на государственных языках Республики Беларусь и на других языках. При этом в средствах массовой информации не допускается использование нецензурных слов и выражений.

В Законе Республики Казахстан от 11 июля 1997 г. № 151-І «О языках в Республике Казахстан» [44] выделена гл. 2 «Язык в области образования, науки, культуры и масс-медиа». Его статьи требуют ведения деятельности в указанных сферах именно на государственном языке. Иное допустимо, но в порядке и на условиях, определенных законом.

Не может не представлять для нас интереса ст. 25 Закона «Компетенция уполномоченного органа в сфере развития языков». Этот орган обеспечивает реализацию единой государственной политики в сфере развития языков; осуществляет государственный контроль за соблюдением законодательства о языках; организует информационное, методическое обеспечение деятельности по реализации единой государственной политики в сфере развития языков; обеспечивает деятельность республиканской терминологической комиссии.

Несколько статей указанного выше Закона посвящены ономастической работе и ономастическим комиссиям.

Положения об уполномоченном органе в сфере развития русского языка как государственного, государственном контроле (надзоре) за соблюдением обязательных требований к языку, а также наличию специальных требований к использованию русского языка (официально-делового, литературного) в отдельных областях, сферах деятельности (управлении, образовании, науке, культуре, средствах массовой информации) с учетом их специфики (допустимость использования иностранного языка в ограниченном объеме, бытового и др.) могут и должны быть приняты национальным правопорядком.

Заключение

Подводя итоги исследования, представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, ситуацию, сложившуюся в настоящее время с русским языком как объектом правовой охраны, нельзя считать удовлетворительной. Совокупность

количественных и качественных изменений представляет угрозу не только самому языку как таковому, но и опосредованно отдельным видам безопасности (в первую очередь ментальной, а также научной и общественной).

Во-вторых, большинство норм, посвященных охране и защите русского языка как государственного, носят либо декларативный, либо рамочный характер, что не способствует достижению задач, которые ставил законодатель при принятии корпуса правовых норм о языке.

В-третьих, при разработке и внедрении в практику конкретных правовых средств, способствующих достижению задач законодательства о языке, следовательно, и обеспечению отдельных видов безопасности (в первую очередь ментальной или социокультурной), может быть заимствован положительный опыт наших ближайших соседей (Беларуси и Казахстана). Представляются значимыми, с одной стороны, положения о компетенции, функциях уполномоченного национального органа в сфере языка, с другой – нормы, обеспечивающие неукоснительное соблюдение обязательных требований о языке в отдельных областях, сферах деятельности (в первую очередь в сфере образования и науки, культуры и средств массовой информации).

Пристатейный библиографический список

1. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. // Российская газета. 2024. № 46.
2. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. // Российская газета. 2023. № 39.
3. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
4. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
5. Ромашов Р. А. Государство: понятие, общая характеристика и сущность // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 2.
6. Эриашвили Н. Д., Иванова Ю. А. Государство: сущность и его социальное назначение // Вестник Академии Следственного комитета РФ. 2020. № 4.
7. Ерзкян Б. А. Институциональные факторы эволюции социальных порядков // Журнал экономической теории. 2013. № 4.
8. Артеменко О. И. Русский язык в образовательной и культурной среде многоязычной России // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 2А.
9. Арестова Е. Н. Русский язык как компонент гражданской идентичности // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2024. № 53.
10. Кропачев Н. М., Кузнецов С. А. Государственный язык Российской Федерации – понятный русский язык // Мир русского слова. 2020. № 2.
11. Грудина Е. В. Русский язык как основа духовной культуры российской нации // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 3.
12. Алексеев К. В. Русский язык как объект национальной безопасности Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4.

13. *Панова М. Н.* Русский язык в сфере государственного управления и литературная норма // *Русская речь*. 2017. № 3.
14. *Вербицкая Л. А.* Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // *Русский язык в национальной школе*. 2016. № 1.
15. *Алексеев К. В.* Русский язык в Вооруженных Силах Российской Федерации как объект национальной безопасности // *Военное право*. 2022. № 2.
16. *Колин К. К.* Русский язык и национальная безопасность // *Безопасность*. 1997. № 1-2.
17. *Говорова Е. Н.* Русский язык в контексте национальной безопасности // *Вестник Военной академии материально-технического обеспечения*. 2018. № 2.
18. *Болтенкова Л. Ф., Янускин В. Ф.* Русский язык как интегрирующий фактор российского цивилизационного пространства // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2012. № 2.
19. *Севастьянов А. Н.* Русский язык как государственный: угрозы и вызовы // *Национальные приоритеты России*. 2018. № 3.
20. *Бобешко О. О.* Запретный русский язык // *Annali d'Italia*. 2022. № 27.
21. *Крусс В. И.* Русский язык, Конституция России и проблемы правопонимания // *Вестник ТвГУ. Серия: Право*. 2019. № 4.
22. How to forecast an American's vote // *The Economist* : сайт. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2018/11/03/how-to-forecast-an-americans-vote> (дата обращения: 15.10.2024).
23. *Ломоносов М. В. и Поповский Н. Н.* о русском языке // *Вестник Московского университета. Серия: Педагогическое образование*. 2007. № 1.
24. *Безопасность жизнедеятельности: правовое обеспечение безопасности жизнедеятельности* / отв. ред. А. А. Мохов. М. : Проспект, 2024.
25. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2023. № 14. Ст. 2406.
26. *Контарев А. А.* «Государство-цивилизация» в контексте парадигмы прошлого, настоящего и будущего // *Философия права*. 2024. № 2.
27. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2005. № 23. Ст. 2199.
28. Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // *Ведомости СНД РФ и ВС РФ*. 1991. № 50. Ст. 1740.
29. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // *СЗ РФ*. 2011. № 1. Ст. 48.
30. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.
31. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // *СЗ РФ*. 1996. № 35. Ст. 4137.
32. Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // *Российская газета*. 1992. № 248.
33. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // *Ведомости СНД РФ и ВС РФ*. 1992. № 7. Ст. 300.

34. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

35. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

36. Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3696.

37. Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» // СЗ РФ. 2006. № 48. Ст. 5042 (документ утратил силу).

38. Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» // Российская газета. 2009. № 156.

39. Стернин И. А. Государство и язык // Политическая лингвистика. 2010. № 2.

40. Постановление Правительства РФ от 1 июля 2023 г. № 1092 «О порядке формирования и утверждения списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, внесении изменений в Положение о Правительственной комиссии по русскому языку и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 28. Ст. 5211.

41. Закон Республики Беларусь от 26 января 1990 г. № 3094-XI «О языках в Республике Беларусь» // Собрание законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР. 1990. № 4. Ст. 46.

42. Кодекс Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 г. № 413-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2016. № 2/2412.

43. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3 «О средствах массовой информации» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2008. № 2/1524.

44. Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 г. № 151-І «О языках в Республике Казахстан» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1997. № 13-14. Ст. 202.

References

1. Address of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation of February 29, 2024. *Rossiiskaia Gazeta*, 2024, no. 46. (In Russ.)

2. Address of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation of February 21, 2023. *Rossiiskaia Gazeta*, 2023, no. 39. (In Russ.)

3. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part II), art. 5351. (In Russ.)
4. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 46, art. 7977. (In Russ.)
5. Romashov R. A. State: Concept, General Characteristics and Essence. *Legal Science: History and Modernity*, 2019, no. 2. (In Russ.)
6. Eriashvili N. D., Ivanova Iu. A. State: Essence and its Social Purpose. *Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2020, no. 4. (In Russ.)
7. Erznkian B. A. Institutional Factors in the Evolution of Social Orders. *Journal of Economic Theory*, 2013, no. 4. (In Russ.)
8. Artemenko O. I. Russian Language in the Educational and Cultural Environment of Multilingual Russia. *Culture and Civilization*, 2020, vol. 10, no. 2A. (In Russ.)
9. Arestova E. N. Russian Language as a Component of Civil Identity. *Bulletin of the East Siberian Open Academy*, 2024, no. 53. (In Russ.)
10. Kropachev N. M., Kuznetsov S. A. The State Language of the Russian Federation Is Understandable Russian. *The World of the Russian Word*, 2020, no. 2. (In Russ.)
11. Grudinina E. V. Russian Language as the Basis of the Spiritual Culture of the Russian Nation. *Theological Collection of the Tambov Theological Seminary*, 2023, no. 3. (In Russ.)
12. Alekseev K. V. Russian Language as an Object of National Security of the Russian Federation. *Transport Law and Security*, 2021, no. 4. (In Russ.)
13. Panova M. N. Russian Language in the Sphere of Public Administration and Literary Norm. *Russian Speech*, 2017, no. 3. (In Russ.)
14. Verbitskaia L. A. Russian as a State Language: Current State and Measures to Strengthen and Develop It. *Russian Language in the National School*, 2016, no. 1. (In Russ.)
15. Alekseev K. V. Russian Language in the Armed Forces of the Russian Federation as an Object of National Security. *Military Law*, 2022, no. 2. (In Russ.)
16. Kolin K. K. Russian Language and National Security. *Security*, 1997, no. 1-2. (In Russ.)
17. Govorova E. N. Russian Language in the Context of National Security. *Bulletin of the Military Academy of Logistics*, 2018, no. 2. (In Russ.)
18. Boltenkova L. F., Ianuskin V. F. Russian Language as an Integrating Factor of the Russian Civilizational Space. *Issues of National and Federal Relations*, 2012, no. 2. (In Russ.)
19. Sevastianov A. N. Russian Language as a State Language: Threats and Challenges. *National Priorities of Russia*, 2018, no. 3. (In Russ.)
20. Bobeshko O. O. Forbidden Russian Language. *Annali D'Italia*, 2022, no. 27. (In Russ.)
21. Kruss V. I. Russian Language, the Constitution of Russia and Problems of Legal Understanding. *Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2019, no. 4. (In Russ.)
22. How to Forecast an American's Vote. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2018/11/03/how-to-forecast-an-americans-vote> (date of the application: 15.10.2024).
23. Lomonosov M. V. and Popovskii N. N. on the Russian Language. *Bulletin of Moscow University. Series: Teacher Education*, 2007, no. 1. (In Russ.)

24. Mokhov A. A. (ed.). *Life Safety: Legal Support for Life Safety*. Moscow: Prospekt, 2024. (In Russ.)
25. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229 "On Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 14, art. 2406. (In Russ.)
26. Kontarev A. A. "State-Civilization" in the Context of the Paradigm of the Past, Present and Future. *Philosophy of Law*, 2024, no. 2. (In Russ.)
27. Federal Law of June 1, 2005 No. 53-FZ "On the State Language of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2005, no. 23, art. 2199. (In Russ.)
28. Law of the Russian Federation of October 25, 1991 No. 1807-I "On the Languages of the Peoples of the Russian Federation". *Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation*, 1991, no. 50, art. 1740. (In Russ.)
29. Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 1, art. 48. (In Russ.)
30. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 53 (part I), art. 7598. (In Russ.)
31. Federal Law of August 23, 1996 No. 127-FZ "On Science and State Scientific and Technical Policy". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 35, art. 4137. (In Russ.)
32. Law of the Russian Federation of October 9, 1992 No. 3612-I "Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Culture". *Rossiiskaia Gazeta*, 1992, no. 248. (In Russ.)
33. Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-I "On Mass Media". *Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation*, 1992, no. 7, art. 300. (In Russ.)
34. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (Part II), art. 5351. (In Russ.)
35. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 46, art. 7977. (In Russ.)
36. Decree of the President of the Russian Federation of May 17, 2023 No. 358 "On the Strategy for Comprehensive Child Safety in the Russian Federation Through 2030". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 21, art. 3696. (In Russ.)
37. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 23, 2006 No. 714 "On the Procedure for Approving the Norms of the Modern Russian Literary Language When Using It as the State Language of the Russian Federation, the Rules of Russian Spelling and Punctuation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 48, art. 5042 (document no longer in force). (In Russ.)

38. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of June 8, 2009 No. 195 "On Approval of the List of Grammars, Dictionaries and Reference Books Containing the Norms of the Modern Russian Literary Language When Using It as the State Language of the Russian Federation". *Rossiiskaia Gazeta*, 2009, no. 156. (In Russ.)

39. Sternin I. A. State and Language. *Political Linguistics*, 2010, no. 2. (In Russ.)

40. Resolution of the Government of the Russian Federation of July 1, 2023 No. 1092 "On the Procedure for the Formation and Approval of the List of Normative Dictionaries, Reference Books and Grammars That Record the Norms of the Modern Russian Literary Language When Used as the State Language of the Russian Federation, Amendments to the Regulation on the Government Commission on the Russian Language and Recognition of Certain Acts of the Government of the Russian Federation as Invalid". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 28, art. 5211. (In Russ.)

41. Law of the Republic of Belarus of January 26, 1990 No. 3094-XI "On Languages in the Republic of Belarus". *Collection of Laws of the Byelorussian SSR, Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the Byelorussian SSR, Resolutions of the Council of Ministers of the Byelorussian SSR*, 1990, no. 4, art. 46. (In Russ.)

42. Code of the Republic of Belarus on Culture of July 20, 2016 No. 413-Z. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*, 2016, no. 2/2412. (In Russ.)

43. Law of the Republic of Belarus of July 17, 2008 No. 427-Z "On Mass Media". *National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus*, 2008, no. 2/1524. (In Russ.)

44. Law of the Republic of Kazakhstan of July 11, 1997 No. 151-І "On Languages in the Republic of Kazakhstan". *Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan*, 1997, no. 13-14, art. 202. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. А. Мохов – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

A. A. Mokhov – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 08.09.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 08.09.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-56-67>

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ В АКТАХ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА

Алексей Михайлович Переседов

Российский государственный гуманитарный университет в г. Домодедово,
142000, Россия, г. Домодедово, Каширское ш., д. 4, корп. 2

peresedov.alexey@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется степень соблюдения в указах Президента РФ положений законодательства об обязательных требованиях, в том числе принципа законности. Цель исследования – изучить, насколько учитывается принцип законности обязательных требований при разработке указов Президента РФ, которые содержат положения, направленные на регулирование предпринимательской деятельности, а также выявить возможные проблемы, возникающие при оценке соответствия таких президентских актов федеральным законам. Методы исследования: синтез, системный анализ, формально-юридический. Определены пути совершенствования законодательства, которые позволили бы обеспечить соблюдение принципа законности при разработке указов Президента РФ, требующих неотложного принятия.

Ключевые слова: обязательные требования; указы Президента РФ; валютное законодательство; законность.

Для цитирования: Переседов А. М. К вопросу о соблюдении принципа законности обязательных требований в актах главы государства // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 56–67. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-56-67>

Research Article

ON THE COMPLIANCE WITH THE PRINCIPLE OF LEGALITY OF MANDATORY REQUIREMENTS IN THE DECREES OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexey M. Peresedov

Russian State University for the Humanities in Domodedovo, 4, Bldg. 2
Kashirskoe Ave., Domodedovo, 142000, Russia
peresedov.alexey@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the degree of compliance in the decrees of the President of the Russian Federation with the provisions of legislation on mandatory requirements, including the principle of legality. The purpose of the study is to examine how the principle of legality of mandatory requirements is taken into account when drafting decrees of the President of the Russian Federation that contain provisions aimed at regulating business activities, as well as to identify possible problems that arise when assessing the compliance of such presidential acts with federal laws. Research methods: synthesis, system analysis, formal legal. Ways of improving legislation have been identified that would ensure compliance with the principle of legality in the development of decrees of the President of the Russian Federation that require urgent adoption.

Keywords: mandatory requirements; decrees of the President of the Russian Federation; currency legislation; legality.

For citation: *Peresedov A. M. On the Compliance with the Principle of Legality of Mandatory Requirements in the Decrees of the President of the Russian Federation. Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 1, pp. 56–67. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-56-67>

Введение

Принятие тех или иных решений о законодательных изменениях должно следовать принципу обеспечения законности, поскольку никакие стремительно изменяющиеся общественные отношения не могут служить обоснованием для нарушения законодательства, в том числе и в первую очередь со стороны правотворческих органов. Общим условием законности является недопустимость издания в Российской Федерации нормативных и правоприменительных актов, внутригосударственных и иных договоров с антиконституционной направленностью [1, с. 2].

Указанное правило распространяется и на нормативные правовые акты, содержащие обязательные требования, поскольку одним из основных начал, обозначенных в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее – Закон № 247-ФЗ), является принцип законности [2, ст. 5].

В связи с этим при разработке и последующем издании нормативных правовых актов, затрагивающих обязательные требования, законодателю необходимо следовать основополагающим началам, установленным в Законе № 247-ФЗ. Помимо этого должен учитываться общий принцип законности, который является одним из основополагающих административно-правовых начал, определяющих функционирование органов публичного управления, согласно которому все субъекты общественных правоотношений обязаны неукоснительно, в строгом и точном соответствии соблюдать законы [3, с. 62; 4, с. 109]. Главенство закона над всеми нормативными правовыми актами, равное понимание, соблюдение и обязательность соблюдения законодательных положений всеми субъектами правоотношений, согласованность и соответствие норм – все это относится к сущностному пониманию принципа законности, понятности и системности вводимого регулирования [5, с. 74].

1. Правовое регулирование посредством указов Президента РФ

Периоды сложных экономических условий характеризуются необходимостью принятия срочных законодательных изменений, в том числе содержащих обязательные требования, с целью реагирования на стремительно изменяющуюся ситуацию и минимизации возможного вреда (ущерба) для страны, который такая ситуация может повлечь. Применение принципа законности в публичном управлении в условиях необходимости неотложных законодательных изменений приобретает новое значение, связанное с предъявлением повышенных требований к качеству принимаемых актов [6; 7, с. 197]. Так, например, в период распространения новой коронавирусной инфекции только в первые месяцы в 2020 г. органами государственной власти разных стран был принят комплекс нормативных правовых актов, направленных как на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия, так и на снижение возможных потерь бизнеса от ограничительных мер [8].

2022 г. не стал исключением для принятия неотложных решений, поскольку в период международного санкционного давления российский государственный аппарат был вынужден принимать ряд безотлагательных мер, направленных на минимизацию потерь отечественной экономики, возникших вследствие таких санкций. Одна из отраслей, в которых требовалось наиболее оперативное законодательное вмешательство, – валютное. Это обстоятельство связано с решением ряда иностранных государств ввести запрет на поставку валюты в Российскую Федерацию, что серьезно влияло на экономическую ситуацию в стране.

При этом одним из инструментов валютного регулирования в сложный период стали указы Президента РФ (далее – указы Президента) [9; 10; 11]. Так, только в 2022 г. было принято сразу несколько президентских актов в области валютной политики, серьезно меняющих положения законодательства. Позиция о том, что положения Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном ре-

гулировании и валютном контроле» (далее – Закон № 173-ФЗ) применяются с учетом указов Президента, прямо была донесена со стороны органа валютного регулирования – Центрального банка РФ [12, п. 1]. При этом данные указы Президента предусматривают не просто дополнение, а существенное изменение норм валютного законодательства, вплоть до «приостановления» действия отдельных его положений и установления ограничений для участников внешнеэкономической деятельности. Например, описываемые акты предусматривают следующие меры: вводится запрет на осуществление отдельных валютных операций [13, п. 3]; устанавливаются ограничения при переводах и (или) вывозе иностранной валюты за рубеж [14, п. «е», «ж» п. 1]; обозначаются размеры репатриации иностранной валюты [15, п. «а» п. 1]; отменяются требования отдельных положений Закона № 173-ФЗ [16, п. «а», «б» п. 4]; при банкротстве российских юридических лиц определяется особый порядок выплат из конкурсной массы иностранных лицам [17, п. 3].

2. Анализ соответствия указов Президента РФ законодательству об обязательных требованиях

Как мы можем наблюдать, указы Президента, принятые в 2022 г. в области валютного регулирования, в значительной степени затрагивают вопросы ведения бизнеса со стороны кредитных организаций и субъектов внешнеэкономической деятельности. Очевидно, что указы Президента, изменяющие федеральные законы, могут содержать обязательные требования и затрагивать права и интересы субъектов предпринимательской деятельности. Следовательно, принятие и (или) изменение таких указов Президента должно осуществляться с учетом правил, установленных Законом № 247-ФЗ для обязательных требований.

Несмотря на значительный круг регулируемых правоотношений, Закон № 247-ФЗ так и не стал актом всеобъемлющего характера, который смог бы установить правила для принятия и (или) изменения всех обязательных требований. Так, в ст. 1 Закона № 247-ФЗ прямо определено, что его положения не распространяются на отдельные виды отношений, связанных с установлением и оценкой применения обязательных требований, в том числе в сфере действия законодательства Российской Федерации о валютном регулировании и валютном контроле [2, п. 4 ч. 2 ст. 1]. Данные изъятия из-под общего действия формально обусловлены особым характером правового регулирования в отдельных сферах и в значительной степени дублируют виды контроля (надзора), на которые не распространяется действие единого закона о контрольной (надзорной) деятельности – Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [18, ч. 4 ст. 2].

Вместе с тем основополагающим актом, служащим для обеспечения реализации единой государственной валютной политики, является Закон № 173-ФЗ, в котором закреплено, что валютное законодательство Российской Федерации состоит из исчерпывающего перечня актов: Закона № 173-ФЗ и принятых в соответствии с ним федеральных законов [19, ч. 1 ст. 4]. В связи с этим возникает вопрос: насколько допустимо использовать для целей валютного регулирования указы Президента, которые не отнесены к валютному законодательству, но направлены на его изме-

нение и содержат обязательные требования? Данный вопрос имеет чрезвычайно важное значение, поскольку если указы Президента не отнесены к валютному законодательству, то на них автоматически распространяются положения Закона № 247-ФЗ.

Если обратиться к Конституции РФ (далее – Конституция), можно заметить, что указы Президента не могут противоречить федеральным законам [20, ч. 3 ст. 90]. Данное правило было предусмотрено в целях недопущения повторения отрицательных эпизодов прошлого [21].

Вместе с тем в 2022 г. в Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» были внесены изменения, в соответствии с которыми Президент РФ вправе в качестве мер воздействия (противодействия), направленных на обеспечение финансовой стабильности Российской Федерации, устанавливать особый (специальный) порядок валютного регулирования и валютного контроля, а также иные временные меры экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации [22, ст. 5].

Таким образом, вышеобозначенные президентские акты, направленные на изменение валютного законодательства, приняты в соответствии с полномочиями, предоставленными гаранту Конституции в 2022 г. не самой Конституцией, а федеральным законом, согласно которому Президент РФ (далее – Президент) вправе устанавливать особый (специальный) порядок правового регулирования. Таким образом, можно наблюдать, что полномочиями по изменению федеральных законов в области валютного законодательства Президент был формально наделен иным федеральным законом, что, на наш взгляд, не только сомнительно с точки зрения соответствия Конституции (согласно которой указы Президента не могут противоречить федеральным законам), но и не обеспечивает отнесения указов Президента к валютному законодательству (поскольку в Законе № 173-ФЗ прямо обозначен круг актов, которые составляют валютное законодательство). Как следствие, президентские акты не освобождены от необходимости их согласования с требованиями Закона № 247-ФЗ.

Теперь же следует оценить, насколько указы Президента, принятые в 2022 г., соотносятся с положениями законодательства об обязательных требованиях.

Закон № 247-ФЗ предусмотрел ряд важнейших положений, направленных на предотвращение роста административного давления на бизнес и необходимость соблюдения которых является важной составляющей принципа законности. К числу таких положений относятся, в том числе:

- положения нормативных правовых актов, устанавливающих обязательные требования, должны вступать в силу либо с 1 марта, либо с 1 сентября соответствующего года, но не ранее чем по истечении 90 дней после дня официального опубликования соответствующего нормативного правового акта [2, ч. 1 ст. 3];

- в отношении проекта нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования, должна проводиться правовая экспертиза [2, ч. 3 ст. 11].

Учитывая проведенный анализ, который показал нам, что принятые в 2022 г. указы Президента не могут быть отнесены к валютному законодательству, а сле-

довательно, не отнесены к перечню исключений Закона № 247-ФЗ, мы можем сделать вывод о том, что требования в части особого порядка вступления в силу и прохождения правовой экспертизы распространяются в том числе на президентские акты, которые изменяют/дополняют валютное регулирование.

Однако при изучении содержания обозначенных ранее указов Президента можно сделать вывод о том, что ни один из них не отвечает требованиям Закона № 247-ФЗ, в том числе в части прохождения необходимых процедур и соблюдения порядка вступления их в силу. Это позволяет нам сделать вывод о существовании нормотворческой практики, при которой принятие в экстренном порядке отдельных актов может нарушать принцип законности. Это проявляется не только в том, что при разработке президентских актов могли быть нарушены правила разработки обязательных требований (требования к требованиям), но и в том, что данные акты в принципе не могли быть приняты в силу конституционных положений о недопустимости противоречия указов Президента федеральным законам. Конституция, равно как и Закон № 247-ФЗ, не делает исключений относительно тех или иных актов, необходимость скорейшего принятия которых порой бывает очевидна. Это в свою очередь влечет возникновение ситуаций, при которых законодатель с целью реагирования на стремительно развивающиеся условия (экономического, политического или иного характера) формально вынужден нарушать законодательство, и, как следствие, возникает оспоримость новых законодательных положений, необходимость немедленного принятия которых обусловлена изменившимися общественными отношениями.

При этом подобная практика «экстренного принятия» нормативных правовых актов далеко не единична. Так, в 2018 г. с целью реагирования на серию экологических катастроф Министерство природных ресурсов и экологии РФ издало приказ от 18 апреля 2018 г. № 154 «Об утверждении перечня объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, относящихся к I категории, вклад которых в суммарные выбросы, сбросы загрязняющих веществ в Российской Федерации составляет не менее чем 60 процентов» (далее – Приказ № 154), который установил перечень объектов (предприятий), которые, по мнению разработчика, оказывают наиболее негативное воздействие на окружающую среду, а следовательно, нуждаются в постоянном контроле (надзоре). Несмотря на то что Приказ № 154 в значительной степени затрагивает правовое положение субъектов предпринимательства, в отношении последней редакции проекта указанного акта оценка регулирующего воздействия не проводилась (процедура проводилась в отношении первой редакции) [23]. При этом требование о необходимости проведения повторной оценки регулирующего воздействия в отношении доработанного проекта нормативного правового акта прямо определено еще в 2012 г. [24, п. 22]. Как следствие, акт, который носит весьма высокую степень регулирующего воздействия, был зарегистрирован Министерством юстиции РФ без общественной экспертизы.

Однако необходимо понимать, что принятие тех или иных законодательных изменений в особом порядке обусловлено определенными причинами.

Вполне понятно, что большая часть требований указов Президента продиктована стремлением купировать риски «обездвиживания» средств российских рези-

дентов представителями недружественных юрисдикций, а также противодействием вывода активов недружественных нерезидентов за рубеж. Также оперативность принятия обозначенных указов Президента позволила минимизировать объем российских активов, подвергшихся блокировке со стороны иностранных государств. В указанных условиях промедление вступления в силу президентских актов могло бы привести к существенным экономическим потерям, в том числе для хозяйствующих субъектов и рядовых граждан. Также представляется очевидным то, что отмеченный в настоящей работе пример по принятию ряда указов Президента в 2022 г. вызван беспрецедентными условиями, в которых находилась российская экономика, в том числе в связи с серьезным санкционным воздействием со стороны иностранных государств, а также обусловлен необходимостью скорейшей реакции на такие условия с целью минимизации их негативного воздействия на финансовую систему страны. Отсрочка в разработке и последующем вступлении в силу необходимых законодательных изменений могла отразиться на состоянии не только хозяйствующих субъектов, но и всего населения в целом. При таких условиях правовые нормы, направленные на обеспечение предсказуемости и последовательности российского законодательства в спокойное время, уже не могут быть необходимым обоснованием для воспрепятствования принятию тех или иных актов. В особых условиях (например, в период серьезного санкционного давления) право должно выступать важнейшим инструментом реагирования на изменившуюся действительность с целью минимизации возможного вреда (ущерба) как для страны, так и для населения. В данной ситуации немедленное внесение законодательных изменений становится жизненно необходимой мерой, направленной на обеспечение безопасности страны.

Заключение

Необходимо помнить о системности российского законодательства, при которой для отдельных законодательных изменений может быть предусмотрен особый отлагательный порядок вступления в силу, а совершенствование одного нормативного правового акта может быть сопряжено с необходимостью соблюдения особых требований и (или) необходимостью изменения иных положений законодательства и подзаконных актов. Ввиду этого представляется особенно неясным, в связи с чем законодатель спустя более двух лет с момента принятия особых указов Президента, направленных на изменение/дополнение валютного законодательства, так и не внес необходимые законодательные поправки, которые позволили бы обеспечить достижение следующих результатов:

- во-первых, создать правовые условия, при которых вышеобозначенные указы Президента могли бы соответствовать требованиям Конституции в части недопустимости противоречия федеральным законам;

- во-вторых, легализовать обозначенные президентские акты в части обеспечения их соответствия законодательству об обязательных требованиях.

Оба вышеуказанных результата предполагается возможным достичь при помощи внесения изменений в Закон № 173-ФЗ, которые бы предусматривали, что валютное законодательство Российской Федерации состоит не только из указан-

ного акта и принятых в соответствии с ним федеральных законов, но и из актов валютного регулирования, к которым относятся указы Президента, предусматривающие особый (специальный) порядок валютного регулирования и валютного контроля. Это позволит, с одной стороны, включить издаваемые Президентом указы по вопросам валютного регулирования и валютного контроля в перечень актов валютного регулирования, а с другой стороны, обеспечить формальное соответствие президентских актов федеральному законодательству, как того требует Конституция.

В качестве второй законодательной инициативы представляется необходимым предусмотреть правовые условия для исключительных актов (необходимость скорейшего принятия которых обусловлена особыми исчерпывающими обстоятельствами), содержащих обязательные требования и, как следствие, подпадающих под действие Закона № 247-ФЗ. Указанная мера необходима для исключения регуляторного арбитража и усложнения законодательства с точки зрения его правоприменения. Очевидно, что в условиях скорейшего реагирования на стремительно изменяющиеся отношения необходимость соблюдения законодательных ограничений в виде особого отлагательного порядка вступления и (или) долговременной процедуры публичного обсуждения может нести серьезную угрозу причинения значительного вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям.

В этой связи целесообразно предусмотреть в Законе № 247-ФЗ положение о том, что требования данного Закона не применяются в случае, когда необходимость их соблюдения несет угрозу причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям в значительно большем размере, чем в ситуации, когда такие требования Закона № 247-ФЗ были бы соблюдены. При этом перечень подобных «особых случаев» должен быть исчерпывающим.

Пристатейный библиографический список

1. Колесников Е. В. Законность как принцип организации и деятельности органов государственной власти // Российская юстиция. 2020. № 5.
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5006.
3. Вологдин А. И. Конституционный принцип законности как основа регулирования административной деятельности органов публичного управления // Административное право и процесс. 2023. № 5.
4. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. М. : Проспект, 2018.
5. Бутусова Н. В. Государственно-правовые отношения между государством и личностью : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022.
6. Нагорных Р. В. Теоретические подходы к определению предмета административного права и процесса // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 2 (12).
7. Савостин А. А. Принцип законности в системе принципов административной ответственности: понятие, признаки, элементы и особенности // Административная ответственность. Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 4 (31).

8. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2028.

9. Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // СЗ РФ. 2020. № 13. Ст. 1898.

10. Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2082.

11. Указ Президента РФ от 28 апреля 2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ. 2020. № 18. Ст. 2875.

12. Официальное разъяснение Банка России от 29 июня 2023 г. № 4-ОР «О применении отдельных положений Указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 года № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» и Указа Президента Российской Федерации от 5 июля 2022 года № 430 «О репатриации резидентами – участниками внешнеэкономической деятельности иностранной валюты и валюты Российской Федерации» в части зачисления резидентами денежных средств на зарубежные счета и иностранные электронные средства платежа» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1465.

14. Указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1466.

15. Указ Президента РФ от 5 июля 2022 г. № 430 «О репатриации резидентами – участниками внешнеэкономической деятельности иностранной валюты и валюты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 28. Ст. 5083.

16. Указ Президента РФ от 8 августа 2022 г. № 529 «О временном порядке исполнения обязательств по договорам банковского счета (вклада), выраженных в иностранной валюте, и обязательств по облигациям, выпущенным иностранными организациями» // СЗ РФ. 2022. № 33. Ст. 5887.

17. Указ Президента РФ от 15 октября 2022 г. № 737 «О некоторых вопросах осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций)» // СЗ РФ. 2022. № 42. Ст. 7159.

18. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

19. Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

20. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС «Гарант».

21. Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1993. № 39. Ст. 3597.

22. Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 27. Ст. 4613.

23. Проект ведомственного акта «Об утверждении перечня объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, относящихся к I категории, вклад которых в суммарные выбросы, сбросы загрязняющих веществ в Российской Федерации составляет не менее чем 60 процентов» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : сайт. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=47944> (дата обращения: 27.09.2024).

24. Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7491.

References

1. Kolesnikov E. V. Legality as a Principle of Organization and Activities of Government Bodies. *Russian Justice*, 2020, no. 5. (In Russ.)

2. Federal Law of July 31, 2020 No. 247-FZ "On Mandatory Requirements in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 31 (part I), art. 5006. (In Russ.)

3. Vologdin A. I. Constitutional Principle of Legality as a Basis for Regulating the Administrative Activities of Public Administration Bodies. *Administrative Law and Process*, 2023, no. 5. (In Russ.)

4. Kozlova E. I., Kutafin O. E. Constitutional Law of Russia: Textbook. Moscow: Prospekt, 2018. (In Russ.)

5. Butusova N. V. State and Legal Relations Between the State and the Individual: Monograph. 2nd ed. Moscow: Iurait, 2022. (In Russ.)

6. Nagornyykh R. V. Theoretical Approaches to Defining the Subject of Administrative Law and Process. *Ius Publicum et Privatum*, 2021, no. 2 (12). (In Russ.)

7. Savostin A. A. The Principle of Legality in the System of Principles of Administrative Responsibility: Concept, Signs, Elements and Features. *Administrative Responsibility. Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*, 2017, no. 4 (31). (In Russ.)

8. Federal Law of April 1, 2020 No. 98-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Prevention and Elimination of Emergencies". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 14 (part I), art. 2028. (In Russ.)

9. Decree of the President of the Russian Federation of March 25, 2020 No. 206 "On the Declaration of Non-Working Days in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 13, art. 1898. (In Russ.)

10. Decree of the President of the Russian Federation of April 2, 2020 No. 239 "On Measures to Ensure the Sanitary and Epidemiological Well-Being of the Population in the Russian Federation in Connection with the Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19)". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 14 (part I), art. 2082. (In Russ.)

11. Decree of the President of the Russian Federation of April 28, 2020 No. 294 "On Extending the Validity of Measures to Ensure the Sanitary and Epidemiological Well-Being of the Population in the Russian Federation in Connection with the Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19)". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 18, art. 2875. (In Russ.)

12. Official Explanation of the Bank of Russia of June 29, 2023 No. 4-OR "On the Application of Certain Provisions of the Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2022 No. 79 'On the Application of Special Economic Measures in Connection With the Unfriendly Actions of the United States of America and Foreign States and International Organizations That Have Joined Them' and the Decree of the President of the Russian Federation of July 5, 2022 No. 430 'On the Repatriation of Foreign Currency and the Currency of the Russian Federation by Residents – Participants in Foreign Economic Activity' in Terms of Crediting Funds by Residents to Foreign Accounts and Foreign Electronic Means of Payment" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

13. Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2022 No. 79 "On the Application of Special Economic Measures in Connection with the Unfriendly Actions of the United States of America and Foreign States and International Organizations That Have Joined Them". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 10, art. 1465. (In Russ.)

14. Decree of the President of the Russian Federation of March 1, 2022 No. 81 "On Additional Temporary Economic Measures to Ensure the Financial Stability of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 10, art. 1466. (In Russ.)

15. Decree of the President of the Russian Federation of July 5, 2022 No. 430 "On the Repatriation of Foreign Currency and the Currency of the Russian Federation by Residents – Participants in Foreign Economic Activity". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 28, art. 5083. (In Russ.)

16. Decree of the President of the Russian Federation of August 8, 2022 No. 529 "On the Temporary Procedure for the Fulfillment of Obligations Under Bank Account (Deposit) Agreements Expressed in Foreign Currency, and Obligations on Bonds Issued by Foreign Organizations". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 33, art. 5887. (In Russ.)

17. Decree of the President of the Russian Federation of October 15, 2022 No. 737 "On Certain Issues of the Implementation (Execution) of Certain Types of Transactions (Operations)". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 42, art. 7159. (In Russ.)

18. Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 31 (Part I), art. 5007. (In Russ.)

19. Federal Law of December 10, 2003 No. 173-FZ "On Currency Regulation and Currency Control". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2003, no. 50, art. 4859. (In Russ.)

20. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (SPS "Garant"). (In Russ.)

21. Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 1993 No. 1400 "On the Phased Constitutional Reform in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1993, no. 39, art. 3597. (In Russ.)

22. Federal Law of June 28, 2022 No. 212-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 27, art. 4613. (In Russ.)

23. Draft Departmental Act "On Approval of the List of Facilities That Have a Negative Impact on the Environment, Related to Category I, Whose Contribution to the Total Emissions and Discharges of Pollutants in the Russian Federation Is at Least 60 Percent". URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=47944> (date of the application: 27.09.2024). (In Russ.)

24. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 17, 2012 No. 1318 "On the Procedure for Federal Executive Bodies to Conduct an Assessment of the Regulatory Impact of Draft Regulatory Legal Acts and Draft Decisions of the Eurasian Economic Commission, as Well as on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 52, art. 7491. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. М. Переседов – кандидат юридических наук.

Information about the author:

A. M. Peresedov – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 30.09.2024; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-68-76>

ПРИОРИТЕТ ДУХОВНОГО НАД МАТЕРИАЛЬНЫМ КАК ТРАДИЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Татьяна Юрьевна Астапова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Astapova.t@mail.ru

Аннотация

Проблема, определяющая научную актуальность предлагаемой работы, обусловлена тем, что традиционные духовно-нравственные ценности направлены на развитие государственности, повышение благосостояния народа. Имея стратегическое значение, они имплементированы в правовую систему. Наибольшую регламентацию получили права и свободы человека, крепкая семья. Меньше уделено внимания, например, приоритету духовного над материальным. Между тем приоритет духовного над материальным как многовековая ценность для всех народов России не ограничивается исключительно религиозным пониманием. Она находит свое закрепление в нормах Конституции РФ, которой не должны противоречить принимаемые законы и иные правовые акты. Поэтому целью исследования является определение места приоритета духовного над материальным как традиционной ценности в гражданском законодательстве. Методологическая основа исследования базируется на совокупности всеобщих, общенаучных и частнонаучных методов. В качестве основных приемов исследования применялись диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой, технико-юридический и другие методы с приемами анализа, синтеза и описания. По итогам сделан вывод о том, что традиционная ценность приоритет духовного над материальным пронизывает гражданское законодательство. Обосновывается, что она ложится в основу юридической аргументации при преодолении пробела в праве, юридической коллизии, отсутствии в норме детального предписания, выступая ориентиром для правотворчества и правоприменения.

Ключевые слова: традиционные ценности; духовные интересы; имущественные отношения; материальные блага; приоритет духовного над материальным; общественное благо; нравственность; мораль.

Для цитирования: Астапова Т. Ю. Приоритет духовного над материальным как традиционная ценность в гражданском праве России // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 68–76. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-68-76>

Research Article

THE PRIORITY OF THE SPIRITUAL OVER THE MATERIAL AS A TRADITIONAL VALUE IN RUSSIAN CIVIL LAW

Tatyana Yu. Astapova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaya St., Moscow, 117638, Russia
Astapova.t@mail.ru

Abstract

The problem determining the scientific relevance of the proposed work is due to the fact that traditional spiritual and moral values are aimed at the development of statehood, improving the welfare of the people. Having strategic importance, they are implemented in the legal system. Human rights and freedoms and a strong family have received the greatest regulation. Less attention is paid, for example, to the priority of the spiritual over the material. Meanwhile, the priority of the spiritual over the material as a centuries-old value for all the peoples of Russia is not limited exclusively to religious understanding. It finds its consolidation in the norms of the Constitution of the Russian Federation, which should not contradict the adopted laws and other legal acts. Therefore, the purpose of the study is to determine the place of priority of the spiritual over the material as a traditional value in civil legislation. The methodological basis of the research is based on a set of universal, general scientific and private scientific methods. As the main techniques, we study.

Keywords: traditional values; spiritual interests; property relations; material goods; priority of the spiritual over the material; public good; morality; ethics.

For citation: Astapova T. Yu. The Priority of the Spiritual over the Material as a Traditional Value in Russian Civil Law. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 1, pp. 68–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-68-76>

Введение

Традиционные духовно-нравственные ценности направлены на развитие государственности, повышение благосостояния народа. Имея стратегическое значение, они имплементированы в правовую систему. Наибольшую регламентацию получили права и свободы человека, крепкая семья. Меньше уделено внимания коллективизму, гражданственности, приоритету духовного над материальным.

Между тем приоритет духовного над материальным – это многовековая ценность для всех народов России. Ее закрепление направлено на обращение к истокам христианской культуры, которая видела в отрешенности верующего от материального духовную силу и крепость духа, проявление силы воли человека [1, с. 13]. Именно такое свободное духовное единение людей в мирской общности было признано главным условием национального единства и создания сильного государства.

После Октябрьской революции 1917 г. в контексте смены государственного строя в России был взят ориентир на первичность материальных отношений. В основу идеологии были положены производство и потребление материальных благ. Последующие исторические события показали необходимость переоценки существующих реалий, потребовав наращивания не только экономического потенциала государства, но и духовного. Ответом на изменения послужила поправка к Конституции РФ положением о том, что Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство [2].

Таким образом, традиционная ценность приоритет духовного над материальным, напоминая об истинной сущности человека, его исторических корнях, призвана укрепить духовное единение как основу государства и общества.

1. Приоритет духовного над материальным как основополагающее начало права

Следует отметить, что приоритет духовного над материальным не ограничивается исключительно религиозным пониманием. В Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., не идет речь об установлении какой-либо идеологии, религии в качестве государственной или обязательной. Статья 13 Основного закона признает идеологическое многообразие. Статья 28 указанного акта гарантирует каждому гражданину свободу вероисповедания, к числу которых относятся христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религиозные учения, включая право свободного выбора для исповедания любой религии или не исповедания никакой. Вместе с тем ст. 34 Конституции РФ устанавливает и право каждого на свободное использование своих способностей, имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности, а также в ст. 35 право каждого иметь в собственности имущество. В то же время в ст. 29 Конституции РФ не допускается пропаганда, возбуждающая социальную, национальную или религиозную ненависть или превосходство. В ст. 34, 35 Конституции РФ запрещена экономи-

ческая деятельность, направленная на недобросовестную конкуренцию, возможность лишения имущества [3].

Вышеуказанный подход позволяет, с одной стороны, поддерживать участие религиозных организаций в деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, и тем самым объединить многонациональную и многоконфессиональную страну; с другой стороны, не отрицая материальных ценностей, повышать рост доходов, благосостояние российских граждан. Неслучайно для обеспечения государственной и общественной безопасности наряду с такой целью, как укрепление гражданского согласия, социальной стабильности в обществе, названа и защита всех форм собственности от противоправных посягательств [4].

Таким образом, приоритет духовного над материальным как одна из традиционных ценностей находит свое закрепление в нормах Конституции РФ, которой не должны противоречить принимаемые законы и иные правовые акты. Напротив, опираясь на принципы и другие правовые категории с учетом сложившихся традиций, обычаев, морали и нравственности как основы поведения, они призваны развивать указанные начала.

2. Реализация приоритета духовного над материальным как духовно-нравственной традиционной ценности

Общественные отношения, возникающие по поводу различного рода материальных благ, регулируются гражданским законодательством. В развитие конституционных положений в ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), закрепляющей основополагающие начала, установлено, что гражданские права могут быть ограничены, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, т.е. традиционных духовно-нравственных ценностей [5]. При этом последние для разрешения правового конфликта нередко играют ключевую роль. Например, ст. 10 ГК РФ в случае недобросовестного поведения лица позволяет отказать ему в защите. Так, суд отказал в признании права собственности на жилой дом и земельный участок, несмотря на заключенное соглашение о разрешении строительства жилого дома на земельном участке, принадлежащем ответчику, с принятием последним обязанности по завершении строительства и присвоении жилому дому кадастрового номера передать в собственность истцу жилой дом, а также земельный участок на безвозмездной основе. Суд исходил из наличия в действиях сторон при заключении соглашения признаков недобросовестности, поскольку они направлены на уклонение от исполнения судебного акта – решения Дзержинского районного суда г. Перми. Недобросовестным поведением истца является факт обращения с требованием об исполнении соглашения спустя восемь лет с момента его заключения, фактически – после вынесения решения судом об обращении взыскания на жилой дом и земельный участок по требованиям кредиторов ответчика, при отсутствии препятствий со стороны истца требовать его исполнения с момента присвоения кадастрового номера жилому дому. С таким решением согласилась и Судебная коллегия. Она отметила, что поведение истца нельзя признать добросовестным,

поскольку, зная о заключенном соглашении, о вводе дома в эксплуатацию, а также о том, что собственником дома и земельного участка зарегистрирован ответчик, длительное время не обращалась с требованием к нему, вытекающим из заключенного между ними соглашения [6].

В целях защиты основ правопорядка и нравственности в соответствии со ст. 169 ГК РФ сделка может быть признана недействительной. Так, Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции были удовлетворены исковые требования об оспаривании договоров купли-продажи ввиду того, что последние прикрывали мошеннические действия по безвозмездному отчуждению имущества. Из материалов дела следовало, что оснований для признания ответчицы добросовестным приобретателем судом не установлено, а именно: она купила спорное имущество на основании договора всего через несколько месяцев с момента приобретения права на спорную квартиру прежним собственником, а потому могла усомниться в законности первоначальной сделки с учетом сроков владения имуществом. Кроме того, из протокола ее допроса в качестве свидетеля в рамках уголовного дела следует, что ответчица работала риелтором, т.е. обладала познаниями в сфере недвижимости. Несмотря на это, спорную квартиру при заключении договора купли-продажи не осматривала, не проявив тем самым должной осмотрительности, самонадеянно рассчитывая на законность совершенной сделки [7]. Или в удовлетворении исковых требований о признании недействительным (ничтожным) договора купли-продажи земельного участка и объекта незавершенного строительства, приобретенного и построенного соответственно с использованием средства материнского (семейного) капитала, Крыловским районным судом Краснодарского края первоначально было отказано. К такому выводу суд пришел исходя из недоказанности факта недобросовестного поведения со стороны покупателя недвижимого имущества, который приобрел его у титульного собственника, не состоявшего в зарегистрированном браке на момент продажи более трех лет, полагаясь на сведения реестра недвижимости об отсутствии ограничений и обременений по отношению к приобретаемым объектам недвижимости. Однако Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда решение было отменено. Суд признал недействительным (ничтожным) договор купли-продажи земельного участка и объекта незавершенного строительства площадью ввиду нарушения требований закона или иного правового акта и при этом посягательства на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц [8]. При этом, как видно, доводы ответчиков о невозможности проверить ложные заверения продавцов жилых помещений, о принятии всех разумных мер для выяснения правомочий продавца на отчуждение имущества не принимаются во внимание. Например, несмотря на то, что истец принял все разумные меры для выяснения правомочий продавца на отчуждение имущества, суд, руководствуясь положениями норм закона, пришел к выводу о том, что продавец квартиры, воспользовавшись своим правом на получение государственного сертификата на материнский капитал, приобрела жилое помещение в собственность, однако обязательство по оплате договора в полном объеме не исполнила, так же как и обязательство оформить квартиру в общую долевую собственность детей, чем нарушила нормы действующего законодательства по обеспечению мер государственной

поддержки семей, имеющих детей. Ввиду указанных обстоятельств суд признал ничтожным договор купли-продажи спорных объектов как сделку, нарушающую основы правопорядка и нравственности [9].

Ограничение гражданских прав, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, т.е. традиционных духовно-нравственных ценностей, можно выявить и в другой категории споров. Так, при рассмотрении исковых заявлений о прекращении права общей долевой собственности на жилые помещения путем выкупа незначительной доли для удовлетворения требований необходимо наличие ряда условий. Одним из них является отсутствие существенного интереса у ответчика в использовании имущества. Последний, как правило, выражен в необходимости проявить заботу о лице преклонного возраста [10] или социально незащищенном субъекте [11], оградить ребенка от негативного влияния на его эмоциональное состояние [12], дать духовно-нравственное воспитание несовершеннолетним детям [13], установить порядок пользования жилым помещением в соответствии с морально-этическими нормами [14]. Например, суд отказал в удовлетворении исковых требований о признании доли незначительной, прекращении права собственности на долю квартиры при условии выплаты компенсации ввиду сохранения существенного интереса в использовании спорного жилого помещения. Так, ответчик с 2017 г. по настоящее время зарегистрирован и проживает в спорном жилом помещении, является инвалидом I группы, получает медицинскую помощь по месту жительства, пользуется социальными гарантиями, согласия на рыночную стоимость $\frac{1}{5}$ доли в размере 2 376 468 руб. не выразил [15]. В подкрепление позиции о том, что именно приоритет духовного над материальным играет ключевую роль в указанной категории споров, может послужить и тот факт, что существенный интерес в использовании общего имущества, как правило, не стоит в зависимости от обладания каким-либо имуществом, в том числе жилым помещением.

Таким образом, разрешение гражданско-правовых споров, возникающих в связи с осуществлением участниками своих субъективных прав, требует учитывать разнообразные явления действительности, в том числе нравственность, добросовестность, добродетель, совесть, свободу воли. Именно в целях защиты последних законодатель допускает ограничение имущественных прав участников гражданского оборота. При этом в основу правового обоснования решения ложится приоритет духовно-нравственных ценностей как общего блага.

3. Приоритет духовно-нравственных ценностей как способ достижения общего блага

Общее благо, существующее в качестве идеи, пронизывает гражданское законодательство. Это обусловлено тем, что участникам имущественного оборота присущи не только частные, но и публичные интересы. Первоначально к последним относились интересы семьи, рода, общины; сегодня – интересы государства и общества [16, с. 56]. Например, Верховный Суд РФ в определении от 15 декабря 2022 г. № 304-ЭС22-10636 по делу № А27-24426/2020 напомнил позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой основанием для отчуждения у части акционеров принадлежащего им имущества могут быть интересы акционерного общества в це-

лом – в той мере, в какой оно действует для достижения общего для акционерного общества блага. Также Суд отметил, что исключение акционеров из Единого государственного реестра юридических лиц оправданно, поскольку позволяет преодолеть пробел в праве, способствует достижению общего для такого лица блага [17]. Или в постановлении от 14 декабря 2023 г. № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам» Конституционный Суд РФ указал, что интеллектуальные права, как и право собственности, подлежат защите исходя из общего блага и необходимости поддержания конкурентной экономической среды, в том числе в целях защиты конституционно значимых ценностей [18]. В постановлении от 2 июля 2024 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности статей 426, 428 и 438 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. А. Гилевской» Конституционный Суд подчеркнул, что, гарантируя каждому право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, законодатель обязан поддерживать баланс прав и обязанностей всех участников рынка. В этих целях он правомочен устанавливать условия осуществления предпринимательской деятельности, направленные на согласование частной экономической инициативы с интересами других лиц и общества в целом [19].

Заключение

Таким образом, в силу принципа справедливости, в основе которого лежат баланс прав и обязанностей всех участников гражданского оборота, свобода, признаваемая за хозяйствующими субъектами, гарантируемая им защита, традиционная ценность приоритет духовного над материальным является основой общества и государства. Она пронизывает гражданское законодательство, ложится в основу юридической аргументации при преодолении пробела в праве, юридической коллизии, отсутствии в норме детального предписания, выступая ориентиром для правотворчества и правоприменения.

Пристатейный библиографический список

1. Медушевская Н. Ф., Сигалов К. Е. Формирование российского гражданского общества: исторический и социокультурный факторы // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 4.
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
3. Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.12.2024).
4. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 сентября 2024 г. № 88-22803/2024 // СПС «КонсультантПлюс»
6. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11 июня 2024 г. № 88-10935/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 февраля 2023 г. по делу № 88-3392/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июня 2020 г. № 88-7899/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 июля 2023 г. по делу № 88-19747/2023, 2-1357/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18 сентября 2023 г. по делу № 88-18853/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 августа 2023 г. № 88-20264/2023 по делу № 2-992/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9; 1997. № 5.
13. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2023 г. по делу № 88-26772/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 сентября 2023 г. по делу № 88-20289/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Емельянов А. С. Публичный интерес и генезис административного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5.
16. Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 304-ЭС22-10636 по делу № А27-24426/2020 // СПС «КонсультантПлюс»
17. СЗ РФ. 2023. № 52. Ст. 9760.
18. СЗ РФ. 2024. № 28. Ст. 4088.

References

1. Medushevskaja N. F., Sigalov K. E. Formation of Russian Civil Society: Historical and Socio-Cultural Factors. *Civil Society in Russia and Abroad*, 2015, no. 4. (In Russ.)
2. Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 11, art. 1416. (In Russ.)
3. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of the application: 05.12.2024). (In Russ.)
4. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part II), art. 5351. (In Russ.)
5. Civil Code of the Russian Federation (First Part) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)

6. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of September 26, 2024 No. 88-22803/2024 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
7. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of June 11, 2024 No. 88-10935/2024 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
8. Determination of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of February 16, 2023 in case No. 88-3392/2023 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
9. Determination of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction of June 18, 2020 No. 88-7899/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
10. Determination of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of July 25, 2023 in case No. 88-19747/2023, 2-1357/2022 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
11. Determination of the Third Cassation Court of General Jurisdiction of September 18, 2023 in case No. 88-18853/2023 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
12. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of August 8, 2023 No. 88-20264/2023 in case No. 2-992/2022 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 6, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 8 of July 1, 1996 "On Certain Issues Related to the Application of Part One of the Civil Code of the Russian Federation". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 1996, no. 9; 1997, no. 5. (In Russ.)
14. Determination of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction of November 30, 2023 in case No. 88-26772/2023 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
15. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of September 12, 2023 in case No. 88-20289/2023 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
16. *Emelianov A. S. Public Interest and the Genesis of Administrative Law. Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 5. (In Russ.)
17. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of December 15, 2022 No. 304-ES22-10636 in case No. A27-24426/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
18. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 52, art. 9760. (In Russ.)
19. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2024, no. 28, art. 4088. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Т. Ю. Астапова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

T. Yu. Astapova – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 07.11.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-77-89>

СЕМЬЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПАРАДИГМЕ СЕМЕЙНЫХ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ И КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ*

Анатолий Николаевич Левушкин^{1,2}

¹ Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

² Ульяновский государственный университет, 432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42

lewuskin@mail.ru

Аннотация

Исследуя тенденции развития семейного, предпринимательского и корпоративного права в современной России, автор приходит к выводу, что в условиях активного развития рыночных бизнес-отношений предпринимательские цели стали определяющими в развитии норм в том числе и социально-экономической направленности. Полагаем, что современная тенденция, направленная на повсеместную реализацию и необходимость сохранения традиционных семейных ценностей, таких как традиционный брак, созданная на его основе семья и благосостояние рожденных в ней детей, определяет базовый вектор развития как гражданско-правового регулирования в целом, так и предпринимательских корпоративных отношений в частности. В представленной статье рассмотрен подход к реализации традиционных семейных ценностей через призму предпринимательской деятельности, реализацию принципа добросовестности для защиты семейных предпринимательских и корпоративных прав, сформулированы выводы и отдельные предложения.

* Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», Центр компетенций «Бизнес-право», Проект «Семейное и женское предпринимательство».

Ключевые слова: семья; семейные правоотношения; супруги; духовно-нравственные начала; традиционные семейные ценности; брак; предпринимательская деятельность; корпоративные правоотношения; доли в корпорациях.

Для цитирования: Левушкин А. Н. Семья и традиционные семейные ценности в парадигме семейных, предпринимательских и корпоративных правоотношений // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 77–89. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-77-89>

Research Article

FAMILY AND TRADITIONAL FAMILY VALUES IN THE PARADIGM OF ENTREPRENEURIAL AND CORPORATE LEGAL RELATIONS*

Anatoly N. Levushkin^{1,2}

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9 Sadovaia-Kudrinskaia St., Moscow, 125993, Russia

² Ulyanovsk State University, 42 Lva Tolstogo St., Ulyanovsk, 432017, Russia
lewuskin@mail.ru

Abstract

Examining the trends in the development of family, entrepreneurial and corporate law in modern Russia, the author comes to the conclusion that in the conditions of active development of market business relations, entrepreneurial goals have become decisive in the development of norms, including socio-economic orientation. We believe that the current trend aimed at the widespread realization and the need to preserve traditional family values, such as traditional marriage, created on the basis of the family and the welfare of the children born in it, determines the basic vector of development of both civil law regulation in general and entrepreneurial corporate relations in particular. The presented article considers an approach to the realization of traditional family values through the prism of entrepreneurial activity, the implementation of the principle of good faith to protect entrepreneurial and corporate rights, and formulates conclusions and individual proposals.

* The research was carried out within the framework of the strategic academic leadership program "Priority 2030", the Competence Center "Business Law", the project "Family and Women's Entrepreneurship".

Keywords: family; family legal relations; spouses; spiritual and moral principles; traditional family values; marriage; entrepreneurial activity; corporate legal relations; shares in corporations.

For citation: Levushkin A. N. Family and Traditional Family Values in the Paradigm of Entrepreneurial and Corporate Legal Relations. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 1, pp. 77–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-77-89>

Введение

Как обоснованно установлено в доктрине семейного права, «семья, как и любое социальное явление, реагирует на происходящие изменения в обществе» [1, с. 12]. В основе ключевых общенациональных ценностей лежит большая многопоколенная семья, сплоченная и многодетная [2]. Президент РФ подчеркивает, что «институт семьи, наши традиционные ценности находятся на первом месте. Они находятся у нас под защитой государства, закреплены в соответствующих статьях Конституции России» [3]. Полагаем, что данный тезис Президента России полностью согласуется с провозглашенной в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политикой в области ее поддержки, укрепления и защиты. Однако, как установлено в науке, «возникает необходимость изучения понятия и сущности семьи как традиционной российской духовно-нравственной ценности в правовой и законодательной плоскостях, определения критерия «крепкая семья» с целью обеспечения ее охраны, рассмотрения вопроса об изменении дефиниции «семья» в Семейном кодексе РФ» [4, с. 24–27].

1. Значение и влияние семейных и духовно-нравственных ценностей на предпринимательские и корпоративные отношения

«Развитие духовно-нравственных ценностей в человеке невозможно за счет формального соблюдения религиозных, нравственных и иных социальных норм» [5, с. 21]. Обратим внимание на то обстоятельство, что за последние годы в научном сообществе и на законодательном уровне все чаще поднимаются вопросы о реформировании законодательства в сфере имущественных отношений, в том числе возникающих по поводу доходов супругов от осуществления предпринимательской деятельности, приобретенных в браке, а также в связи с возникшими обязательствами перед третьими лицами [6, с. 10–13]. И здесь необходимо выстраивание имущественных отношений членов семьи на основе реализации традиционных семейных ценностей через призму добросовестности для защиты прав граждан в различных правоотношениях.

«Формирование духовно-нравственных начал закрепляется государством в качестве главной задачи» [7, с. 48]. Следует согласиться с высказанным в доктрине суждением, что в настоящее время под влиянием всеобщей глобализации, развития технологий, безграничного распространения информации наблюдается насаждение чуждых российскому обществу идеалов и ценностей [8, с. 2]. Основным нормативным правовым актом, направленным на сохранение и укрепление тра-

диционных ценностей, выступают Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [9]. В п. 84 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [10] говорится о том, что человечество столкнулось с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов. В вышеуказанном документе также установлено, что осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в различных сферах жизнедеятельности человека ведет к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушению фундамента культурного суверенитета, подрыву государственности. Несложно предположить, что такого рода негативная ситуация, безусловно, приведет к утрате семейных ценностей и разрушению традиционной модели российской семьи, основанной на браке и детско-родительских правоотношениях. «Современные реалии требуют осуществления комплекса мер, обеспечивающих коллективный ментальный иммунитет» [11, с. 5–8].

В науке частного права профессор М. Н. Илюшина обоснованно определяет, что пробелы правового регулирования общественных отношений возникают неизбежно, поскольку общественные отношения движутся поступательным образом, их развитие невозможно остановить, поскольку в данном случае речь идет о развитии гражданского оборота как одного из показателей цивилизационного процесса [12, с. 66–72]. В продолжение данного суждения следует указать, что в современной социальной и экономико-правовой модели общественных отношений члены семьи принимают самое активное и непосредственное участие в предпринимательских правоотношениях, суть которых нередко сводится к организации бизнес-процессов супругами, детьми и другими родственниками в рамках концепции семейной организации предпринимательства. Полагаем, что данный сегмент экономико-социальной и семейной предпринимательской деятельности имеет немаловажное значение с точки зрения доктрины и практико-ориентированного направления реализации современной теории российского предпринимательства [13, с. 90].

2. Реализация традиционных семейных ценностей в предпринимательских и корпоративных правоотношениях

Считаем весьма оправданным и необходимым распространение традиционных семейных ценностей и на семейные предпринимательские отношения, в том числе их реализацию в рамках корпоративных правоотношений, где весьма распространенной тенденцией является злоупотребление корпоративным правом, нарушение прав супругов – членов корпораций. Полагаем, что основным последствием злоупотребления корпоративным правом членами семьи как участниками корпоративных правоотношений выступает прежде всего применение уполномоченным органом (судом) гражданско-правовых санкций, мер гражданско-правовой ответственности, а также ряда иных мер гражданско-правового принуждения.

Гражданско-правовой санкцией за злоупотребление корпоративными правами членами семьи выступает в настоящее время отказ злоупотребившему корпоративным правом лицу в защите данного права.

Приведем пример из судебной практики. Судом на основании п. 2 ст. 10 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) было отказано в удовлетворении требования о признании недействительным постановления наблюдательного совета АО в силу того, что истец (акционер) – супруг, неоднократно предъявляя требования о созыве внеочередного общего собрания акционеров по одному и тому же вопросу, действовал с намерением причинить вред ответчику (АО).

Акционер обратился в арбитражный суд с иском к АО о признании недействительным решения наблюдательного совета данного общества в части отказа истцу в созыве внеочередного общего собрания акционеров.

Суд отказал в удовлетворении искового требования. Как следует из материалов дела, до предъявления требования о созыве внеочередного общего собрания акционеров общества, по которому наблюдательным советом принято оспариваемое решение, истец в законодательно установленном порядке трижды выступал с инициативой о созыве внеочередного общего собрания акционеров в очной форме. В качестве повестки дня инициированных внеочередных общих собраний истцом, который имел статус супруга, предлагался один и тот же вопрос: о внесении изменений в положение о наблюдательном совете АО. Предложения истца были удовлетворены, проведено три внеочередных общих собрания акционеров АО.

По мнению суда, истец, предъявляя данное требование, действовал с намерением причинить вред АО и другому супругу. Протоколы об итогах голосования свидетельствуют, что при голосовании по предложенному истцом вопросу повестки дня против внесения изменений в положение о наблюдательном совете на первом, втором и третьем инициированных истцом собраниях выступило соответственно 86,9, 87,4 и 87,7% акционеров – владельцев голосующих акций, принимавших участие в собрании. При этом расходы на организацию, подготовку и проведение собраний легли на ответчика.

В такой ситуации суд счел, что предъявление требования о созыве четвертого общего собрания акционеров по тому же вопросу является злоупотреблением правом со стороны истца, и отказал в удовлетворении заявленного требования [14].

Следует учитывать при этом, что применение такой санкции, как отказ злоупотребившему корпоративным правом супругу как участнику хозяйственного общества в защите права, не оказывает влияния как на семейно-правовой, так и на корпоративно-правовой статус такого участника корпорации и его права, причем не влечет прекращения или изменения соответствующего корпоративного правоотношения между участником и обществом (корпорацией).

«Существует немало сложностей при отчуждении долей, принадлежащих супругам в обществе с ограниченной ответственностью» [15, с. 25]. Как обоснованно установлено в доктрине корпоративного права, «переход доли супруга к другому супругу в уставном капитале ООО является в корпоративно-правовом смысле непосредственным отчуждением доли» [16].

Одним из последствий злоупотребления правом миноритарным участником может быть его исключение из числа участников в судебном порядке. Например, Верховный Суд РФ определил три вопроса, которые должны быть оценены и проанализированы судом для того, чтобы выявить обстоятельства злоупотребления

правом участником, и для того, чтобы остальные участники могли требовать исключения недобросовестного участника [17]. Исходя из обстоятельств дела миноритарный участник, находящийся в браке супруг, длительное время препятствует достижению целей деятельности компании, так как голосует против принятия решений, направленных на обеспечение успешного выполнения обществом своих обязательств, препятствует смене директора, совершающего сделки в ущерб компании. В связи с этим участники требовали исключить миноритария из состава участников компании. Верховный Суд РФ поддержал судебные акты первых двух инстанций и указал на законность исключения участника в данных обстоятельствах. А обстоятельства были такими: 1) поведение участника было вредным для интересов общества; оно могло серьезно воспрепятствовать ведению участниками общего дела, создав угрозу продолжению деятельности общества; дальнейшее сотрудничество для остальных участников при наличии такого поведения было неприемлемо; 2) имел место сговор между миноритарным участником и подконтрольным ему генеральным директором. Так, Верховный Суд РФ оценил действия миноритарного участника как злоупотребление правом с целью побуждения мажоритарного участника к выкупу его доли на заведомо невыгодных условиях.

В системе оснований перехода прав на доли сделки как самостоятельный случай представлены группой отчуждательных и неотчуждательных сделок (распорядительных), поскольку все они влекут изменение состава участников, что в корпоративно-правовом смысле следует расценивать как отчуждение доли, т.е. переход к третьему лицу [18, с. 23–28]. Что касается применения судами к злоупотребившим своим корпоративным правом лицам иных законодательно предусмотренных мер, то это могут быть, например, признание недействительной притворной сделки и применение соответствующих последствий.

Кроме того, согласно разъяснениям Президиума ВАС РФ № 10590/11 сделка, совершенная супругом как участником ООО с целью отчуждения доли в этом обществе третьему лицу, в момент совершения которой был нарушен запрет, установленный уставом данного общества, может оспариваться как сделка, которая была совершена с нарушением условий осуществления полномочий [19].

Что касается намерений должника-супруга, его цели причинить вред кредиторам в части их имущественных прав, то она предполагается в следующих случаях: к моменту совершения либо в результате сделки должник отвечает признакам банкротства и при этом не последовало возмездного представления по сделке, либо исполнения от заинтересованного в данной сделке лица, либо совершения для выплаты пая, выдела доли в имуществе должника непосредственно учредителю или участнику должника.

Кроме того, намерения должника предполагаются:

- при размере стоимости имущества, переданного должником по сделке, превышающем 20% от суммы его активов;
- при смене должником места жительства (нахождения) без предупреждения об этом факте кредиторов;
- при сокрытии имущества и уничтожении (подмене, искажении) документов, имеющих отношение к сделке и в целом процедуре банкротства (бухгалтерская и иная отчетность и пр.);

– при дальнейшем распоряжении переданным по сделке имуществом [20, с. 264].

Вместе с тем суды нередко выходят за рамки применения вышеуказанных санкций, подлежащих применению к лицам, злоупотребившим корпоративными правами, и применяют дополнительные последствия, не установленные законом. К примеру, злоупотребление корпоративным правом рассматривается судами как основание для исключения участника из хозяйственного общества, что подтверждается правоприменительной практикой [21].

Также судами признаются недействительными принятые в корпорациях решения на основании злоупотреблений, которые были допущены при принятии данных решений [22], хотя применение подобных последствий законом не установлено.

3. Традиционные ценности как вектор развития добросовестности и инструмент противодействия злоупотреблению правом в корпоративных правоотношениях

Как демонстрирует правоприменительная деятельность, судами нередко применяется к участнику хозяйственного общества, злоупотребившему своим корпоративным правом, такая санкция, как отказ в применении срока исковой давности [23].

В указанных и иных подобных случаях мы наблюдаем, по сути, нарушение принципа законности, а именно противоречие выносимых судьями решений положениям, закрепленным в гражданском законодательстве, устанавливающим необходимость применения судами при злоупотреблениях корпоративным правом членами семьи, тем самым разрушая и традиционные семейные ценности, иных мер, но прямо предусмотренных законом.

Упомянутые последствия, примененные судами, возможны, но при соблюдении и других законодательно закрепленных условий. Например, злоупотребление правом со стороны супруга как участника хозяйственного общества может являться основанием для его исключения из общества, но при этом необходимо соблюдение и других условий, а именно: при злоупотреблении таким супругом – участником хозяйственного общества своим правом причиняется значительный ущерб обществу либо иным образом затрудняется деятельность общества или достижение им уставных целей [24, ст. 67].

Представляется целесообразным в целях обеспечения единства практики применения судами норм семейного, гражданского и корпоративного законодательства о злоупотреблении правами при угрозе реализации семейных ценностей и нравственных начал, применения последствий злоупотреблений и защиты участников гражданских и непосредственно корпоративных правоотношений утверждение Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм гражданского законодательства о злоупотреблении правами», содержащего соответствующие разъяснения и закрепляющего положение о том, что применение дополнительных специальных последствий злоупотребления гражданскими (корпоративными) правами должно быть в силу прямого указания в ст. 10 ГК РФ прямо предусмотрено в соответствующих положениях законов. В отсутствие указанных

положений применение дополнительных, не предусмотренных ст. 10 ГК РФ последствий злоупотребления корпоративными правами недопустимо.

Убеждены, что добросовестность – важное требование российского законодательства, которое преломляется в различных сферах правовой реальности – семейно-правовой, гражданско-правовой, корпоративной и др. Как указывается в науке, она, возможно, и заслуживает прямого закрепления в законе в виде обязанности всех субъектов семейного правоотношения действовать добросовестно [8, с. 3].

С целью предотвращения возможных злоупотреблений должником – хозяйственным обществом (ООО) совместно с недобросовестными кредиторами (все это может иметь место в рамках семейной бизнес-компании), например, посредством заключения сделок, направленных на вывод активов должника – члена семьи, которые поступили в конкурсную массу, на «своего» кредитора, судам следует в процессе определения очередности погашения требований кредиторов принимать во внимание как дату заключения договоров (возникновения денежных обязательств), так и дату фактического исполнения договорных обязательств (оказания услуг, выполнения работ и пр.).

Например, в случае подтверждения факта существенного временного разрыва между датами фактического выполнения работ и подписания акта сдачи работы или существенного отличия срока оплаты по договору от «обычного» срока, предусмотренного для данного вида договоров и в других договорах конкретного юридического лица, являющегося должником, следует квалифицировать подобное требование кредитора в качестве реестрового требования независимо от даты подписания актов КС-2, КС-3.

Сегодня возможны ситуации, при которых в то время, как одни кредиторы обращаются с соответствующим иском в суд, другим («своим» кредиторам в рамках общей семьи) удовлетворяют их требования, либо юридические лица (должники) успевают иначе распорядиться активами, в результате чего к моменту возбуждения конкретного дела о несостоятельности юридического лица имущества у него может не остаться, или процедура банкротства будет уже инициирована другим «своим» кредитором.

Помимо этого преимуществом подачи заявления о признании юридического лица банкротом «своим» кредитором выступает тот факт, что в этом случае не подлежат выявлению признаки преднамеренного и фиктивного банкротства, поскольку для проведения временным управляющим анализа деятельности юридического лица, являющегося должником, на предмет преднамеренного или фиктивного банкротства необходимо, чтобы заявление о признании должника банкротом было подано непосредственно должником [25, п. 11].

Целесообразно утверждение порядка рассмотрения данного вопроса непосредственно в Постановлении Пленума ВАС РФ № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» [26] или постановлении Пленума ВС РФ.

Как обоснованно указывает в доктрине Л. В. Щенникова, «основополагающими сегодня в развитии семейных отношений должны являться ценности самого брака, созданной на его основе семьи, а также благосостояния рожденных в ней детей, причем как духовного, так и материального» [27, с. 4].

Заключение

С целью решения проблемы заключения сделок, направленных на создание должником – хозяйственным обществом и недобросовестными кредиторами кредиторской задолженности искусственным путем, представляется целесообразным легальное закрепление в нормах Закона о банкротстве и разъяснениях Верховного Суда РФ обстоятельств, свидетельствующих о фиктивности сделки и формировании искусственной задолженности в рамках возникновения задолженности юридического лица, являющегося должником.

Следует отметить развитие положительных тенденций, направленных на защиту имущественных прав супругов, осуществляющих предпринимательскую деятельность в рамках семейной корпорации. При решении вопросов о разделе бизнеса, дроблении корпорации супругов суды традиционно исходят из того, что разнообразные корпоративные активы, имущество предпринимательского назначения, обязательства, возникшие из предпринимательской деятельности супругов, рассматриваются не как единый комплекс – бизнес супругов, а как самостоятельные, не связанные между собой объекты, подлежащие разделу [6, с. 13]. Думается, что имущество подобного рода должно рассматриваться как единый совокупный объем имущества (целостный имущественный актив), не подлежащий дроблению на составные части. Только такой подход позволит дистанцировать бизнес от семейно-правовых споров супругов и стабилизировать его, обеспечить функционирование корпорации, так как в противном случае существует высокая вероятность того, что бизнес супругов не переживет такой раздел имущества и корпоративная организация прекратит существование.

Считаем оправданным и объективно необходимым развитие семейных корпоративных отношений в русле реализации традиционных семейных ценностей на основе нравственно-правовых предписаний через призму добросовестности, что обеспечит защиту корпоративных прав. Такого рода тенденция развития законодательства и практики корпоративного оборота имеет базовое значение и направлена на защиту имущественных прав супругов, других членов семьи, осуществляющих предпринимательскую деятельность, способствует становлению семейных ценностей в рамках бизнеса и делового оборота, обеспечивая баланс частных и публичных интересов.

Пристатейный библиографический список

1. *Летова Н. В.* Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики : монография. М. : Проспект, 2018.
2. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.
3. Открытие Года семьи в России // Администрация Президента Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73297> (дата обращения: 15.09.2024).

4. *Кашкина Е. В.* Уголовно-правовая охрана «крепкой семьи» как элемента традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Российский судья. 2024. № 5.

5. *Пермиловский М. С.* Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11.

6. *Левушкин А. Н.* Проблемы применения прав супругов при осуществлении предпринимательской деятельности // Семейное и жилищное право. 2021. № 2.

7. *Воронцова Н. Л.* Нравственные ценности в образовании: правовые и организационные аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 9.

8. *Астапова Т. Ю.* Традиционные семейные ценности как направление совершенствования семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2023. № 3.

9. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

10. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

11. *Мохов А. А.* Государственная политика в сфере культуры, направленная на обеспечение сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей: правовой взгляд // Современное право. 2024. № 6.

12. *Илюшина М. Н.* О значении наличия функций платежного агента маркетплейса для механизма правового регулирования его деятельности и определения его статуса как агрегатора // Банковское право. 2024. № 1.

13. *Левушкин А. Н.* Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8.

14. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2.

15. *Левушкин А. Н.* Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4.

16. *Илюшина М. Н.* Особенности осуществления перехода прав супругов на долю в ООО: позиции законодательства и судебной практики // Семейный бизнес & качество правовой среды : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2023.

17. Определение Верховного Суда РФ от 28 августа 2023 г. № 305-ЭС22-28611 по делу № А40-260466/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

18. *Илюшина М. Н.* Переход прав на долю в ООО: современное состояние системы оснований и опосредующих механизмов // Предпринимательское право. 2023. № 4.

19. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 декабря 2011 г. № 10590/11 по делу № А40-3958/10-62-51 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 4.
20. Лотфуллин Р. К. Оспаривание сделок при банкротстве. М., 2019.
21. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25 августа 2008 г. № Ф08-4984/2008 по делу № А53-20999/2007-С1-36 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 26 января 2007 г. по делу № А57-10213/06-25 // СПС «КонсультантПлюс».
23. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 ноября 2011 г. № 17912/09 по делу № А54-5153/2008/С16 // СПС «КонсультантПлюс».
24. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
25. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // СЗ РФ. 2004. № 52 (ч. II). Ст. 5519.
26. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.
27. Щенникова Л. В. Наследственное право на службе охраны традиционных семейных ценностей // Наследственное право. 2023. № 1.

References

1. Letova N. V. Family Status of a Child: Problems of Theory and Practice: Monograph. Moscow: Prospekt, 2018. (In Russ.)
2. Order of the Government of the Russian Federation of August 25, 2014 No. 1618-R "On Approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the Period up to 2025". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 35, art. 4811. (In Russ.)
3. Opening of the Year of the Family in Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73297> (date of the application: 15.09.2024). (In Russ.)
4. Kashkina E. V. Criminal-Legal Protection of a "Strong Family" as an Element of Traditional Russian Spiritual and Moral Values. *Russian Judge*, 2024, no. 5. (In Russ.)
5. Permillovskii M. S. Traditional Russian Spiritual and Moral Values and Russian Constitutional Values: Dogmatic Relationship. *State Power and Local Self-Government*, 2023, no. 11. (In Russ.)
6. Levushkin A. N. Problems of Applying the Rights of Spouses in the Implementation of Entrepreneurial Activities. *Family and Housing Law*, 2021, no. 2. (In Russ.)
7. Vorontsova N. L. Moral Values in Education: Legal and Organizational Aspects. *State Power and Local Self-Government*, 2023, no. 9. (In Russ.)
8. Astapova T. Iu. Traditional Family Values as a Direction for Improving Family Legislation. *Family and Housing Law*, 2023, no. 3. (In Russ.)

9. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 46, art. 7977.

10. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part II), art. 5351. (In Russ.)

11. Mokhov A. A. State Policy in the Sphere of Culture Aimed At Ensuring the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Legal View. *Modern Law*, 2024, no. 6. (In Russ.)

12. Iliushina M. N. On the Importance of the Functions of a Marketplace Payment Agent for the Mechanism of Legal Regulation of Its Activities and Determining its Status as an Aggregator. *Banking Law*, 2024, no. 1. (In Russ.)

13. Levushkin A. N. The Concept of Legitimizing Family Entrepreneurship Through the Prism of Private and Public Law Regulation. *Actual Problems of Russian Law*, 2023, no. 8. (In Russ.)

14. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation Dated November 25, 2008 No. 127 "Review of the Practice of Applying Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation by Arbitration Courts". *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2009, no. 2. (In Russ.)

15. Levushkin A. N. Family Spousal Entrepreneurship and Sale of Spouses' Business Under the Legislation of the Russian Federation. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2018, no. 4. (In Russ.)

16. Iliushina M. N. Features of the Transfer of Spouses' Rights to a Share in an LLC: Positions of Legislation and Judicial Practice. In Ershova I. V., Levushkin A. N. (eds.). *Family Business & Quality of the Legal Environment: Monograph*. Moscow: Prospekt, 2023. (In Russ.)

17. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of August 28, 2023 No. 305-ES22-28611 in case No. A40-260466/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

18. Iliushina M. N. Transfer of Rights to a Share in an LLC: The Current State of the System of Grounds and Mediating Mechanisms. *Business Law*, 2023, no. 4. (In Russ.)

19. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 13, 2011 No. 10590/11 in case No. A40-3958/10-62-51. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2012, no. 4. (In Russ.)

20. Lotfullin R. K. *Challenging Transactions in Bankruptcy*. Moscow, 2019. (In Russ.)

21. Resolution of the Federal Arbitration Court of the North Caucasus District of August 25, 2008 No. F08-4984/2008 in case No. A53-20999/2007-C1-36 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

22. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Volga District of January 26, 2007 in case No. A57-10213/06-25 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

23. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of November 22, 2011 No. 17912/09 in case No. A54-5153/2008/C16 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

24. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)

25. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 27, 2004 No. 855 "On Approval of the Temporary Rules for the Verification by the Arbitration Manager of the Presence of Signs of Fictitious and Intentional Bankruptcy". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2004, no. 52 (part II), art. 5519. (In Russ.)

26. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 23, 2010 No. 63 "On Certain Issues Related to the Application of Chapter III.1 of the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)'". *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2011, no. 3. (In Russ.)

27. Shchennikova L. V. Inheritance Law in the Service of Protecting Traditional Family Values. *Inheritance Law*, 2023, no. 1. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. Н. Левушкин – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

A. N. Levushkin – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 02.12.2024; approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 343.535

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-90-102>

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИММУНИТЕТА ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ ДОЛЖНИКА В РАМКАХ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА

Юрий Александрович Тарасов¹

Виктория Романовна Бабенкова²

Мария Игоревна Брусенцева³

^{1,2,3} Юго-Западный государственный университет, 305040, Россия,
г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

¹ tarasovkursk@rambler.ru

² viktoria.babenkowa@yandex.ru

³ mari.kryukova.2002@mail.ru

Аннотация

В условиях экономической дестабилизации и роста числа процедур банкротств физических лиц вопрос защиты единственного жилья должника становится особенно важным. Сохранение иммунитета единственного жилья актуально не только с точки зрения социальной справедливости, но и в контексте правовой стабильности и защиты интересов граждан. Цель данной работы заключается в анализе правовых механизмов, обеспечивающих иммунитет единственного жилья должника в процессе банкротства, а также выявлении проблем и противоречий, возникающих в этой области. Исследование основано на комплексном подходе, включающем анализ действующего законодательства, судебной практики и научных публикаций. В работе были реализованы общенаучные методы, в частности методы диалектики, анализа, синтеза и сравнения, а также частнонаучные методы: догматико-юридический, системно-правовой. Авторами выделяются основные проблемы, касающиеся неопределенности судебной практики в определении статуса жилья и противоречий между интересами кредиторов и должников. Новизна статьи заключается в комплексном подходе к анализу правоприменительной практики и предложении рекомендаций по совершенствованию законодательства, направленных на укрепление правовой защиты кредиторов.

Ключевые слова: процедура банкротства; должник; кредиторы; имущество; жилое помещение; исполнительский иммунитет; критерии; экономическая экспертиза.

Для цитирования: Тарасов Ю. А., Бабенкова В. Р., Брусенцева М. И. Проблемные аспекты иммунитета единственного жилья должника в рамках процедуры банкротства // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 90–102. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-90-102>

Research Article

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE IMMUNITY OF THE DEBTOR'S SOLE DWELLING IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Yuri A. Tarasov¹

Victoria R. Babenkova²

Maria I. Brusentseva³

^{1,2,3} Southwest State University, 94 50 let Oktiabria St., Kursk, 305040, Russia

¹ tarasovkursk@rambler.ru

² viktoria.babenkova@yandex.ru

³ mari.kryukova.2002@mail.ru

Abstract

In the context of economic destabilization and the growing number of bankruptcy procedures for individuals, the issue of protecting the debtor's only home is becoming especially important. The preservation of the immunity of a single dwelling is relevant not only from the point of view of social justice, but also in the context of legal stability and protection of the interests of citizens. The purpose of this work is to analyze the legal mechanisms that ensure the immunity of the debtor's sole residence in the bankruptcy process, as well as to identify problems and contradictions that arise in this area. The research is based on an integrated approach, including an analysis of current legislation, judicial practice and scientific publications. General scientific methods have been applied, in particular the method of dialectics, analysis, synthesis and comparison, as well as private scientific methods: dogmatic-legal, systemic-legal. The authors highlight the main problems concerning the uncertainty of judicial practice in determining the status of housing and the contradictions between the interests of creditors

and debtors. The novelty of the article lies in an integrated approach to the analysis of law enforcement practice and the proposal of recommendations for improving legislation aimed at strengthening the legal protection of creditors.

Keywords: bankruptcy procedure; debtor; creditors; property; residential premises; executive immunity; criteria; economic expertise.

For citation: Tarasov Yu. A., Babenkova V. R., Brusentseva M. I. Problematic Aspects of the Immunity of the Debtor's Sole Dwelling in Bankruptcy Proceedings. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 1, pp. 90–102. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-90-102>

Введение

Механизм банкротства в Российской Федерации представляет собой сложный процесс, который требует внимательного подхода со стороны всех участников. Он предназначен для восстановления платежеспособности должников и защиты интересов кредиторов, а также направлен на восстановление экономической стабильности в стране. С учетом динамики экономической ситуации и изменений в законодательстве банкротство остается актуальной темой для обсуждения и дальнейшего совершенствования. Регулирование порядка процедуры банкротства в Российской Федерации в современных реалиях регламентировано Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

1. Иммунитет единственного жилья в рамках реализации имущества должника в процедуре банкротства

Процедура банкротства в Российской Федерации включает несколько этапов, одним из которых является реализация имущества должника. Этот процесс осуществляется для удовлетворения требований кредиторов и может включать как ликвидацию активов, так и продажу имущества через аукцион. Однако законодательство также защищает интересы должников, особенно в отношении их единственного жилья. Согласно Закону о банкротстве имущество должника подлежит оценке и реализации для покрытия долгов. Важно отметить, что не все активы могут быть проданы. Закон устанавливает определенные исключения, среди которых особое место занимает единственное жилье должника. Это положение направлено на защиту прав граждан, обеспечивая им минимальные условия для проживания.

Иммунитет единственного жилья означает, что если у должника нет другого жилья, то его основное место жительства не может быть продано в рамках процедуры банкротства. Это правило призвано предотвратить социальные последствия, которые могут возникнуть в результате лишения человека крыши над головой. Тем не менее для получения этой защиты должник должен представить доказательства того, что данное жилье является единственным и необходимым для его жизни. Названный институт в рамках процедуры банкротства представляет собой важный

правовой механизм, направленный на защиту граждан, оказавшихся в финансовом затруднении. Однако данная тема имеет ряд проблемных аспектов, которые требуют внимания. В действительности существуют риски злоупотреблений механизмами банкротства, включая попытки скрыть активы, имущество, которое может пополнить конкурсную массу, в связи с чем изучение данного вопроса приобретает особую важность. Более того, статистические данные подтверждают факт увеличения споров, связанных с реализацией имущества должника, защищенного исполнительским иммунитетом. Так, согласно данным Четвертого арбитражного апелляционного суда только с 1 января по 31 октября 2023 г. судами было рассмотрено 475 судебных актов по делам о несостоятельности (банкротстве) физических лиц, в рамках которых в 23 делах разрешался вопрос о реализации единственного жилья должника, защищенного исполнительским иммунитетом. Количество разрешения подобных споров постепенно увеличивается с каждым годом: так, в 2021 г. рассматривалось 12 споров, а в 2022 г. – 20 [1].

2. Проблемные аспекты института иммунитета единственного жилья должника в процедуре банкротства

Как известно, в отношении единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения, не обремененного ипотекой (далее – единственное жилье), действует исполнительский иммунитет. Данный институт подразумевает под собой, что у лица, в отношении которого ведется процедура банкротства, единственное жилье не может быть включено в конкурсную массу в процессе его реализации (п. 3 ст. 213.25 Закона о банкротстве). Так, непосредственно ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) устанавливает исчерпывающий перечень имущества гражданина, на которое не может быть обращено взыскание.

Одной из основных проблем данного института является неопределенность критериев, по которым определяется статус «единственного жилья». Вопросы о том, что считать единственным жильем, могут вызывать разночтения: достаточно ли наличия только одного объекта недвижимости или же необходимо учитывать и другие факторы, такие как его площадь, местоположение и условия проживания? Ведь единственное жилье должника может явно превышать, например, метраж общей жилой площади жилого помещения на одного человека. Считаем, что под единственным жильем должника следует понимать изолированное жилое помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания гражданина и (или) его семьи, который не имеет других объектов недвижимости, предназначенных для постоянного проживания, и зарегистрирован в нем.

Вопрос об исполнительском иммунитете единственного жилья должника рассматривал Конституционный Суд РФ (постановление от 14 мая 2012 г. № 11-П) [2]. В результате изучения данного вопроса Судом был признан факт наличия проблематики, в частности недостаточности урегулирования данного института в рамках ст. 446 ГПК РФ. Тем самым Конституционный Суд обязал детализировать законодательные положения в той части, когда «объект недвижимости явно превышает уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище». Однако в современных реалиях данная проблема законодателем не решена.

Современная правоприменительная практика подтверждает тот факт, что вышшие судебные инстанции не исключают возможность включения единственного жилья должника в конкурсную массу при формальном подходе к понятию исполнительского иммунитета. Но на текущий момент нет единообразной практики по реализации чрезмерно дорогостоящего единственного жилья должника.

Так, Верховный Суд РФ при рассмотрении проблематики института исполнительского иммунитета отдельно отметил, что «затрудняется дать ответ, как обратиться взыскание на чрезмерные по своей площади и стоимости жилые помещения» [3]. Тем не менее вполне логично, что чрезмерно дорогое жилье можно и нужно реализовывать в ходе процедуры банкротства, ведь именно таким образом можно достичь баланса в части удовлетворения требований кредиторов. Поэтому в практике не исключены случаи, когда на рассмотрение суда ставится вопрос о приобретении замещающего жилья, меньшего по площади и стоимости, в которое впоследствии будет переселен должник. В свою очередь дорогостоящее жилье пойдет под реализацию в рамках процедуры банкротства. Так, Арбитражный суд Уральского округа указал на возможность такого подхода в рамках реализации имущества должника. Должник в рамках дела о банкротстве обратился в суд с ходатайством об исключении из конкурсной массы двухуровневой пятикомнатной квартиры площадью более 140 кв. м. Суды первой и апелляционной инстанций с необходимостью исключения согласились. Но кассация их не поддержала и направила дело на новое рассмотрение [4–7].

При этом отдельно стоит отметить, что и такой способ реализации имущества должника не имеет однозначной позиции у судов. Не исключена судебная практика и положительными итогами при подобной реализации имущества должника. Однако обратная сторона демонстрирует нам существующие мнения суда о характеристике подобной процедуры как «неправомерной, так как она нарушает конституционные права гражданина на жилище» [8]. Так, отсутствие единообразных precedентов может приводить к различным решениям в похожих делах.

Вследствие законодательных недоработок института иммунитета единственного жилья должника в процедуре банкротства также существуют проблемы для кредиторов, которые могут столкнуться с ситуацией, когда их требования не могут быть удовлетворены из-за защиты имущества должника. Это может привести к снижению уровня доверия к системе банкротства и увеличению финансовых рисков для кредиторов.

Изучая вопрос исполнительского иммунитета единственного жилья должника в рамках законодательства других государств, можно прийти к выводу о наличии также неоднозначности к его реализации на практике. Например, в некоторых странах Европы от применения данного института вовсе отказались (Испания, Италия) [9]. При этом в рамках отдельных государств данный институт имеет место, однако с существенными ограничениями, «выражаемыми в изъятии жилого помещения в пользу кредиторов с правом должника на пожизненное проживание в нем или переселение в жилое помещение по договору социального найма» [10, с. 86].

Если анализировать в данном аспекте законодательство США, то для института исполнительского иммунитета характерно понятие «*homestead exemption*» –

определенный порог, формируемый в зависимости от конкретного штата и муниципалитета, при котором единственное жилье не может быть изъято у должника, если оно по стоимости не превышает данный порог. Например, в штате Нью-Йорк этот порог достигает примерно 170 тыс. долл. При этом каждый конкретный случай индивидуализируется: так, если процедура банкротства коснулась супружеской пары, то допустимый размер порога увеличивается вдвое [11]. В Китае и вовсе нет института исполнительского иммунитета, касающегося единственного жилья. Это определяет российское правовое поле как гибкое и лояльное наряду с зарубежным. Таким образом, суды в России имеют полную автономию в вопросе определения наличия или отсутствия исполнительского иммунитета, что позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства каждого дела.

Тем не менее отсутствие четких критериев и ограничений в исполнительском иммунитете в процедуре банкротства повышает риск злоупотреблений со стороны должников. Это может привести к недобросовестным действиям и осложнить процесс банкротства для кредиторов.

Так, А. В. Саленко, А. В. Косс, Т. А. Навагина считают, что ограничения, которые предписывает норма ст. 446 ГПК РФ, вовсе порождает благоприятные условия для злоупотреблений должниками. Правоприменители полагают: «Злоупотребления выражаются в том, что в силу невозможности наложения взыскания на объекты его собственности в силу исполнительского иммунитета лицо может осуществить вклад неосновательно накопленных денежных средств в дорогостоящее жилое помещение, являющееся у него единственным, на которое не может быть наложено взыскание, даже если его размер и стоимость выходят за пределы разумного» [12, с. 457].

На практике довольно широко известны случаи неких «хитростей» должников, которые помогают им сохранить исполнительский иммунитет в отношении объекта недвижимости. Так, в ходе процедуры банкротства в суд было подано ходатайство с инициативой продажи двух принадлежащих должнику квартир с целью их последующей реализации в конкурсную массу, которые в результате перепланировки и переустройства были объединены в единое жилое помещение, однако в качестве единого объекта не зарегистрированы. Отдельно стоит отметить, что данные махинации были осуществлены должником после возбуждения производства по делу о банкротстве. В свою очередь должник выразил возражения в отношении предложенной инициативы, аргументируя тот факт, что фактически квартиры являются единым объектом недвижимости. Требования финансового управляющего были удовлетворены судами первой и апелляционной инстанций, однако суд округа со ссылкой на ст. 213.25 Закона о банкротстве и ст. 446 ГПК РФ исходил из «наличия иммунитета по отношению к объединенным квартирам как единственному пригодному для проживания должника и его семьи жилью» и отменил нижестоящие судебные акты. В конечном счете нижестоящие акты были отменены Верховным Судом, и дело было направлено на новое рассмотрение [13].

Подобные ситуации на практике не являются исключением. Отсутствие четких критериев единственного пригодного для проживания должника жилья в законодательстве и единой выработанной судебной практики является следствием того,

что столь распространенные вопросы приходится разрешать на уровне Верховного Суда РФ. При этом нередки случаи, когда должники могут пытаться скрыть наличие другого жилья или манипулировать данными о своих активах и другими самыми различными способами.

3. Единственное жилье должника: проблемы, вызовы и возможные решения

В процессе банкротства вопрос определения пределов роскошного жилья становится все более актуальным и сложным. Размытые границы между обычным и роскошным жильем создают трудности как для должников, так и для кредиторов, затрудняя процесс оценки активов и их последующей реализации. Отсутствие четких критериев приводит к правовым спорам и неопределенности, что подчеркивает необходимость разработки ясных и универсальных стандартов для классификации недвижимости в контексте банкротства. Решение этой проблемы не только упростит процедуру, но и обеспечит более справедливое распределение активов среди заинтересованных сторон.

Верховный Суд РФ в постановлении от 25 декабря 2018 г. № 48 высказался на этот счет следующим образом: «При наличии у должника нескольких жилых помещений, принадлежащих ему на праве собственности, помещение, в отношении которого предоставляется исполнительский иммунитет, определяется судом, рассматривающим дело о банкротстве, исходя из необходимости как удовлетворения требований кредиторов, так и защиты конституционного права на жилище самого гражданина-должника и членов его семьи, в том числе находящихся на его иждивении несовершеннолетних, престарелых, инвалидов, обеспечения указанным лицам нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав» [14].

Однако, несмотря на наличие данных разъяснений, ситуация при разрешении подобных вопросов существенно не изменилась.

Настоящим рывком для преодоления вышеуказанной проблемы стало постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П [15]. Суд обозначил важный принцип, касающийся прав кредиторов и защиты должников, заключающийся в том, что в случаях признания жилья отвечающим критериям роскошности на него может быть наложено взыскание, даже при том условии, что оно является единственным жилым помещением должника. Это решение стало значимым шагом в правоприменительной практике, поскольку открыло возможность для судебных инстанций определять разумные исключения из общего правила об исполнительском иммунитете, не являющемся по своей сути безусловным. Таким образом, Конституционный Суд РФ подчеркнул важность баланса между правами должника и интересами кредиторов, что требует индивидуального подхода к каждому случаю. Стало понятно, что само по себе единственное жилье должника вовсе не исключает обращения на него взыскания, при условии предоставления так называемого замещающего жилого помещения.

Однако был сделан важный акцент на соблюдении следующих правил: ограничение должно служить именно погашению задолженности, а не являться мерой

карательного характера; в случае отсутствия добровольного согласия сторон принуждение гражданина-должника к изменению места жительства, а также лишение его необходимого жилья в данном поселении, площадью не менее установленной органами местного самоуправления, является недопустимым [16, с. 245].

Стоит отметить, что такая инициатива Конституционного Суда РФ действительно отвечает реалиям для разрешения спорных случаев в делах по банкротству физических лиц. Тем не менее в свете принятия данного Постановления необходимо учитывать, что защита прав должников должна сочетаться с возможностью кредиторов реализовать свои законные требования, поскольку ни один нормативно-правовой акт не регламентирует четкие критерии роскошного и замещающего жилого помещения, а также не установлен порядок и процесс обмена такими помещениями.

В связи с этим следует поддержать позицию М. Ю. Бутневой, Д. С. Иванова о необходимости нормативного закрепления дефиниции «роскошного жилья», чтобы избежать произвольного толкования [17, с. 82]. Но для того, чтобы ввести в терминологический оборот данное понятие, важно четко определить его критерии.

Так, стоит согласиться с мнением Е. Н. Кузнецова о том, что по-прежнему видится актуальным вопрос о разработке четких критериев для определения жилья, которое можно считать роскошным для включения его в конкурсную массу, с учетом региональных социальных норм и минимальной площади жилья на человека [18]. Так, законодательство в области жилищного права предписывает, что «учетная норма устанавливается только органом местного самоуправления, а ее размер не должен превышать размер нормы предоставления» (ст. 50 Жилищного кодекса РФ). Согласно решению представительного собрания Курского района Курской области № 14-3-108 «О норме предоставления и учетной норме площади жилого помещения» учетная норма составляет 12 кв. м на одного человека [19]. Согласно ст. 3 Закона Санкт-Петербурга «О порядке ведения учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях и предоставлении жилых помещений по договорам социального найма в Санкт-Петербурге» учетная норма площади жилого помещения на одного человека в Санкт-Петербурге составляет 9 кв. м общей площади жилого помещения для проживающих в отдельных квартирах и жилых домах и 15 кв. м общей площади жилого помещения для проживающих в коммунальных квартирах. Таким образом, можно заметить специфику определения площади жилья и применения норм расчета квадратных метров в каждом субъекте Российской Федерации [20, с. 36]. Соответственно, при разрешении вопроса о том, является ли то или иное помещением роскошным, необходимо учитывать такие особенности, опираясь на региональные акты, чтобы обеспечить законные права граждан. Учет данной специфики также позволит избежать правовых коллизий и повысить прозрачность в сфере жилищного обеспечения, что в свою очередь будет способствовать улучшению качества жизни граждан и укреплению уровня их доверия к правовым институтам.

Также, по мнению авторов, взгляд К. М. Орлова о закреплении критериев размера жилой площади и ее стоимости для ограничения роскошного жилья представляется верным, поскольку такое помещение должно представлять собой избы-

точную площадь и (или) высокую стоимость [21]. Считаем, что еще одним важным критерием может стать учет статуса недвижимости как объекта культурного наследия, поскольку зачастую стоимость даже небольшой площади жилого помещения в таком объекте значительно превышает стоимость более просторного жилья в стандартном жилом комплексе.

Таким образом, именно на судебные инстанции в рамках процедуры банкротства следует установить обязанность по выявлению в жилом помещении, являющемся единственным жильем должника, признаков «роскошного». В то же время в ходе судебного разбирательства взыскатели или кредиторы могут подать заявление в суд об обращении взыскания на жилое помещение, обладающее «иммунитетом». При отсутствии возражений со стороны кредитора и должника кредитору будет предоставлена возможность поиска подходящего замещающего жилья для должника. Обратно, в случае несогласия одной из сторон спора относительно определения суда о лишении исполнительского иммунитета авторы предлагают предоставить участникам спора право ходатайствовать о проведении экономической экспертизы для установления необходимых фактов в целях соблюдения прав и интересов сторон. Так, по мнению О. В. Жевняк, Н. В. Городновой, такие «аспекты, на которые обращает внимание КС РФ, как оценка рыночной стоимости, необходимость учета соотношения рыночной стоимости жилого помещения с величиной долга, погашение которого в существенной части могло бы обеспечить обращение взыскания на жилое помещение, перспективы и гарантии обеспечения гражданину-должнику и членам его семьи возможности реализации права на жилище без посягательств на достоинство этих лиц, могут устанавливаться с помощью экономических познаний» [22, с. 356]. В свою очередь расходы по оплате судебной экспертизы будут возмещаться по общему правилу согласно ст. 96 и 98 ГПК РФ.

Заключение

Таким образом, иммунитет единственного жилья должника в рамках процедуры банкротства представляет собой сложный и многогранный вопрос. С одной стороны, он обеспечивает защиту прав граждан и минимальные условия для жизни; с другой – создает ряд проблем и рисков как для самих должников, так и для кредиторов. Для эффективного функционирования института банкротства необходимо дальнейшее совершенствование законодательства и практики применения норм, касающихся защиты единственного жилья. В частности, неопределенность критериев определения статуса единственного жилья в процедуре банкротства требует более четкой регламентации и практической унификации. Так, критериями для определения, является ли жилье единственным, могут стать следующие аспекты:

- 1) отсутствие других объектов недвижимости;
- 2) основное место проживания;
- 3) регистрация по месту жительства;
- 4) целевое назначение;
- 5) пригодность для проживания.

Также авторы видят объективную необходимость во внесении в ст. 2 Закона о банкротстве дефиниции «роскошного жилого помещения». Предлагаем следу-

ющее определение: под роскошным жилым помещением в рамках процедуры банкротства физического лица следует понимать «недвижимость, отличающуюся высокой стоимостью и существенно превосходящую уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище, согласно установленным органом местного самоуправления нормам». Также видится важным выделение критериев для признания судебными инстанциями таких помещений роскошными. Ограничением может послужить:

- 1) размер рыночной стоимости недвижимости в каждом конкретном субъекте Российской Федерации;
- 2) размер (избыточность) жилой площади жилого помещения на одного проживающего в нем человека;
- 3) вид и статус недвижимости.

Таким образом, закрепление дефиниции «роскошного жилого помещения» и ее дальнейшее применение в правоприменительной практике позволят сбалансировать интересы всех сторон и повысить эффективность процедуры банкротства в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Справка о результатах обобщения судебной практики по спорам об обращении взыскания на единственное жилье должника-банкрота // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 января 2020 г. № 308-ЭС19-18381 по делу № А53-31352/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29 мая 2020 г. по делу № А60-56649/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 сентября 2019 г. по делу № А27-19579/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22 января 2019 г. по делу № А60-56649/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 25 ноября 2019 г. по делу № А41-98549/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 января 2021 г. № 309-ЭС20-15448 по делу № А50-34786/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Саликов М. Шаг к светлому будущему. Комментарий к постановлению Конституционного суда № 15-П от 26.04.2021 // Zakon.ru : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/28/shag_k_svetlomu_buduschemu_kommentarij_k_postanovleniyu_konstitucionnogo_suda_15-p_ot_26042021 (дата обращения: 10.10.2024).

10. *Грейт В. В., Бабилова М. Д., Хабибуллаев У. Б. У.* Иммуитет единственного жилья в свете принятия постановления Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П // Юридическая наука. 2021. № 5.

11. Chapter 7 Bankruptcy in New York: What You Need to Know // National Bankruptcy Forum : сайт. URL: <https://www.natlbankruptcy.com/bankruptcy-big-apple-everything-need-know/> (дата обращения: 06.10.2024).

12. *Саленко А. В., Косс А. В., Навагина Т. А.* Конституционный Суд Российской Федерации: защитник ипотечных банков или гарант социального государства? // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский ; науч. ред. Г. А. Гаджиев ; рук. проекта и сост. П. Д. Баренбойм. М. : ЛУМ, 2019.

13. Определение Верховного Суда РФ от 28 января 2021 г. № 309-ЭС20-15448 на постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 июня 2020 г. по делу № А50-34786/2017 Арбитражного суда Пермского края // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» // СПС «КонсультантПлюс».

16. *Головушкина Н. В.* Пределы имущественного (исполнительского) иммунитета единственного жилья: от роскошности к минимальным стандартам обеспечения // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. № 3 (102).

17. *Бутнева М. Ю., Иванов Д. С.* Проблема определения пределов исполнительского иммунитета по делам о несостоятельности (банкротстве) физических лиц в отношении единственного пригодного для проживания жилья должника // Проблемы гражданского права и процесса. 2021. № 11.

19. *Кузнецов Е. Н.* Иммуитет от взыскания в отношении определенных видов имущества должника (сравнительно-правовой анализ на основе законодательства России и Франции) // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 4.

19. Решение Представительного Собрания Курского района Курской области от 31 марта 2016 г. № 14-3-108 «О норме предоставления и учетной норме площади жилого помещения» // СПС «Гарант».

20. *Слабоспицкий А. С., Соловьева Д. А.* Исполнительский иммуитет при банкротстве должника // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 3 (39).

21. *Орлов К. М.* Ограничения исполнительского иммунитета единственного жилья при банкротстве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221).

22. *Жевняк О. В., Городнова Н. В.* Экономическая экспертиза в делах об исполнительском иммунитете на единственное жилое помещение // Российские регионы в фокусе перемен : сборник докладов : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург : УрФУ, 2022.

References

1. Certificate on the Results of Summarizing Judicial Practice in Disputes on Foreclosure on the Only Housing of a Bankrupt Debtor (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 14, 2012 No. 11-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of the Provision of the Second Paragraph of Part One of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Complaints of Citizens F. Kh. Gumerova and Iu. A. Shikunov" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
3. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of January 23, 2020 No. 308-ES19-18381 in case No. A53-31352/2016 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
4. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District of May 29, 2020 in case No. A60-56649/2017 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
5. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of September 11, 2019 in case No. A27-19579/2016 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
6. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District of January 22, 2019 in case No. A60-56649/2017 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
7. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal of November 25, 2019 in case No. A41-98549/2018 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
8. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of January 28, 2021 No. 309-ES20-15448 in case No. A50-34786/2017 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
9. *Salikov M.* Step Towards a Brighter Future. Commentary on the Constitutional Court Resolution No. 15-P of April 26, 2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/28/shag_k_svetlomu_buduschemu_kommentarij_k_postanovleniyu_konstitucionnogo_suda_15-p_ot_26042021 (date of the application: 10.10.2024). (In Russ.)
10. *Greit V. V., Babikova M. D., Khabibullaev U. B. U.* Immunity of the Only Housing in Light of the Adoption of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated April 26, 2021 No. 15-P. *Legal Science*, 2021, no. 5. (In Russ.)
11. Chapter 7 Bankruptcy in New York: What You Need to Know. URL: <https://www.natlbankruptcy.com/bankruptcy-big-apple-everything-need-know/> (date of the application: 06.10.2024). (In Russ.)
12. *Salenko A. V., Koss A. V., Navagina T. A.* The Constitutional Court of the Russian Federation: Protector of Mortgage Banks or Guarantor of the Welfare State? In *Liverovskii A. A., Gadzhiev G. A., Barenboim P. D. (eds.)*. Yearbook of Constitutional Economics. 2019. Moscow: LUM, 2019. (In Russ.)
13. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of January 28, 2021 No. 309-ES20-15448 on the Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of June 25, 2020 in case No. A50-34786/2017 of the Arbitration Court of Perm Krai (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 48 "On Certain Issues Related to the Specifics of the Formation and Distribution of the Bankruptcy Estate in Bankruptcy Cases of Individuals" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2021 No. 15-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of the Provisions of Paragraph Two of Part One of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Paragraph 3 of Article 213.25 of the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)' in Connection with the Complaint of Citizen I. I. Revkov" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

16. Golovushkina N. V. Limits of Property (Executive) Immunity of the Only Housing: From Luxury to Minimum Standards of Provision. *Bulletin of V. N. Tatishchev Volga University*, 2022, no. 3 (102). (In Russ.)

17. Butneva M. Iu., Ivanov D. S. The Problem of Determining the Limits of Executive Immunity in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Individuals in Relation to the Only Habitable Housing of the Debtor. *Problems of Civil Law and Procedure*, 2021, no. 11. (In Russ.)

18. Kuznetsov E. N. Immunity from Collection in Relation to Certain Types of the Debtor's Property (Comparative Legal Analysis Based on the Legislation of Russia and France). *Arbitration and Civil Procedure*, 2001, no. 4. (In Russ.)

19. Decision of the Representative Assembly of the Kursk District of the Kursk Region of March 31, 2016 No. 14-3-108 "On the Standard for the Provision and Accounting Standard of the Area of Residential Premises" (SPS "Garant"). (In Russ.)

20. Slabospitskii A. S., Solovieva D. A. Executive Immunity in case of Bankruptcy of the Debtor. *Bulletin of S. Iu. Witte Moscow University. Series 2: Legal Sciences*, 2023, no. 3 (39). (In Russ.)

21. Orlov K. M. Limitations of Executive Immunity of the Only Housing in Bankruptcy. *Law and State: Theory and Practice*, 2023, no. 5 (221). (In Russ.)

22. Zhevniak O. V., Gorodnova N. V. Economic Examination in cases of Executive Immunity for the Only Residential Premises. In Russian Regions in the Focus of Change: Collection of Reports. In 2 vols. Vol. 1. Yekaterinburg: UrFU, 2022. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Ю. А. Тарасов – кандидат исторических наук.

В. Р. Бабенкова – студентка 1-го курса магистратуры.

М. И. Брусенцева – студентка 1-го курса магистратуры.

Information about the authors:

Yu. A. Tarasov – PhD in History.

V. R. Babenkova – First-Year Master's Student.

M. I. Brusentseva – First-Year Master's Student.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 16.10.2024; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 347.453.1

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-103-109>

ПЛАТА ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК ПОД ОБЪЕКТОМ НЕЗАВЕРШЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Вячеслав Валерьевич Черемухин

Финансовый университет при Правительстве РФ, 125167, Россия,
г. Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2

slava19941994@mail.ru

Аннотация

В случае досрочного расторжения договора аренды с застройщиком на земельном участке зачастую остаются объекты незавершенного строительства. Целью статьи является исследование платы за фактическое занятие земельного участка объектом незавершенного строительства, оставшимся на участке после прекращения аренды с застройщиком. Поставленная цель достигается путем установления правового режима объекта незавершенного строительства, исследования особенностей взимания платы за использование земельных участков под такими объектами. При решении задач используются общенаучные (синтез, системный анализ, аналогия) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. По итогам обобщаются разработанные в доктрине и практике подходы к определению правового режима объекта незавершенного строительства, разрабатываются механизмы взимания платы за фактическое занятие земельного участка объектом незавершенного строительства, а также оценивается возможность взыскания такой платы в судебном порядке.

Ключевые слова: договор аренды; строительство; земельный участок; объект незавершенного строительства; долгострой; неосновательное обогащение.

Для цитирования: Черемухин В. В. Плата за земельный участок под объектом незавершенного строительства // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 103–109. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-103-109>

Research Article

PAYMENT FOR A LAND PLOT UNDER AN OBJECT OF UNFINISHED CONSTRUCTION

Viacheslav V. Cheremukhin

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49/2 Leningradskii Ave., Moscow, 125167, Russia
slava19941994@mail.ru

Abstract

In case of early termination of the lease agreement with the developer, unfinished constructions often remain on the land plot. The purpose of the article is to study the fees for the actual occupation of a land plot by an object of unfinished construction remaining on the site after the termination of the lease with the developer. This goal is achieved by establishing a legal regime for an object under construction, researching the specifics of charging fees for the use of land for such facilities. In solving the above problems, general scientific (synthesis, system analysis, analogy) and special (formal-legal, comparative-legal) methods are used. Based on the results, the approaches developed in doctrine and practice to determining the legal regime of an object under construction are summarized, mechanisms for charging fees for the actual occupation of a land plot by an object of unfinished construction are developed, and the possibility of collecting such fees in court is also assessed.

Keywords: lease agreement; construction; land plot; object of unfinished construction; long-term construction; unjustified enrichment.

For citation: *Cheremukhin V. V. Payment for a Land Plot Under an Object of Unfinished Construction. Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 1, pp. 103–109. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-103-109>

Введение

Вопросу о том, что является объектом незавершенного строительства (объектом недвижимости), а что объектом незавершенного строительства не является (и может расцениваться как некий «набор стройматериалов»), посвящено достаточно большое количество исследований.

Согласно устоявшимся правовым подходам признание строящегося объекта недвижимой вещью по смыслу гражданского законодательства зависит от наличия у такого объекта законченного фундамента или от завершения иных сопоставимых работ по созданию прочной связи возводимого объекта с землей [1, с. 27–28].

Кадастровый учет объекта незавершенного строительства в данном случае является критерием его оборотоспособности как объекта гражданских прав, но не является определяющим признаком для квалификации расположенных на участке строительных конструкций в качестве объекта незавершенного строительства [2, № 6, с. 77–89; № 7, с. 49–59].

Квалификация же этих конструкций как объекта незавершенного строительства особенно важна для определения его дальнейшей судьбы в случае прекращения договора аренды земельного участка до окончания строительства.

Если объект незавершенного строительства является таковым и возведен законно, то его собственник вправе получить земельный участок в аренду на новый срок для завершения строительства.

Но если расположенные на участке строительные конструкции объектом незавершенного строительства не являются, то в случае прекращения договора аренды органы исполнительной власти, распоряжающиеся земельным участком, вправе рассчитывать на освобождение земельного участка от расположенных на нем конструкций, в том числе в судебном порядке [3], на основании положений ст. 622 Гражданского кодекса РФ.

1. Возможность взимания платы за участок под объектом незавершенного строительства в отсутствие договора аренды

Зачастую складывается такая ситуация, когда договор аренды земельного участка прекращен, на участке остается объект незавершенного строительства, но застройщик не предпринимает никаких дальнейших действий по оформлению земельно-правовых отношений для завершения строительства, фактически дальнейшее строительство не ведет.

Возникает вопрос о том, подлежит ли в этот период внесению какая-либо плата за земельный участок, занятый таким неиспользуемым объектом.

По общему правилу [4, ст. 1, ст. 65] использование земель в Российской Федерации является платным. Плата за землю вносится в виде земельного налога, арендной платы или в виде иной платы, установленной земельным законодательством (например, плата за размещение некапитальных объектов, плата по разрешениям на использование земель и т.д.).

Поскольку договорных отношений между застройщиком и публично-правовым образованием нет, в таких случаях речь идет о неосновательном обогащении в размере арендной платы, которая была бы внесена, если бы земельно-правовые отношения были оформлены надлежащим образом.

Само по себе неосновательное обогащение представляет собой механизм компенсации одним лицом необоснованно сбереженного или приобретенного за счет другого лица без законных оснований имущества [5, ст. 1102].

Необходимым условием возникновения обязательств из неосновательного обогащения является приобретение или сбережение имущества в отсутствие правовых оснований, т.е. если приобретение или сбережение имущества одним лицом за счет другого не основано на законе, иных правовых актах, или сделке.

В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ [6] фактическое использование земельного участка в отсутствие оформленных земельно-право-

вых отношений создает на стороне такого пользователя неосновательное обогащение, которое подлежит взысканию по требованию потерпевшего по правилам ст. 1102 Гражданского кодекса РФ.

Размер неосновательного обогащения должен соответствовать плате, которая была бы внесена в случае легального оформления земельно-правовых отношений для соответствующего вида использования земельного участка.

Сам по себе такой способ защиты публичных интересов, как взыскание неосновательного обогащения в размере предполагаемой арендной платы в случаях, когда земельно-правовые отношения не оформлены, не является чем-то новым, судебная практика по данному вопросу сформировалась [7] и является достаточно устойчивой.

Суды традиционно исходят из общих принципов земельного законодательства, в том числе из принципа «платности землепользования», и приходят к выводу о необходимости компенсации правообладателями объектов недвижимости в пользу публичного собственника земельного участка стоимости потенциальной аренды в качестве неосновательного обогащения, как необоснованно сбереженных денежных средств.

Помимо общих принципов земельного законодательства неосновательность сбережения в данном случае обосновывается предусмотренной законом [8, п. 3 ст. 28] обязанностью собственников объектов недвижимости приобрести в собственность или в аренду земельные участки, на которых такие объекты расположены.

Однако в массе такой способ защиты имеет место в отношении собственников завершенных строительством и эксплуатируемых объектов недвижимости, в то время как его применение к простаивающим объектам незавершенного строительства, которые в рассматриваемый период застройщиком непосредственно не используются, является дискуссионным, а судебная практика по данному вопросу находится на этапе формирования.

По таким искам застройщики обычно утверждают, что в отсутствие земельно-правовых отношений продолжать строительство невозможно, а объекты ими не используются, в особенности не используется прилегающая к объекту территория из состава ранее арендованного земельного участка, в связи с чем, по мнению ряда застройщиков, внесение в этот период какой-либо платы за землю не предусмотрено.

Тем не менее возможность взыскания неосновательного обогащения за пользование земельным участком под объектом незавершенного строительства (даже если такой объект просто находится на участке в период отсутствия договора аренды для целей строительства и никак не используется) постепенно подтверждается судами [9].

По смыслу норм гражданского законодательства о неосновательном обогащении, а также исходя из норм и принципов земельного законодательства о платности землепользования фактический пользователь земельного участка считается неосновательно обогатившимся в любом случае, если он не может подтвердить факт внесения какой-либо платы за его использование в предусмотренной законом форме [10].

Верховный Суд РФ в рамках рассмотрения аналогичных дел также неоднократно указывал [11], что возможность или невозможность использования земельного участка для завершения строительства объекта незавершенного строительства не имеет правового значения для рассмотрения спора о внесении платы за фактическое занятие земельного участка данным объектом.

В данном деле Верховный Суд РФ согласился с мнением нижестоящих судов о том, что при наличии факта использования земельного участка, на котором расположен принадлежащий ответчику объект недвижимости (пусть даже это и объект незавершенного строительства), с ответчика подлежит взысканию неосновательное обогащение в размере платы за фактическое использование земельного участка.

Такой подход представляется обоснованным, поскольку участок занят объектом застройщика, каким-либо иным способом использовать земельный участок (передать его кому-либо еще или иным образом вовлечь в хозяйственный оборот) публичный собственник участка не может, а факт ведения или не ведения какой-либо деятельности на объекте уступает по значимости самому по себе факту занятия участка имуществом ответчика.

Кроме того, по общему правилу [12, п. 2 ст. 1102] неосновательное обогащение подлежит уплате независимо от того, по чьей вине или в зависимости от чьей воли земельно-правовые отношения не были оформлены [12].

Таким образом, за земельный участок под объектом незавершенного строительства в любом случае должна вноситься плата.

2. Размер платы за фактическое занятие земельного участка

Размер такой платы при этом, согласно сложившейся судебной практике, определяется исходя из ставок, как если бы объект был построен и функционировал, т.е. максимально приближенно к стоимости фактического занятия участка объектом.

Кроме того, суды преимущественно приходят к выводам о взыскании неосновательного обогащения за весь земельный участок, сформированный и предназначенный для строительства данного объекта, а не только за фактически занятую часть под «пятном застройки», поскольку наличие на участке данного объекта в целом лишает публичного собственника возможности каким-либо иным образом распоряжаться участком и вовлекать его в хозяйственный оборот.

В большинстве случаев суды также отмечают, что ранее предоставленный в аренду участок застройщиком в адрес города не возвращен по акту приема-передачи.

Более того, в ряде случаев, принимая во внимание конструктивные и технологические особенности объекта незавершенного строительства, зачастую весь ранее предоставленный участок огорожен как единая стройплощадка, на которую в целях безопасности отсутствует свободный доступ, и в таком случае доводы застройщиков о необходимости внесения платы только за «пятно застройки» не выдерживают никакой критики [13].

Заключение

Таким образом, по мнению автора, плата за использование земельного участка под объектом незавершенного строительства должна быть внесена застрой-

щиком в любом случае, в том числе и за период отсутствия оформленного договора аренды земельного участка для целей строительства.

При этом размер такой платы определяется судом с учетом всей площади обременяемого таким объектом земельного участка, принимая во внимание характеристики самого земельного участка, а также функциональное назначение строящегося объекта.

Пристатейный библиографический список

1. *Алексеев В. А.* Определение объекта незавершенного строительства как недвижимой вещи // *Гражданское право*. 2018. № 3.
2. *Филина Д. Л.* Сделки с объектами незавершенного строительства // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2022. № 6, 7.
3. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 13 августа 2021 г. по делу № А40-6960/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 22 декабря 1995 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
6. Определение Верховного Суда РФ от 14 ноября 2014 г. № 305-ЭС14-442 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда РФ от 8 ноября 2023 г. № 305-ЭС23-21475 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // *Парламентская газета*. 2002. 26 янв. № 19.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 октября 2023 г. по делу № А40-272215/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 октября 2021 г. по делу № А40-201472/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Верховного Суда РФ от 4 августа 2022 г. № 304-ЭС22-12346 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 марта 2023 г. по делу № А40-882/22 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 октября 2021 г. по делу № А40-201472/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Alekseev V. A.* Definition of an Unfinished Construction Object as an Immovable Thing. *Civil Law*, 2018, no. 3. (In Russ.)
2. *Filina D. L.* Transactions with Unfinished Construction Objects. *Property Relations in the Russian Federation*, 2022, nos. 6, 7. (In Russ.)

3. Decision of the Arbitration Court of Moscow of August 13, 2021 in case No. A40-6960/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
4. Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 No. 136-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 44, art. 4147. (In Russ.)
5. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of December 22, 1995 No. 14-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 5, art. 410. (In Russ.)
6. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of November 14, 2014 No. 305-ES14-442 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
7. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of November 8, 2023 No. 305-ES23-21475 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
8. Federal Law of December 21, 2001 No. 178-FZ "On the Privatization of State and Municipal Property". *Parliamentary Newspaper*, January 26, 2002, no. 19. (In Russ.)
9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of October 16, 2023 in case No. A40-272215/2022 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of October 22, 2021 in case No. A40-201472/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
11. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of August 4, 2022 No. 304-ES22-12346 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
12. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of March 1, 2023 in case No. A40-882/22 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
13. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of October 22, 2021 in case No. A40-201472/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. В. Черемухин – аспирант.

Information about the author:

V. V. Cheremukhin – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 18.12.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 09.12.2024; approved after reviewing 18.12.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-110-123>

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД ПРИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ

Вадим Викторович Антонченко

Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, 690922, Россия,
г. Владивосток, о. Русский Остров, пос. Аякс, д. 27

antovadim@yandex.ru

Аннотация

Актуальность исследования заключается в необходимости поиска научно-обоснованных подходов к процессу наделения поведенческих актов человека признаками преступности и противоправности, лежащему в основании уголовной политики государства. Целью работы является анализ феномена общественной опасности и его роли в криминализации деяний. Методологическую основу исследования составили аксиологический, диалектический и системный методы познания социально-правовых явлений. Концепция общественной опасности деяния, являющаяся сегодня широко признанным основанием криминализации, обладает неустранимым дефектом субъективизма, отрицательно влияющим на качество уголовного закона. Автор делает вывод, что в основе процесса криминализации должно находиться представление законодателя об иерархии защищаемых уголовным правом ценностей, интересов и благ, имеющих универсальный характер. Данные ценности (жизнь, здоровье, свобода человека, а также его имущество), выступающие в качестве охраняемых законом общественных отношений, выражаются через понятие объекта преступления и, в отличие от неопределенного и постоянно расширяющегося круга общественно опасных деяний, конкретны и немногочисленны. Ценностный подход при криминализации деяний должен стать неотъемлемым свойством уголовной политики демократического правового государства.

Ключевые слова: преступление; уголовное право; наказание; криминология; криминализация; общественная опасность; объект преступления; правоприменение.

Для цитирования: Антонченко В. В. Общественная опасность и ценностный подход при криминализации деяний // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 110–123. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-110-123>

Research Article

SOCIAL DANGER AND A VALUE-BASED APPROACH TO CRIMINALIZATION OF ACTS

Vadim V. Antonchenko

Far Eastern Fire and Rescue Academy – Branch of St. Petersburg University
of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 27 Ajax Settlement,
Russian Island, Vladivostok, 690922, Russia
antovadim@yandex.ru

Abstract

The relevance of the study lies in the need to search for scientifically sound approaches to the process of endowing human behavioral acts with signs of criminality and illegality, which underlies the criminal policy of the state. The purpose of the work is to analyze the phenomenon of public danger and its role in criminalizing acts. The methodological basis of the research is based on axiological, dialectical and systematic methods of cognition of socio-legal phenomena. The concept of public danger of an act, which is today a widely recognized basis for criminalization, has an irremediable defect of subjectivism, which negatively affects the quality of criminal law. The author concludes that the basis of the criminalization process should be the legislator's representation of the hierarchy of values, interests and benefits protected by criminal law, which have a universal character. These values (life, health, human freedom, as well as his property), acting as legally protected public relations, are expressed through the concept of the object of crime and, unlike the indefinite and constantly expanding range of socially dangerous acts, are specific and few. A value-based approach to criminalizing acts should become an integral feature of the criminal policy of a democratic State governed by the rule of law.

Keywords: crime; criminal law; punishment; criminology; criminalization; public danger; object of crime; law enforcement.

For citation: *Antonchenko V. V. Social Danger and a Value-Based Approach to Criminalization of Acts. Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 1, pp. 110–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-110-123>

Введение

Криминализация – это процесс признания деяния общественно опасным и преступным, запрещение его под угрозой наказания. Под основанием криминализации понимается совокупность причин криминализации, в концентрированном виде выражающих сущность криминализируемого поведенческого акта и делающих необходимым законодательное установление уголовно-правового запрета [1, с. 140]. А. И. Коробеев, давая ставшее общепризнанным определение криминализации, указывал, что криминализация – это «процесс выявления общественно – опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксация их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых» [2, с. 82]. Пенализацию можно рассматривать отдельным действием законодателя по установлению определенного наказания за признанное преступным деяние, однако, поскольку одновременно с признанием деяния преступным определяется наказание за него, более обоснованным будет считать пенализацию стадией криминализации.

Основания уголовно-правового запрета, процессы криминализации и декриминализации подробно рассматривались А. Д. Антоновым, Я. И. Гилинским, А. Э. Жалинским, А. И. Коробеевым, В. Н. Кудрявцевым, Н. Ф. Кузнецовой, Г. Ю. Лесниковым и Н. А. Лопашенко, А. А. Пионтковским, С. В. Познышевым, Н. Д. Сергеевским, Л. М. Прокументовым, А. А. Тер-Акоповым, В. Д. Филимоновым, А. В. Шеслером и многими другими учеными.

Поскольку основание какого-либо явления – это другое явление (множество явлений), которое стало его причиной, постольку для построения рациональной модели криминализации следует определить ее причины, необходимость и достаточность их наличия для обоснованного и правового (с точки зрения естественно-го права, которое должно лежать в основе права позитивного) установления уголовно-правового запрета. В попытке непротиворечиво объединить все реально существующие причины в единое основание представители классической криминологии сходятся в том, что таким объективно-субъективным основанием, обладающим необходимыми качественными и количественными характеристиками, является общественная опасность деяния. Именно по признаку общественной опасности с точки зрения теории уголовного права и классической криминологии, поддерживаемой большинством ученых, сегодня и осуществляется криминализация поведенческих актов.

1. Научное осмысление феномена общественной опасности деяния

Общественная опасность является внутренним свойством поведенческого акта, она существует независимо от указания на то в законе. Признаком преступления общественная опасность деяния становится только после его легального закрепления [3, с. 172].

По А. А. Пионтковскому, общественная опасность деяния выражается в его противоправности, в несоответствии совершенного нормам советского права. Если общественная опасность в деянии отсутствует, то нет и состава преступления [4, с. 32]. В. Н. Кудрявцев рассматривал общественную опасность как главный признак

деяния, причиняющего существенный вред интересам общества и, таким образом, превращающего его в преступление. Следуя социально-политическому контексту своего времени, ученый говорил о классовом характере права, понятия общественной опасности и самого преступления, выражающих интересы господствующего в данном обществе класса [5, с. 6–7]. В значительной степени данный подход не теряет своей актуальности и в современном мире.

А. А. Тер-Акопов также считал общественную опасность признаком для целей криминализации (декриминализации) деяний. Качественной характеристикой общественной опасности преступления ученый полагал свойства объекта посягательства – нарушенные социальные ценности и интересы; количественной стороной – размер причиненного преступлением вреда. Наступление общественно опасного последствия и реальное причинение вреда являются характеристикой преступления с материальным составом; создание угрозы причинения вреда говорит о формальном составе преступления [6, с. 18–19].

Н. Ф. Кузнецова говорит об общественной опасности как объективно существующем содержательном свойстве преступления, по которому оно отграничивается от непроступных правонарушений и малозначительных деяний, по которому производятся криминализация деяний, категоризация преступлений, привлечение лиц к уголовной ответственности и индивидуализация наказания [7, с. 88–90; 8, с. 428–429].

А. Э. Жалинский считал, что понятие общественной опасности не насыщено юридическим содержанием, поэтому правоприменительная уголовно-правовая оценка деяния опирается не на него, а на признак противоправности, что способно деформировать уголовную политику в стране [9, с. 333]. Ученый предложил систему признаков поведения человека, необходимых и достаточных для признания его общественной опасности: причинение вреда конституционным ценностям; распространение вреда на большинство членов общества; явная непереносимость обществом деяний и их последствий; недостаточность иных, кроме уголовно-правовых, запретов для устранения опасности, возмещения вреда и предупреждения новых подобных деяний; нарушение деянием социального запрета при наличии у индивида выбора варианта поведения [10, с. 50]. Рассмотрение данных признаков позволяет выявить два содержащихся в них свойства: субъективное (непереносимость, запрет, выбор) и объективное (ценность, благо, опасность).

А. В. Наумов рассматривает общественную опасность как внутреннее свойство, материальный признак преступного деяния, раскрывающий его социальную сущность [11, с. 274]. По мнению А. П. Козлова, без понимания общественной опасности преступления, объясняющего его социальную сущность, невозможно уяснить публичную суть уголовного права [12, с. 703]. Ю. Е. Пудовочкин считает общественную опасность одним из признаков преступления наряду с виновностью и уголовной противоправностью и подчеркивает, что законодатель и правоприменитель, оценивая степень опасности в процессе криминализации деяния и при привлечении виновного к ответственности, не наделяют деяние свойством общественной опасности, а закрепляют в своих актах реально существующий уровень опасности данного деяния. Ученый, говоря о том, что общественная опасность яв-

ляется оценочным признаком, ставит знак равенства между опасностью и вредностью, заключающимися в действии или бездействии лица с угрожающим обществу социальным отклонением [13, с. 24–25]. П. С. Яни, признавая общественную опасность объективным свойством преступления, справедливо указывает на существование неопределенности данного признака преступления для правоприменителя и имеющегося простора для его усмотрения [14, с. 100].

С точки зрения неокриминалогов, самым ярким представителем которых является Я. И. Гилинский, конструкция «общественной опасности» – это онтологически не существующее в природе изобретение публичной власти, такое же искусственное, как и само преступление. С этой позиции криминализация является исключительно волевым актом – субъективным действием конкретных лиц (законодателей) здесь и сейчас посчитавших, исходя из своих интересов и представлений о должном, необходимость признания того или иного деяния недопустимым и, следовательно, преступным. Субъективный характер криминализации, на который влияют множество различных, не поддающихся учету факторов (уровень интеллекта законодателя, его образование, психические свойства, морально-нравственные предпочтения, религиозные заблуждения, действие личных и групповых интересов и т.д.) не позволяет выявить иное, кроме политической воли законодателя, ее основание [15]. О невозможности создания рациональной модели криминализации говорили также И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев [16]. Существенные различия в уголовном законодательстве разных стран и разных периодов в одной стране, легкость, с которой законодатель вносит изменения в уголовный закон, криминализуя и декриминализуя деяния, заставляют признать небезосновательность данного подхода.

Несмотря на обилие научных работ, посвященных общественной опасности деяния как основанию его криминализации, более того, даже ее единственному основанию [17, с. 58; 18, с. 75] или единственному реальному основанию [19, с. 76], социально-политическая, уголовно-правовая и правоохранительная реальность заставляет вновь обращаться как к терминологии, описывающей данное явление, так и к его существу, свойства которого могут быть не тождественны закрепленным за данной дефиницией общеупотребительным смыслом.

2. Критика понятия общественной опасности как основания криминализации деяния

Общество или социум (лат. *socium* – общее) – это сложноорганизованная саморазвивающаяся открытая система, человеческая общность, форма взаимодействия и объединения людей, лиц, конкретно не определенных, но связанных между собой специфическими отношениями [20, с. 61–79].

Опасность – возможность нанесения вреда, имущественного (материального), физического или морального (духовного) ущерба личности, обществу, государству; угрожающее событие или вероятность возникновения потенциально разрушительного явления; процесс, свойство или состояние природы, общества или техники, представляющее угрозу для жизни, здоровья или благосостояния людей, объектов хозяйства или окружающей среды [21]. Таким образом, опасность – это не сам

вред, а лишь потенциальный источник вреда – событие или ситуация, которые угрожают вредом (для жизни, здоровья, имущества и т.д.). Угроза и опасность – это обнаружение умысла или свойства, направленных на будущее.

Отсюда, общественная опасность – это ситуация, которая в будущем угрожает неблагоприятными последствиями человеческой общности, состоящей из неопределенного круга лиц. Говорить о преступлении возможно в том случае, когда оно уже имеет место, именно после совершения преступления возникают предусмотренные законом основания для мер государственного принуждения (даже при неоконченном преступлении в форме приготовления или покушения на преступление). Говорить об опасности преступления (т.е. как об угрозе) возможно лишь в том случае, пока оно не произошло.

Общественная опасность, являясь важным объективно-субъективным свойством преступления, выражается не в причинении преступлением вреда, а в создании угрозы причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам и ценностям. Так, совершение кражи не угрожает имуществу потерпевшего, поскольку то имущество, которое явилось предметом преступления, уже выбыло из его владения, а убийство не угрожает жизни (уже не угрожает), поскольку совершением убийства жизнь уже прекращена, ее не существует. Совершившись, преступное деяние не представляет ни угрозу, ни опасность, оно уже причинило вред и вызвало к жизни основания для мер государственного реагирования.

В этом качестве понятие «общественная опасность» может применяться в процессе криминализации поведенческих актов человека. Действительно, криминализация деяний направлена на неопределенный круг лиц и обращена в будущее – для предотвращения преступлений либо, в случае их совершения, для привлечения виновного лица к ответственности и назначения наказания. Но может ли общественная опасность деяния быть основным или тем более единственным основанием криминализации?

Поскольку общественная опасность означает способность человека своим поступком причинять или создавать реальную угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям и интересам [22, с. 35; 23, с. 77; 24, с. 45], постольку рассуждения об общественной опасности как основании криминализации попадают в логическую ловушку «порочного круга» (лат. *circulus in definiendo*), где определение явления включает в себя свойства самого явления: основанием признания деяния преступным (т.е. общественно опасным) является признание его общественно опасным (т.е. преступным).

Далее, кладя в основу криминализации субъективные представления об общественной опасности, следует согласиться с неокриминалогами в том, что преступление – это то, что государство *здесь и сейчас* решило считать преступлением, включив в уголовный закон. В некоторой части в отношении таких «вечных» преступлений, как убийство, изнасилование, причинение вреда здоровью, кража, мошенничество, грабеж, разбой и тому подобные деяния, мнение государства (законодателя) об их преступности в целом совпадает с устоявшимися морально-нравственными нормами, традициями и обычаями. Однако соответствующие таким деяниям составы преступлений занимают не более трети от всех признанных

преступными Особенной частью Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) деяний. Криминализация других двух третей деяний, также основанная на некой их общественной опасности как умозрительном конструкте законодателя, порождает неустранимые сомнения в ее рациональности, а значит, и в соответствии их назначению охраны правопорядка.

Для примера можно обратиться к составу «оскорбления чувств верующих» (ч. 1, 2 ст. 148 УК РФ) [25], теоретические и научно-практические дискуссии по поводу которого ведутся с 2013 г. Данной нормой предусматривается несколько видов наказаний, в том числе и в виде лишения свободы [26]. Принимая во внимание, что незадолго до криминализации данного деяния в 2011 г. было декриминализовано «оскорбление» как таковое [27], ученые говорят о «болезненных точках восприятия как на уровне теории, так и в правоприменении» данной уголовно-правовой новации, в соответствии с которой социальная группа «верующие» получает особую, в сравнении с другими гражданами, защиту [28]. Устанавливая уголовно-правовой запрет, закон не дает необходимые для квалификации деяния ответы на вопросы: как соотносится конституционная норма о праве «свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения» (ст. 28 Конституции РФ) с объективной стороной данного состава преступления, состоящей в том числе и в отрицании существования бога, которое сделано в открытой для общего доступа социальной сети? Чувства представителей какой именно веры защищаются, учитывая многообразие религиозных убеждений (только православие содержит десятки деноминаций [29]), оскорбительных друг для друга? Каким образом надлежит доказывать наличие и качество «чувств верующих» у потерпевших при квалификации их оскорбления? Насколько оправданной является криминализация указанных выше деяний, если большинство населения России составляют воспитанные государством в неприятии религиозных ценностей граждане СССР – государства, всемерно уничтожавшего религиозную идеологию, в том числе и с ее носителями? [30].

Подобный пример, когда законодательство не дает ответов на вопросы первостепенной важности в связи с привлечением своих граждан к уголовной ответственности, помещая их в положение заложников быстро меняющейся политико-правовой реальности, не является, к сожалению, единичным. Количество возможных поведенческих актов настолько велико и разнообразно, что вряд ли возможно составить их полный перечень. В соответствии с действующей сегодня моделью криминализации можно, при соответствующей социально-политической обстановке и желании законодателя, признать общественно опасными и, следовательно, преступными большинство из них. В средствах массовой информации, чутко улавливающих колебания социально-политических настроений, поднимаются, например, вопросы криминализации нетрадиционных сексуальных практик, оборота иностранной валюты, спекуляции и т.д. А сфера оборота информации (СМИ, Интернет, электронная и традиционная связь) содержит поистине безграничные перспективы для перманентного уголовно-правового регулирования.

Право в правовом государстве соотносится не только с категориями «порядок», «отношения» и «власть», но и воплощает в себе взгляды и принципы регулирования взаимоотношений между людьми и сообществами на основе свободы, спра-

ведливости, равенства и гуманизма, т.е. тех условий, которые наиболее полно соответствуют достижению цели гармоничного и устойчивого развития общества [31, с. 148]. В полной мере это относится и к уголовному праву.

Объективные (тяжесть последствий, опасность способа, характер объекта посягательства и т.д.) и субъективные (форма умысла или неосторожности, мотивы, отношение к содеянному и т.д.) факторы деяния в подавляющем большинстве случаев всех преступлений имеют отношение к личным, а не общественным интересам. Данное умозаключение нисколько не влияет на публичный характер уголовного права. Государство обязано всемерно защищать права личности, свободы человека и гражданина, которые оно на самом высоком, конституционном, уровне признает высшей ценностью [32]. Более того, именно те случаи, когда заявляется о причинении вреда общественным интересам, должны получать наиболее пристальное внимание законодателя при криминализации деяний с целью недопущения протаскивания в уголовный закон норм, охраняющих частные или групповые интересы под видом общественных. Строго говоря, это касается всего законодательства, а не только его уголовно-правовой отрасли.

Н. Г. Иванов указывает на ценностные критерии криминализации, изменчивые в зависимости от времени существования государственного образования с его оригинальной ментальностью, воплощенной в культурных предпочтениях [33]. Представляется, что ценностный подход к криминализации должен заменить собой нынешнюю ее модель, в соответствии с которой главным основанием признания деяния преступным является его общественная опасность. Ценности (блага), защищаемые уголовным правом, выражаются через дефиницию объекта преступления как общественного отношения, охраняемые конкретной нормой уголовного закона. Именно объект преступления, являющийся обязательным элементом состава преступления, способствует определению степени общественной опасности деяния и его правильной квалификации [34, с. 87–89]. Сегодня объект преступления является основой для формирования структуры Уголовного кодекса и имеет решающее значение для установления материального понятия преступления. Нарушенное преступлением общественное отношение (ценность, благо, интерес), выражающееся через его объект, должно лежать в основе процесса криминализации. Только отталкиваясь от ценности объекта, на который посягает деяние, можно говорить о его общественной опасности и преступности. Иерархия ценностей (личных и общественных) должна определять ранги общественной опасности нарушающих их деяний.

Объект преступления дает возможность установить, охраняется ли рассматриваемое отношение уголовным законом и является ли данное посягательство на него преступным, характер преступного деяния, его общественную опасность и вред, причиненный общественным отношениям. Использование при квалификации деяний понятия родового объекта позволяет идентифицировать определенное преступление с преступлениями соответствующего раздела, а видового объекта – с конкретной главой уголовного закона [35, с. 67–72].

Процесс криминализации деяния должен основываться на определении наиболее важных общественных отношений (универсальных ценностей, абсолют-

ных благ), требующих особой защиты средствами уголовного права. Таким универсализмом в ряду интересов, которые должны пользоваться особой защитой государства, обладают фундаментальные права человека: право на жизнь, здоровье, свободу и безопасность [36, с. 5–14].

Оптимальная модель правоприменения и, в частности, формирования уголовной политики, в фундаменте которой лежит криминализация деяний, должна служить целям укрепления общественного благосостояния и безопасности [37, р. 403–454]. Поскольку уголовное право является крайне опасным инструментом, воздействующим на общественные отношения, то его применение должно следовать (как и в медицине при назначении врачом сильнодействующего лекарства) главному правилу: «не навреди». Правовое государство, взяв на себя функцию обеспечения правопослушного и добросовестного поведения своих граждан, должно прежде всего ограничить себя определенными рамками в данной (как и в любой другой) сфере. Рациональность контролирующей собственное поведение публичной власти и, как частный случай, формирование уголовного права и уголовной политики, в основе которых лежит криминализация деяний, должны быть подчинены не только строгим и обязательным, но и прозрачным для общественного контроля правилам.

Заключение

Уяснение роли общественной опасности деяния как признака преступления и основания для его криминализации обладает важным значением в теории уголовного права, однако излишние теоретические упражнения в этой области не должны уводить от цели данной отрасли права, которая заключается в охране принадлежащих человеку и обществу ценностей, благ и интересов. Именно последние и должны лежать в основе криминализации деяний, которые могут причинить им вред. Общественная опасность деяния может быть факультативным, вторичным по отношению к нарушенным ценностям, благам и интересам свойством деяния, указывающим на его преступность.

Будучи объективно-субъективным феноменом, общественная опасность связана с объективной стороной преступления, деянием, которое может наступить или не наступить; до наступления деяния общественная опасность оценивается законодателем, а после его наступления – интерпретируется правоприменителем. И в первом и во втором случае восприятие и суждение об общественной опасности производятся в зависимости от предпочтений субъекта интерпретации, его взглядов и, что особенно важно, интересов, которые, будучи потребностным отношением, мотивационным состоянием, положительно окрашенным эмоциональным процессом или чувством [38], необязательно могут быть рациональными и даже осознаваемыми.

В современном демократическом правовом государстве и обществе, которое стремится к прогрессу, определение преступности деяний и включение их в уголовный закон должны производиться исходя из иерархии универсальных общечеловеческих ценностей [39, с. 160–170]. Такие же ценностные основания должны служить фундаментом для построения теории общественной опасности (и общественной безопасности), свободной от частных, групповых (классовых) интересов

и предпочтений властных субъектов права. Защищая общественные отношения, существо которых состоит в наиболее важных благах и ценностях людей, государство, его уголовный закон и практика правоприменения не должны их прежде всего нарушать. Только такое бережное отношение к обществу, праву и закону способно сформировать менталитет и ценностные ориентации граждан, воплощающие положительные представления о долге и ответственности перед государством и лежащие в основе правопослушного поведения.

Пристатейный библиографический список

1. *Авдалян М. Э.* Основание криминализации // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 3.
2. Российское уголовное право : курс лекций : в 8 т. Т. 1 : Преступление. Владивосток : Институт управления, 2001.
3. *Рагулина А. В.* Общественная опасность как признак деяния и как признак преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 января 2015 г. М. : РГ-Пресс, 2015.
4. *Пионтковский А. А.* Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. М. : Госюриздат, 1954.
5. *Кудрявцев В. Н.* Что такое преступление. М. : Госюриздат, 1959.
6. *Тер-Акопов А. А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М. : Юркнига, 2003.
7. Уголовное право России. Общая часть : учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2005.
8. *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность. Избранные труды. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.
9. *Жалинский А. Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016.
10. *Жалинский А. Э.* Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правотворчества // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 января 2009 г. М. : Проспект, 2009.
11. *Наумов А. В.* Российское уголовное право : курс лекций : [в 3 т.]. Т. 1 : Общая часть. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2011.
12. *Козлов А. П.* Понятие преступления. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
13. *Пудовочкин Ю. Е.* Учение о преступлении: избранные лекции. М. : Юрлитинформ, 2010.
14. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. СПб. : Питер, 2005.
15. *Гилинский Я. И.* Понятие преступности в современной криминологии // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2001. № 3.
16. *Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н.* Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург : SAPIENTIA, 2020.

17. *Тоболкин П. С.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983.
18. *Лесников Г. Ю., Лопашенко Н. А.* Энциклопедия уголовного права : в 32 т. Т. 1. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005.
19. *Мальцев В. В.* Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве. Волгоград, 1995.
20. *Семенов Ю. И.* Общество как целостная система // Социальная философия : учебник / под ред. И. А. Гобозова. М. : Издатель Савин С. А., 2003.
21. Понятие об опасности. Классификация опасностей. Риск в жизни человека // Dendrit : сайт. URL: <https://dendrit.ru/page/show/mnemonick/ponyatie-ob-opasnosti-klassifikaciya-ora/> (дата обращения: 06.07.2024).
22. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М. : ИНФРА-М, 2013.
23. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. И. Рарога. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.
24. *Ляпунов Ю. И.* Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М. : Изд-во ВЮЗШ МВД СССР, 1989.
25. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 12 июня 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
26. Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3209.
27. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
28. Ученые обсудили противоречия законодательства о защите чувств верующих // Адвокатская газета : сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/uchenye-obsudili-protivorechiya-zakonodatelstva-o-zashchite-chuvstv-veruyushchikh/> (дата обращения: 06.07.2024).
29. *Аверинцев С. С.* Православие // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010.
30. *Бычков С. С.* Большевики против русской церкви. Очерки по истории русской церкви (1917–1941 гг.). Т. 2. М. : Sam&Sam, 2006.
31. *Антонченко В. В.* Право и демократия в политической системе общества // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2.
32. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС «Гарант».
33. *Иванов Н. Г.* Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М. : Проспект, 2018.
34. *Жук М. С.* Объект преступления как критерий построения системы институтов Особенной части уголовного права // Общество и право. 2010. № 5.
35. *Филимонов В. Д.* Объект преступления и последствие преступления // Уголовное право. 2010. № 3.

36. Антонченко В. В. Универсальность прав человека как агрегация закона и морали // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2024 Т. 21. № 1.
37. Polinsky A. M., Shavell S. The Theory of Public Enforcement of Law / Handbook of Law and Economics / Ed. by A. M. Polinsky, S. Shavell. Vol. 1. Amsterdam : Elsevier, 2007.
38. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции: конспект лекций. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971.
39. Антонченко В. В. Ценностные основания криминализации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26. № 2.

References

1. Avdalian M. E. The Basis of Criminalization. *Bulletin of Udmurt University*, 2015, vol. 25, iss. 3. (In Russ.)
2. Russian Criminal Law: Course of Lectures. In 8 vols. Vol. 1: Crime. Vladivostok: Institute of Management, 2001. (In Russ.)
3. Ragulina A. V. Social Danger as a Feature of an Act and as a Feature of a Crime. In *Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Materials of the XII International Scientific and Practical Conference*, January 29–30, 2015. Moscow: Rg-Press, 2015. (In Russ.)
4. Piontkovskii A. A. Issues of the General Part of Criminal Law in the Practice of Judicial and Prosecutorial Bodies. Moscow: Gosiurizdat, 1954. (In Russ.)
5. Kudriavtsev V. N. What Is a Crime. Moscow: Gosiurizdat, 1959. (In Russ.)
6. Ter-Akopov A. A. Crime and Problems of Non-Physical Causality in Criminal Law. Moscow: Iurkniga, 2003. (In Russ.)
7. Kuznetsova N. F., Tiazhkova I. M. (eds.). Criminal Law of Russia. General Part: Text-book for Universities. Moscow: Zertsalo, 2005. (In Russ.)
8. Kuznetsova N. F. Crime and Criminality. Selected Works. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2003. (In Russ.)
9. Zhalinskii A. E. Criminal Law in Expectation of Changes: Theoretical and Instrumental Analysis. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2016. (In Russ.)
10. Zhalinskii A. E. Assessment of the Social Danger of an Act in the Process of Criminal Law-Making. In *Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Materials of the 6th International Scientific and Practical Conference*, January 29–30, 2009. Moscow: Prospekt, 2009. (In Russ.)
11. Naumov A. V. Russian Criminal Law: Lecture Course. In 3 vols. Vol. 1: General Part. 5th ed. Moscow: Wolters Kluwer, 2011. (In Russ.)
12. Kozlov A. P. The Concept of Crime. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2004. (In Russ.)
13. Pudovochkin Iu. E. The Doctrine of Crime: Selected Lectures. Moscow: Iurlitin-form, 2010. (In Russ.)
14. Komissarov V. S. (ed.). Russian Criminal Law. General Part. St. Petersburg: Piter, 2005. (In Russ.)
15. Gilinskii Ia. I. The Concept of Crime in Modern Criminology. *Works of the St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*, 2001, no. 3. (In Russ.)

16. Kozachenko I. Ia., Sergeev D. N. *New Criminalization: Philosophical and Legal Guide to the World of the Criminal and Non-Criminal*. Yekaterinburg: Sapientia, 2020. (In Russ.)
17. Tobolkin P. S. *Social Determination of Criminal Law Norms*. Sverdlovsk: Middle Ural Book Publishing House, 1983. (In Russ.)
18. Lesnikov G. Iu., Lopashenko N. A. *Encyclopedia of Criminal Law*. In 32 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Publishing House of Prof. Malinin, 2005. (In Russ.)
19. Maltsev V. V. *Category of "Socially Dangerous Behavior" in Criminal Law*. Volgograd, 1995. (In Russ.)
20. Semenov Iu. I. *Society as an Integral System*. In Gobofov I. A. (ed.). *Social Philosophy: Textbook*. Moscow: Publisher Savin S. A., 2003. (In Russ.)
21. *The Concept of Danger. Classification of Dangers. Risk in Human Life*. URL: <https://dendrit.ru/page/show/mnemonic/ponyatie-ob-opasnosti-klassifikaciya-opa/> (date of the application: 06.07.2024). (In Russ.)
22. Inogamova-Khegai L. V. (ed.). *Criminal Law of the Russian Federation. General Part: Textbook*. Moscow: Infra-M, 2013. (In Russ.)
23. Rarog A. I. (ed.). *Criminal Law of Russia. General and Special Parts: Textbook*. 9th ed. Moscow: Prospekt, 2017. (In Russ.)
24. Liapunov Iu. I. *Social Danger of an Act as a Universal Category of Soviet Criminal Law*. Moscow: Publishing House of the All-Union School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1989. (In Russ.)
25. *Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on June 12, 2024)*. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)
26. *Federal Law of June 29, 2013 No. 136-FZ "On Amendments to Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Order to Counteract the Insulting of Religious Beliefs and Feelings of Citizens"*. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013, no. 26, art. 3209. (In Russ.)
27. *Federal Law of December 7, 2011 No. 420-FZ (as amended on July 3, 2016) "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation"*. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 50, art. 7362. (In Russ.)
28. *Scientists Discussed the Contradictions in the Legislation on the Protection of the Feelings of Believers*. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/uchenye-obsudili-protivorechiya-zakonodatelstva-o-zashchite-chuvstv-veruyushchikh/> (date of the application: 06.07.2024). (In Russ.)
29. Averintsev S. S. *Orthodoxy. New Philosophical Encyclopedia*. In 4 vols. Vol. 3. 2nd ed. Moscow: Mysl, 2010. (In Russ.)
30. Bychkov S. S. *Bolsheviks Against the Russian Church. Essays on the History of the Russian Church (1917–1941)*. Vol. 2. Moscow: Sam&Sam, 2006. (In Russ.)
31. Antonchenko V. V. *Law and Democracy in the Political System of Society*. *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2023, no. 2. (In Russ.)
32. *Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (SPS "Garant")*. (In Russ.)

33. *Ivanov N. G.* Social Danger of an Act as an Ontological Basis for Criminalization. Moscow: Prospekt, 2018. (In Russ.)
34. *Zhuk M. S.* The Object of the Crime as a Criterion for Constructing the System of Institutions of the Special Part of Criminal Law. *Society and Law*, 2010, no. 5. (In Russ.)
35. *Filimonov V. D.* The Object of the Crime and the Consequence of the Crime. *Criminal Law*, 2010, no. 3. (In Russ.)
36. *Antonchenko V. V.* Universality of Human Rights as an Aggregation of Law and Morality. *Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2024, vol. 21, no. 1. (In Russ.)
37. *Polinsky A. M., Shavell S.* The Theory of Public Enforcement of Law. In *Polinsky A. M., Shavell S. (eds.)*. Handbook of Law and Economics. Vol. 1. Amsterdam: Elsevier, 2007.
38. *Leontiev A. N.* Needs, Motives and Emotions: Lecture Notes. Moscow: Moscow University Publishing House, 1971. (In Russ.)
39. *Antonchenko V. V.* Value Bases of Criminalization. *Asian-Pacific Region: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 2. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. В. Антонченко – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

V. V. Antonchenko – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.07.2024; одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 12.07.2024; approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-124-132>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Георгий Сергеевич Мелешко¹

Ксения Сергеевна Карпова²

^{1,2} Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я линия/Советская, д. 2/32

¹ meleshkogs@bk.ru

² krpvksn@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы и проблемы уголовно-правовой характеристики мошенничества по уголовному праву России, в частности проблема разграничения основного (базового) и квалифицированных составов мошенничества. Кроме этого приводятся доводы относительно нецелесообразности выделения отдельных видов мошенничества в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) [1], а также способы разрешения указанной проблемы с учетом сложившейся судебной практики и мнения ряда исследователей в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: мошенничество; специальные составы мошенничества; уголовно-правовая характеристика; мошеннические действия; преступления против собственности; хищение; квалификация преступлений.

Для цитирования: Мелешко Г. С., Карпова К. С. Актуальные вопросы противодействия мошенничеству в современных условиях // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 124–132. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-124-132>

Research Article

ACTUAL ISSUES OF COUNTERACTION TO FRAUD IN CURRENT CONDITIONS

Georgy S. Meleshko¹

Ksenia S. Karpova²

^{1,2} Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
2/32 9th Line St./Sovetskaia, Rostov-on-Don, 344000, Russia

¹ meleshkogs@bk.ru

² krpvksn@yandex.ru

Abstract

The article deals with actual issues and problems of criminal law characteristics of fraud in Russian criminal law, in particular, the problem of distinguishing the main (basic) and qualified compositions of fraud. In the article are given arguments regarding the inexpediency of singling out certain types of fraud in the Criminal Code of the Russian Federation, as well as ways to resolve this problem, taking into account established judicial practice and the opinions of a number of researchers in the field under consideration.

Keywords: fraud; special compositions of fraud; criminal law characteristics; fraudulent actions; crimes against property; theft; qualification of crimes.

For citation: *Meleshko G. S., Karpova K. S. Actual Issues of Counteraction to Fraud in Current Conditions. Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 1, pp. 124–132. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-124-132>

Введение

Проблему квалификации мошенничества стоит отнести к одному из наиболее актуальных вопросов современного российского уголовного права, так как в правоприменительной практике зачастую возникают ситуации, когда вопрос разграничения смежных составов преступлений оказывает значительное влияние не только на уголовно-правовую оценку деяния, но и на успешное расследование уголовного дела и собирание доказательств.

Кроме этого, отмечая значимость уголовно-правовой характеристики рассматриваемого вида противоправных деяний, следует отметить, что, исходя из данных статистики преступности в России, мошенничество характеризуется тенденциями стремительного роста, постоянным совершенствованием способов и механизмов

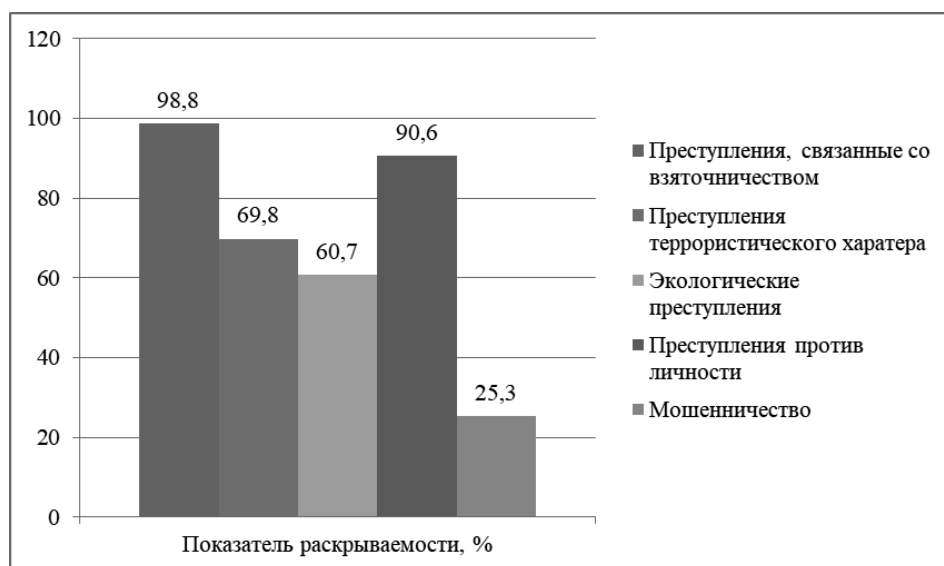
обмана, внедрением в преступную деятельность самых передовых технологий, использованием самых разнообразных методов психического воздействия на личность потерпевшего и т.п.

Все эти факторы обуславливают крайне низкую раскрываемость данной категории преступлений, а также практические трудности в сборе доказательственной базы и изобличения виновных.

1. Криминологическая характеристика мошенничества в Российской Федерации

Согласно данным о состоянии преступности в Российской Федерации за январь 2024 г. МВД России зарегистрировано 34 383 преступления, предусмотренных статьями 159-159.6 УК РФ. Это составляет 22,7% в общей структуре преступности, при том, что раскрываемость таких преступлений составляет всего 25,3% [9].

В сравнении с другими составами преступлений данный показатель является одним из самых низких (см. диаграмму 1).

*Диаграмма 1.
Раскрываемость различных видов преступлений в России
по состоянию на январь 2024 г.*

Среди причин и условий такой тенденции исследователи данного вопроса выделяют следующие:

1) высокая мобильность и приспосабливаемость к темпам развития общества субъектов мошенничества;

2) трудность обнаружения всех признаков преступления и их доказывания в судебном процессе;

3) сложности предотвращения преступления на ранних стадиях в связи с проблемами в финансовой грамотности населения и высоким уровнем доверчивости граждан;

4) появление множества схем и способов совершения преступлений, квалифицируемых в качестве мошенничества, за которыми не успевают мобилизоваться и подстроиться правоохранительные органы [7].

Распространенность мошенничества также связывается с несовершенством систем безопасности хранения и использования данных (например, на сегодняшний день одним из распространенных видов преступлений является телефонное мошенничество, связанное с утечкой данных абонентов) [4].

Рассмотрим один из недавних случаев подобного мошенничества. В 2023 г. в Санкт-Петербурге было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 159 УК РФ, которое непосредственно было связано с хищением персональных данных абонента МТС [10]. Мошенники отправили на электронную почту потерпевшего письмо с использованием логотипа сотового оператора и иных индивидуализирующих признаков сотовой компании. Направленное сообщение содержало поздравление с днем рождения и в связи с этим «специальное предложение»: пополнить счет мобильного телефона посредством перехода по ссылке, указанной в письме, чтобы получить выплату в двукратном размере. Доверившись полученной информации, потерпевший осуществил операцию по переводу денежных средств в размере 10 тыс. руб., однако обещанная денежная сумма на счет не поступила. Банк указал, что платеж был проведен с принятием абонентом оферты на номер, указанный в запросе. В данном случае мошенники воспользовались совокупностью персональных данных, полученных в результате утечки информации из локальной базы данных сотового оператора.

На рассмотренном примере можно проследить большинство проблем, возникающих в правоприменительной практике при расследовании и раскрытии мошенничества, а также дальнейшего доказывания вины в судебном порядке. Поиск источника утечки персональных данных и лиц, допустивших эту утечку; доказывание причастности или не причастности лица, на счет которого поступили денежные средства (ведь это лицо также могло стать жертвой мошенников, воспользовавшихся его номером телефона) и ряд других вопросов приводят к невозможности раскрытия преступления в силу технического несовершенства процесса отслеживания электронных действий виновных, а соответственно, и к снижению судебной перспективы данного дела.

2. Уголовно-правовая характеристика отдельных составов мошенничества по действующему уголовному закону

С точки зрения уголовно-правовой характеристики данного деяния также прослеживается проблема правоприменительного характера. Указанный в рассматриваемом случае способ совершения преступления напоминает известный вид интернет-мошенничества – «фишинг». Его можно определить, как «получение путем

обмана или методов социальной инженерии персональных данных для использования в корыстных, преступных целях» [2].

Однако квалифицировать деяние по ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации) не получится. Исходя из смысла диспозиции статьи и разъяснений в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – ППВС № 48) действия преступника нельзя рассматривать как вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [8].

Таким образом, несмотря на то, что преступление явно совершено в сфере компьютерной информации, его юридическая оценка относится к классическому составу мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Ситуация неясности в применении норм УК РФ в вопросах юридической оценки мошенничества часто возникает в правоприменительной практике, из-за чего усложняется применение квалифицированных составов мошенничества и практически теряется смысл их нахождения в УК РФ.

Действующий УК РФ определяет мошенничество как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». При этом способы совершения рассматриваемого преступления, квалифицирующие деяние, конкретизируются в ранее упомянутом ППВС № 48.

Согласно п. 2 ППВС № 48 обман заключается «в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях <...>, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение».

Злоупотребление доверием при квалификации мошенничества, согласно пункту 3 ППВС № 48, «заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам».

Указанные способы совершения преступления являются признаком базового состава мошенничества (ст. 159 УК РФ), а в квалифицированных составах данного вида преступления (ст. 159.1–159.5 УК РФ) они либо подразумеваются, либо непосредственно указаны в диспозиции.

Преступление, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации), выбивается из этого ряда, так как в его составе, исходя из диспозиции статьи, нет обмана или злоупотребления доверием. Рассматриваемое преступление совершается путем вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Отсюда возникает вопрос о целесообразности отнесения данного состава именно к мошенничеству. Согласно мнению ряда исследователей мошенничество в сфере компьютерной информации не является видом мошенничества в классическом понимании данного понятия и является особой формой хищения – компьютерным хищением [6].

Говоря о квалифицированных видах мошенничества, следует указать на наличие в научной среде спора относительно необходимости и целесообразности вы-

деления отдельных видов мошенничества, произошедшего в 2012 г. по инициативе Верховного Суда РФ.

Основными причинами данной реформы послужило следующее:

- необходимость учета в уголовной ответственности за мошенничество новых преступных схем обманного получения имущества;
- дальнейшая дифференциация уголовной ответственности за мошенничество;
- обеспечение на должном уровне защиты интересов пострадавших от мошенничества граждан [3].

Однако каждая из указанных причин не решила проблему роста мошенничества в структуре преступности и не повысила раскрываемость данного вида преступления, а породила еще больше проблем в правоприменительной практике.

Во-первых, выделенные составы преступлений полностью охватываются классическим составом мошенничества и не требуют специальной нормы (кроме спорного состава, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ).

Во-вторых, дифференциация уголовной ответственности должна выражаться в различии санкций за отдельные составы преступления. Однако в случае с дифференциацией мошенничества законодатель не использовал данного критерия. Из-за этого дробление мошенничества на отдельные составы с точки зрения строгости уголовной ответственности и общественной опасности конкретного деяния не было отражено в законе.

Проведение анализа санкций статей УК РФ, предусматривающих наказание за мошенничество, показывает, что значительной разницы в строгости наказания в зависимости от состава преступления нет. Минимальное наказание по ст. 159–159.6 УК РФ представлено в виде штрафа в размере до 120 тыс. руб., а максимальное – в виде лишения свободы на срок до 10 лет. Кроме этого, больших различий в зависимости от части конкретной статьи также не наблюдается, а группирование квалифицирующих признаков каждого состава в разных частях по своей сути не влияет на строгость назначаемого наказания.

Изучение санкций за совершение преступления, предусмотренного базовым или квалифицированным составом мошенничества, позволяет сделать следующий вывод. Дифференцируя мошенничество как вид хищения имущества, законодатель выделил отдельные составы только с точки зрения объекта преступного посягательства, не делая акцент на общественной опасности конкретного деяния.

В-третьих, обеспечение защиты пострадавших от мошенничества в совокупности с предыдущими тезисами не было достигнуто проведением реформы: 1) деяния, предусмотренные квалифицированными составами, и до их введения охватывались базовым составом мошенничества; 2) различия по уголовной ответственности в зависимости от вида мошенничества практически отсутствуют.

Указанные доводы в вопросе нецелесообразности выделения отдельных составов мошенничества в УК РФ подтверждаются правоприменительной практикой. Согласно данным МВД России, число деяний, квалифицированных по базовому составу мошенничества (ст. 159 УК РФ), в январе 2024 г. – 32 120, что составляет 93,42% от общего числа выявленных мошенничеств. Из этого следует, что доля квалифицированных составов в общей структуре статистики по мошенничеству всего лишь – 6,58% [9].

Заключение

Таким образом, вопрос становления и развития уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за мошенничество, на протяжении всей истории борьбы с ним в России оставался порождающим дискуссии и споры. Современный этап развития законодательства не является исключением [5].

Наиболее проблемным вопросом в уголовно-правовой характеристике мошенничества на данный момент является нерациональная необходимость применения квалифицированных составов, осложняющая квалификацию деяния, порождающая проблемы разграничения составов, создающая новые трудности в процессе доказывания.

Исходя из этого, представляется целесообразным «правило возврата к одному составу, который известен давно, и отход от взятия на вооружение отрасли деятельности, в которой мошенничество совершено, как основания для создания нового состава преступления» [3].

По нашему мнению, практика показала, что введение в уголовно-правовой оборот специальных составов мошенничества (ст. 159.1–159.6 УК РФ) не оказало какого-либо существенного положительного влияния на снижение уровня преступности данного вида, а также на раскрываемость таких преступных деяний. При этом нововведения во многих случаях вызывают объективно необоснованные трудности в квалификации мошеннических действий как на стадии предварительного расследования уголовного дела, так и на стадии его судебного рассмотрения.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Батюшкин М. В. «Фишинг» – компьютерное мошенничество? // Символ науки. 2021. № 1.
3. Лопашенко Н. А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 3.
4. Осина Е. М. Телефонное мошенничество: способы совершения преступления и проблемы расследования // Правовое образование : сборник научных статей. Т. 13. Ростов-на-Дону : Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону, 2021.
5. Погромская И. В. Мошенничество и борьба с ним в истории России // Общество, экономика и право в процессе развития : сборник научных статей по материалам XI Международного научно-практического форума, Ростов-на-Дону, 23–26 апреля 2019 года / под ред. А. А. Паршиной, В. Н. Харченко. Ростов-на-Дону : Донской издательский центр, 2019.
6. Рогова Н. Н. Соотношение мошенничества в сфере компьютерной информации с основным составом мошенничества и кражей // Общество. Наука. Инновации (НПК-2018) : сборник статей XVIII Всероссийской научно-практической конфе-

ренции, Киров, 02–28 апреля 2018 года : в 3 т. Т. 3. Киров : Вятский государственный университет, 2018.

7. Сапожникова А. А. Проблемы квалификации мошенничества по уголовно-му законодательству России // E-Scio. 2020. № 4 (43).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. 11 дек. № 280.

9. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2024 года // МВД России : сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47525142/> (дата обращения: 10.03.2024).

10. «С днем рождения, вы ограблены» // Новый проспект : сайт. URL: <https://newprospect.ru/news/articles/s-dnem-rozhdeniya-vy-ogrableny/> (дата обращения: 21.03.2024).

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 25. Art. 2954. (In Russ.)

2. Batiushkin M. V. "Phishing" – Computer Fraud? *Symbol of Science*, 2021, no. 1. (In Russ.)

3. Lopashenko N. A. Legislative Reform of Fraud: Forced Questions and Forced Answers. *All-Russian Criminological Journal*, 2015, no. 3. (In Russ.)

4. Osina E. M. Telephone Fraud: Methods of Committing a Crime and Problems of Investigation. In *Legal Education: Collection of Scientific Articles*. Vol. 13. Rostov-on-Don: Rostov Institute (Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice" in Rostov-on-Don, 2021. (In Russ.)

5. Pogromskaia I. V. Fraud and the Fight Against It in the History of Russia. In *Parshina A. A., Kharchenko V. N. (eds.). Society, Economics and Law in the Process of Development: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the XI International Scientific and Practical Forum*, Rostov-on-Don, April 23–26, 2019. Rostov-on-Don: Don Publishing Center, 2019. (In Russ.)

6. Rogova N. N. The Relationship Between Fraud in the Field of Computer Information and the Main Elements of Fraud and Theft. In *Society. Science. Innovations (Npk-2018): Collection of Articles of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference*, Kirov, April 2–28, 2018. In 3 vols. Vol. 3. Kirov: Vyatka State University, 2018. (In Russ.)

7. Sapozhnikova A. A. Problems of Qualification of Fraud Under the Criminal Legislation of Russia. *E-Scio*, 2020, no. 4 (43). (In Russ.)

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 "On Judicial Practice in Cases of Fraud, Misappropriation and Embezzlement". *Rossiiskaia Gazeta*, December 11, 2017, no. 280. (In Russ.)

9. Brief Characteristics of the State of Crime in the Russian Federation for January 2024. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47525142/> (date of the application: 10.03.2024). (In Russ.)

10. "Happy Birthday, You Have Been Robbed". URL: <https://newprospect.ru/news/articles/s-dnem-rozhdeniya-vy-ogrableny/> (date of the application: 21.03.2024). (In Russ.)

Сведения об авторах:

Г. С. Мелешко – кандидат юридических наук.

К. С. Карпова – студентка 3-го курса.

Information about the authors:

G. S. Meleshko – PhD in Law.

K. S. Karpova – Third-Year Student.

Статья поступила в редакцию 16.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 16.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 316.483

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-133-141>

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОГО КОНФЛИКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александр Николаевич Суслин^{1,2}

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² АО «СИБПРОМКОМПЛЕКТ», 625019, Тюменская область, г. Тюмень,
ул. Республики, 250
a.n.suslin@mail.ru

Аннотация

Предметом исследования являются нормы закона, связанные с понятием «корпоративный конфликт», а также сложившаяся судебная практика. Актуальность темы объясняется отсутствием в законе дефиниции понятия «корпоративный конфликт», что создает почву для правовой неопределенности при разрешении корпоративных споров. Цель исследования заключается в проведении системного анализа понятия «корпоративный конфликт» в различных источниках и выработке авторской позиции по рассматриваемой проблематике. Методологическую основу исследования составляют методы специально-юридического и общенаучного познания: диалектический и логический методы, анализ, синтез, дедукция, сравнение, описание. Новизна выражается в обосновании неразрывности корпоративного конфликта с корпоративным контролем, существенности исследуемого понятия с формулированием его дефиниции. В заключении содержится вывод о значимости понятия «корпоративный конфликт».

Ключевые слова: корпорация; корпоративный конфликт; корпоративный спор; корпоративный контроль; корпоративные правоотношения; судебная практика.

Для цитирования: Суслин А. Н. Правовая характеристика понятия корпоративного конфликта в Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 133–141. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-133-141>

Research Article

LEGAL CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT OF CORPORATE CONFLICT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander N. Suslin^{1,2}

¹ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaya St.,
Moscow, 117638, Russia

² JSC "SIBPROMCOMPLEKT", 250 Republic St., Tyumen, 625019, Russia
a.n.suslin@mail.ru

Abstract

The article is studied by law, rules related to the concept of "corporate conflict", as well as the established judicial practice. The relevance of the topic is explained by the absence in law of the concept of "corporate conflict", which creates grounds for legal uncertainty when resolving corporate disputes. The aim of the study is to conduct a systematic analysis of the concept of "corporate conflict" in various sources and to develop an author's position on the subject under consideration. The methodological basis of the study are methods of special legal and general knowledge: dialectical and logical methods, analysis, synthesis, deduction, comparison, description. Novelty is expressed in the justification of the inseparability of the corporate conflict with the corporate control, the materiality of the studied concept with the formulation of its definition. The conclusion is that the concept of "corporate conflict" is important.

Keywords: corporation; corporate conflict; corporate dispute; corporate control; corporate legal relations; court practice.

For citation: *Suslin A. N. Legal Characteristics of the Concept of Corporate Conflict in the Russian Federation. Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 1, pp. 133–141. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-133-141>

Введение

В доктринальных и нормативных источниках в течение длительного времени уделяется большое внимание выстраиванию системы корпоративного управления в различных корпоративных юридических лицах [1, с. 66]. Система корпоративного контроля и корпоративного управления в юридических лицах неизбежно сталкивается с возникновением конфликтных ситуаций, имеющих различную правовую природу и направленность.

Показатели конфликтности в российском бизнесе на протяжении последних нескольких лет фиксируют рост, что следует из профильного индекса, который

формируют «Сколково» и инвесткомпания А1. Индекс рассчитывается по формуле, которая учитывает динамику судебных корпоративных споров, сообщения СМИ о корпоративных конфликтах и изменение числа крупных компаний на рынке. Такие наблюдения осуществляются с 2017 г.

Так, в 2023 г. показатель конфликтности достиг значения 2.05, при том что до этого он снижался четыре квартала подряд. Максимальный показатель – 2.23 был зафиксирован в начале 2022 г. [2, с. 10]. В 2021 г. рекордная отметка индекса составляла – 1.96. Для сравнения: в третьем квартале 2020 г. индекс был равен 1.15, а к концу 2020 г. он вырос до 1.48 [3, с. 10].

Вместе с тем по итогам 2023 г. финансовый результат российского бизнеса (прибыль за вычетом убытков) вырос на 35,2% по сравнению с предыдущим годом и достиг 33,3 трлн руб. Это следует из данных Росстата «О финансовых результатах деятельности организаций в 2023 году» [4, с. 10]. В свою очередь Росстат также свидетельствует о том, что объем ВВП России за 2023 г. составил 171,041 трлн руб. [5, с. 10].

Из приведенных показателей видно, что доля чистой прибыли российского бизнеса составляет порядка $\frac{1}{5}$ от ВВП страны, т.е. является существенной, а следовательно, нестабильность отечественного предпринимательства, вызванная внутрикорпоративными конфликтами хозяйственных обществ, не только в целом способна негативно влиять на экономику государства, но и формирует запрос бизнеса на более структурное и эффективное правовое урегулирование законодательством разрешения корпоративных конфликтов.

Такие выводы указывают на значимость и необходимость углубленного исследования такого важного понятия в отечественном правовом поле, как «корпоративный конфликт», а также целесообразность его более детального регламентирования в действующем правовом поле.

1. Корпоративный конфликт как производное корпоративного контроля

Корпоративный конфликт, это вполне естественный и объяснимый процесс в корпоративных правоотношениях, когда в состав хозяйственного субъекта входит более одного участника. Наличие нескольких участников неизбежно ведет к возникновению противоречий, перерастающих в конфликты. Какими бы позитивными ни были отношения между акционерами, возникновение конфликтных ситуаций предопределяется самой корпоративной конструкцией. У каждого акционера (участника) есть свои особенные интересы, которые на определенном этапе существования компании могут совпадать с интересами других участников [6, с. 10].

Анализ судебной практики показывает, что корпоративные конфликты в корпоративных правоотношениях занимают весьма серьезное место, что подчеркивает важность и необходимость пристального внимания к этому вопросу, как правило, непосредственно связанному с защитой корпоративного контроля, который в большинстве случаев является предметом защиты в соответствующей категории хозяйственных споров.

Судебная практика под корпоративным конфликтом подразумевает «разногласия между участниками хозяйственного общества по тем или иным вопросам, касающимся деятельности общества» (см., например: определение Верховного Суда РФ

от 25 января 2021 г. № 307-ЭС20-21361 по делу № А21-8585/2019; постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 февраля 2023 г. № Ф05-572/2023 по делу № А40-151589/2022; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 ноября 2021 г. № Ф04-6104/2021 по делу № А70-18149/2020).

Что касается научного мнения, то, например, Е. И. Никологорская характеризует корпоративный конфликт как *«отношение, которое основано на коллизии интересов и прав, при том что действия субъектов такого отношения направлены на реализацию взаимоисключающих целей, к достижению которых они стремятся как участники таких корпоративных отношений»* [7, с. 10]; в свою очередь Е. В. Шимбарева под корпоративным конфликтом подразумевает *«комплекс корпоративных правоотношений, сопровождающихся конфликтом интересов корпорации, участников корпорации, должностных лиц органов управления, объектом которого выступает корпоративный контроль»* [8, с. 10]. Г. А. Авилов, Е. А. Суханов полагают, что *«корпоративные конфликты выступают разновидностью юридических конфликтов. Наряду с указанным корпоративные конфликты имеют определенные особенности, которые определяются имеющейся специфической соответствующих корпоративных правоотношений»* [9, с. 10].

Несмотря на данные научным сообществом рассматриваемому понятию различные формулировки, следует отметить их одно общее с судебной практикой, заключающееся в том, что обобщающей характеристикой корпоративного конфликта по сути является «разногласие», возникающее между участниками корпоративных правоотношений.

Вместе с тем логическим следствием любого неурегулированного корпоративного конфликта является корпоративный спор, разрешаемый, как правило, в судебном порядке. Арбитражное и процессуальное законодательство России синхронно в регламентировании понятия корпоративный спор, и определяет, что такие споры связаны с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, следующее из ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ и п. 8 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ соответственно.

Получается, что с точки зрения закона, корпоративный конфликт входит в понятие корпоративный спор, поскольку данная категория споров включает в себя их разрешение и лишь таковыми не ограничивается.

Исследование действующего законодательства показывает, что в отличие от корпоративного спора, корпоративный конфликт прямого нормативного регулирования не имеет, несмотря на широко распространенное применение этого понятия в действующей судебной практике, в частности Верховного Суда РФ [10, с. 11].

Представляется, что это является серьезным упущением законодателя, исключая возможность судов, участников корпоративных правоотношений и практикующих юристов исчерпывающе толковать и применять на практике понятие «корпоративный конфликт» как обособленное явление, само по себе являющееся существенным обстоятельством, способным предрешить исход судебного дела.

Так, в одном из арбитражных дел, установление наличия корпоративного конфликта между участниками судебного спора, явилось основанием для отмены Вер-

ховным Судом РФ судебных актов нижестоящих судебных инстанций, с отправлением дела на новое рассмотрение, в обоснование чего надзорной инстанцией было отмечено: *«в связи с тем, что судами не были исследованы все обстоятельства настоящего спора, связанные с наличием в обществе корпоративного конфликта и восстановлением компанией корпоративного контроля в обществе, нарушенного одним из участников общества, необходимые для правильного рассмотрения настоящего спора»* [12, с. 11]. В рассматриваемом споре заявлялось о признании совершенной обществом сделки купли-продажи недвижимости ничтожной и с учетом данных разъяснений Верховного Суда РФ при новом рассмотрении арбитражные суды иск удовлетворили, положив в основу принятых судебных актов установленный факт корпоративного конфликта, исключающего наличие полномочий у Общества на совершение спорного договора. Сам корпоративный конфликт подтверждался вступившими в законную силу судебными актами, согласно которым истинное волеизъявление на совершение оспариваемого договора отсутствовало [13, с. 11]. В других экономических спорах установление корпоративного конфликта также определяющим образом влияло на исход рассмотрения дел, в обоих случаях получивший соответствующую процессуальную оценку у Верховного Суда РФ [14, с. 11; 15, с. 11].

Во всех трех упомянутых случаях установления Верховным Судом РФ корпоративного конфликта в споре, таковой вывод находил свое подтверждение на основе ранее вступивших в законную силу судебных актов по корпоративным спорам.

В других случаях суды используют термин «корпоративный конфликт» при установлении факта разногласий между участниками в вопросе управления обществом, при этом отмечается, что имеющиеся между участниками разногласия по управлению хозяйственным субъектом, при отсутствии доказанности существенности противоправного поведения одного из них, не может являться основанием для разрешения корпоративного конфликта в судебном порядке [16, с. 11].

Согласно правовой позиции, изложенной в п. 7 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.), само по себе наличие корпоративного конфликта как такового не является бесспорным основанием, определяющим его исход, поскольку превалирующее значение будет иметь доказанность факта существенности противоправных действий, совершенных участниками этого конфликта.

Так или иначе, беря за основу изложенное, можно сделать вывод о том, что корпоративный конфликт по своей сути есть производное корпоративного контроля, в виде возникающих на базе последнего разногласий между его участниками (бывшими участниками), в комплексе способные повлечь за собой инициирование корпоративного спора.

2. Особенности и характерные черты корпоративного конфликта

Арбитражная правоприменительная практика последних лет показывает, что суды уделяют особое внимание к установлению факта корпоративного конфликта в обществе (длительность, участники, действия, сделки, споры и т.д.) пос-

кольку, как правило, это предшествует совершению в дальнейшем противоправных действий, реализуемых его недобросовестными участниками и вытекающие в конечном итоге в судебный спор. Восстанавливая полную хронологию событий и действий, суды тем самым обеспечивают наиболее полное и всестороннее рассмотрение дела, зачастую включающие в себя взаимосвязанные преюдициальные судебные акты (см., например: определения Верховного Суда РФ от 16 июня 2023 г. № 305-ЭС22-29647 по делу № А40-286306/2021, от 8 августа 2023 г. № 304-ЭС23-7039 по делу № А45-35407/2021, от 28 сентября 2022 г. № 305-ЭС22-12747 по делу № А40-14621/2021, от 9 января 2023 г. № 308-ЭС20-20928 по делу № А63-18419/2019, от 31 октября 2022 г. № 308-ЭС20-15462 по делу № А63-25584/2018).

В таких случаях корпоративный конфликт по своей сути выступает обстоятельством, подлежащим самостоятельному исследованию и оценке у судов, что, на наш взгляд, само по себе является актуальным для закрепления в разъяснениях Верховного Суда РФ в целях обеспечения правовой определенности в соответствующей категории дел.

Еще к одной из особенностей разрешения корпоративных конфликтов следует отнести применяемый судами при рассмотрении корпоративных споров принцип «эстоппель», заключающийся в противоречивом поведении лица относительно своих же ранее зафиксированных действий. Так, имеются случаи, когда суды сопоставляют поведение участника корпоративного спора в рамках корпоративных правоотношений между ним, обществом и другими участниками с существом спора, с тем учетом, чтобы оно не было противоположным его позиции по делу. В противном случае в защите прав такому лицу может быть отказано (см., например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 ноября 2019 г. № Ф05-21295/2017 по делу № А40-19160/2016; определение Верховного Суда РФ от 28 июля 2021 г. № 309-ЭС21-11444 по делу № А50-33850/2019; решение Суда по интеллектуальным правам от 25 марта 2024 г. по делу № СИП-1227/2023; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27 декабря 2021 г. № Ф09-8986/21 по делу № А60-3716/2021).

Из этого следует умозаключение о том, что действия участников корпоративных правоотношений подразумевает помимо их добросовестности, еще и последовательность, отсутствие которой способно привести к исключению возможности защиты корпоративных прав.

Также к одной характерной и отличительной черте корпоративного конфликта следует отнести то, что это явление непосредственно и практически неразрывно связано с корпоративным контролем, понятием, также прямо не урегулированным законодателем. Более того, на сегодняшний момент ни у ученых цивилистов [17, с. 11], ни у судейского сообщества [18, с. 11] единого общего подхода к данному понятию не имеется, что систематически выступает в научном сообществе темой для дискуссий.

Подтверждением неразрывности понятий корпоративный контроль и корпоративный конфликт служит содержание двух базовых норм, несущих взаимоисключающий характер, первая из которых направлена на восстановление корпоративного контроля (ч. 3 ст. 65.2 ГК РФ), а вторая на его лишение (абз. 4 ч. 1 ст. 67 ГК РФ).

Основанием для реализации специальных способов защиты, предусмотренных данными статьями в обоих случаях, является установление судом факта совершения неправомерных действий при реализации корпоративного контроля одним участником – ответчиком против другого участника – истца либо хозяйственного общества, т.е. корпоративный конфликт как явление распространяется лишь на участников хозяйственного субъекта, либо его бывших участников в случае восстановления ими корпоративного контроля. Данное утверждение также нашло свое подтверждение в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 29 января 2024 г. № Ф05-33928/2023 по делу № А40-165975/2022.

Заключение

Подводя итог настоящему исследованию, представляется, что корпоративный конфликт является значимым в отечественном праве понятием, и существенным обстоятельством при рассмотрении судебного дела, в обязательном порядке подлежащий отдельному самостоятельному изучению судом при рассмотрении корпоративного спора.

Исходя из изложенного следует резюмировать, что под понятием «корпоративный конфликт» в российском праве следует подразумевать разногласия, в том числе разрешаемые в судебном порядке, между действующими либо бывшими участниками (акционерами) хозяйственного субъекта, предметом которого является корпоративный контроль, в комплексе подпадающие под классификацию «корпоративный спор», результат рассмотрения которого неразрывно связан с доказанностью существенности противоправных действий совершенных ответчиком.

Закрепление законодателем понятия «корпоративный конфликт» в нормах права способно внести определенную и исчерпывающую ясность при его применении в практике всем юридическим сообществом.

Пристатейный библиографический список

1. Бандурина Н. В. Правовое регулирование корпоративного договора в контексте корпоративной культуры акционерного общества // Пролог: журнал о праве. 2021. № 4.
2. Бизнес отходит от шока. О чем говорит растущий индекс конфликтности деловой среды // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6147918?ysclid=lxkd9gso32953703365> (дата обращения: 01.04.2024).
3. Эксперты отметили рекордный уровень конфликтности в российском бизнесе // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/business/08/06/2021/60bef12a9a79474603ad5e40> (дата обращения: 01.04.2024).
4. Заработок российского бизнеса вырос на треть. С чем это связано // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/03/2024/65e9af349a7947620b03a03b?ysclid=lxkdf47352781814813> (дата обращения: 01.04.2024).
5. Росстат оценил рост ВВП в 2023 году в 3,6 процента // Министерство финансов РФ : сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38851-rosstat_otsenil_rost_vvp_v_2023_godu_v_36_protSENTa&ysclid=lxkdio2kkh145020751 (дата обращения: 01.04.2024).

6. Шиткина И. С. Корпоративное право : учебный курс. М. : Статут, 2018.
7. Никологорская Е. И. Урегулирование корпоративных конфликтов в акционерных правоотношениях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7.
8. Шимбарева Е. В. Корпоративные конфликты и контроль: гражданско-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010.
9. Авилов Г. А., Суханов Е. А. Юридические лица в современном российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 1.
10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».
11. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 октября 2022 г. № 305-ЭС22-12747 по делу № А40-14621/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 декабря 2023 г. № Ф05-6910/2022 по делу № А40-14621/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Верховного Суда РФ от 8 августа 2023 г. № 304-ЭС23-7039 по делу № А45-35407/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Верховного Суда РФ от 25 мая 2022 г. № 309-ЭС22-6669 по делу № А76-47511/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Определение Верховного Суда РФ от 31 октября 2022 г. № 308-ЭС20-15462 по делу № А63-25584/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Тужилова-Орданская Е. М. Корпоративный контроль: основные теоретические подходы // Гражданское право. 2022. № 5.
18. Суслин А. Н. Правовая характеристика корпоративного контроля в Российской Федерации: вопросы теории и практики // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 10А.

References

1. Bandurina N. V. Legal Regulation of a Corporate Agreement in the Context of the Corporate Culture of a Joint-Stock Company. *Prologue: Journal on Law*, 2021, no. 4. (In Russ.)
2. Business Is Recovering from the Shock. What Does the Growing Index of Conflict in the Business Environment Indicate. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6147918?ysclid=lxkd9gso32953703365> (date of the application: 01.04.2024). (In Russ.)
3. Experts Noted a Record Level of Conflict in Russian Business. URL: <https://www.rbc.ru/business/08/06/2021/60bef12a9a79474603ad5e40> (date of the application: 01.04.2024). (In Russ.)
4. Earnings of Russian Businesses Have Grown by a Third. What Is the Reason for This. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/03/2024/65e9af349a7947620b03a03b?ysclid=lxkdf47352781814813> (date of the application: 01.04.2024). (In Russ.)
5. Rosstat Estimated GDP Growth in 2023 at 3.6 Percent. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38851-rosstat_otsenil_rost_vvp_v_2023_godu_v_36_protenta&ysclid=lxkdio2kkh145020751 (date of the application: 01.04.2024). (In Russ.)

6. *Shitkina I. S.* Corporate Law: Training Course. Moscow: Statut, 2018. (In Russ.)
7. *Nikologorskaia E. I.* Settlement of Corporate Conflicts in Shareholder Legal Relations. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2007, no. 7. (In Russ.)
8. *Shimbareva E. V.* Corporate Conflicts and Control: Civil Law Aspect: Thesis for a Candidate Degree in Historical Sciences. Rostov-On-Don, 2010. (In Russ.)
9. *Avilov G. A., Sukhanov E. A.* Legal Entities in Modern Russian Civil Law. *Civil Law Review*, 2006, no. 1. (In Russ.)
10. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2023), Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 26, 2023 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
11. Generalization of Judicial Practice on Corporate Disputes on the Provision of Information by Business Entities, Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 15, 2023 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
12. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of October 25, 2022 No. 305-ES22-12747 in case No. A40-14621/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
13. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of December 11, 2023 No. F05-6910/2022 in case No. A40-14621/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
14. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of August 8, 2023 No. 304-ES23-7039 in case No. A45-35407/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
15. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of May 25, 2022 No. 309-ES22-6669 in case No. A76-47511/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
16. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 2022 No. 308-ES20-15462 in case No. A63-25584/2018 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
17. *Tuzhilova-Ordanskaia E. M.* Corporate Control: Main Theoretical Approaches. *Civil Law*, 2022, no. 5. (In Russ.)
18. *Suslin A. N.* Legal Characteristics of Corporate Control in the Russian Federation: Issues of Theory and Practice. *Issues of Russian and International Law*, 2023, vol. 13, no. 10A. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. Н. Суслин – аспирант, заместитель генерального директора по правовым вопросам АО «СИБПРОМКОМПЛЕКТ».

Information about the author:

A. N. Suslin – Postgraduate Student, Deputy Director General for Legal Affairs of SIB-PROMCOMPLANT JSC.

Статья поступила в редакцию 16.06.2024; одобрена после рецензирования 26.09.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 16.06.2024; approved after reviewing 26.09.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 343.985.7

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-142-151>

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПРАВО БЕЗОПАСНОГО ТРУДА

Павел Денисович Филеткин

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

Fillimon.and.den@gmail.com

Аннотация

Расследование преступных посягательств на право безопасного труда – это сложный процесс, который должен позволять устанавливать обстоятельства, знание которых способно подтвердить или опровергнуть факт совершения преступления. Сложность этого процесса состоит в том, что информация, которая становится доступной следователю, не является самоочевидной. Кроме того, придерживаясь традиционных методологических подходов, применяемых при формулировании методик расследования иных преступлений, остаются неустановленными отдельные, важные для доказывания обстоятельства. Это обстоятельства производственного процесса, в ходе которого имел место несчастный случай. Решение данной методологической проблемы возможно принятием концепции, в соответствии с которой на ход качественного расследования оказывает влияние не только механизм совершенного преступления, но и особенности процесса производства продукции и услуг, который был нарушен действиями определенных лиц. Это определило цель исследования, которое было положено в основу предлагаемой вниманию статьи, – установление значения знаний о процессе производства продукции и услуг для выявления обстоятельств, имеющих отношение к восстановлению картины совершенного преступного посягательства на право безопасного труда в ходе проводимого расследования. В ходе проведения исследования были использованы методы: диалектического материализма, синтеза и анализа, дедукции и индукции, а также специальные методы криминалистики: криминалистического моделирования и системно-деятельностный. На основании проведенного исследования был

сделан вывод о том, что качественное расследование преступных посягательств на право безопасного труда невозможно без установления особенностей производственного процесса, нарушение которого повлекло вредные последствия.

Ключевые слова: преступное посягательство на право безопасного труда; расследование; специальные знания; судебная экспертиза; концепция расследования; несчастный случай; выявление преступления; доказывание.

Для цитирования: Филеткин П. Д. Концептуальная основа расследования преступных посягательств на право безопасного труда // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 142–151. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-142-151>

Research Article

THE CONCEPTUAL BASIS FOR THE INVESTIGATION OF CRIMINAL ENCROACHMENTS ON THE RIGHT TO SAFE WORK

Pavel D. Filetkin

Ogarev National Research Mordovian State University, 68 Bolshevistskaia St.,
Saransk, 430005, Russia

Fillimon.and.den@gmail.com

Abstract

The investigation of criminal encroachments on the right to safe work is a complex process that should allow you to establish circumstances, knowledge of which can confirm or deny the fact of a crime. The complexity of this process lies in the fact that the information that becomes available to the investigator is not self-evident. In addition, adhering to traditional methodological approaches used in the formulation of methods of investigation of other crimes, certain circumstances important for proving remain unidentified. These are the circumstances of the production process during which the accident occurred. The solution to this methodological problem is possible by adopting a concept according to which the course of a qualitative investigation is influenced not only by the mechanism of the crime committed, but also by the specifics of the production process of products and services that were violated by the actions of certain persons. This determined the purpose of the study, which was the basis for the proposed article – to establish the importance of knowledge about the produc-

tion process of products and services in order to identify circumstances relevant to restoring the picture of a criminal encroachment on the right to safe work during the ongoing investigation. During the research, the following methods were used: dialectical materialism, synthesis and analysis, deduction and induction, as well as special methods of criminology: forensic modeling and system-activity. Based on the conducted research, it was concluded that a qualitative investigation of criminal encroachments on the right to safe work is impossible without establishing the specifics of the production process, the violation of which entailed harmful consequences.

Keywords: criminal encroachment on the right to safe work; investigation; special knowledge; forensic examination; the concept of investigation; accident; crime detection; proof.

For citation: *Filetkin P. D. The Conceptual Basis for the Investigation of Criminal Encroachments on the Right to Safe Work. Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 1, pp. 142–151. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-142-151>

Введение

Успех расследования каждого конкретного преступления зависит от той концепции, которой будет придерживаться следователь. Правильный выбор концепции – это качество расследования уже с первых его шагов, гарантия избежать ошибок, которые могут оказаться непоправимыми. Концепция имеет методологическое значение, поскольку предопределяет весь ход расследования и позволяет прогнозировать появление и действие всех наиболее значительных факторов, в том числе и противодействие со стороны лиц, которые не желали бы, чтобы правоохранительным органам открылась истина [1, с. 142]. Концепция расследования – это суть всего методологического подхода к решению комплекса проблем, обусловленных расследованием преступлений определенного вида. Она состоит в той закономерности, которая лежит в основе методологии расследования преступлений конкретного вида [2, с. 697]. Эта закономерность позволяет понять особенности, которые должны быть учтены при проведении расследования, поскольку только в этом случае можно рассчитывать на то, что будут установлены обстоятельства, позволяющие восстановить реально имевшие место события [3, с. 7]. Знание этой закономерности позволяет следователю увидеть перспективу расследования еще до его начала. Она позволяет определить источники информации, использование которых может оказать помощь в процессе изобличения виновных в совершении преступления лиц.

В наличии такой концепции заключается специфика расследования преступных посягательств на право безопасного труда. Так, для всех преступлений действует закономерность, состоящая в том, что организация и ход расследования, претендующего на успех, обусловлены механизмом совершения расследуемого преступления. Расследования не может быть если отсутствует преступление, а потому расследование обусловлено совершенным преступлением. Правда из этого

имеется вполне очевидное изъятие: искусно скрытое и не обнаруженное из-за этого преступление не влечет за собой расследования. Но это изъятие скорее относится к проблеме выявления и раскрытия преступлений, чем отражает названную закономерность обусловленности расследования совершенным преступлением. Данная закономерность проявляется в методологии расследования преступных посягательств на право безопасного труда. Однако для расследования этих преступлений концепция состоит не только во взаимосвязи между преступлением и его расследованием, но и во взаимосвязи между преступлением и теми правовыми отношениями, которые были нарушены или поставлены под угрозу этим преступлением. Исходя из этой закономерности следователь должен при расследовании принимать во внимание не только особенности механизма совершения преступления, но и нормативно определенный порядок тех отношений, которые были нарушены этим преступлением.

1. Влияние особенностей производственного процесс на механизм совершения преступных посягательств на право безопасного труда

По своей природе преступное посягательство на право безопасности труда часто представляет собой невыполнение или недолжное выполнение тех действий, которые должны были быть выполнены с соблюдением определенного качества [4, с. 95]. Тем самым нарушается определенное требование техники безопасности. Часто мотивом, по которому такое нарушение совершается, является стремление упростить производственный процесс, тем самым его удешевив. Требования техники безопасности – это действия, которые встроены в производственный процесс, но которые могут не влиять на качество оказываемой услуги или качество произведенного продукта. Эти требования преследуют единственную цель – сделать труд безопасным. Это хорошо понимают, как работники, так и работодатели, а потому иногда ради снижения затрат идут на отказ от выполнения отдельных требований техники безопасности. В этом они видят оптимизацию производства, а вовсе не преступное посягательство на право безопасного труда. Тем более, что далеко не всегда конкретное нарушение техники безопасности с неизбежностью влечет за собой вредные последствия. Для этого бывает необходимым не только нарушение, но и определенное случайное стечение обстоятельств. При этом причиной выступает все же нарушение техники безопасности, а случайное стечение неблагоприятных обстоятельств – это условие, при наличии которого наступают вредные последствия.

Действия, обеспечивающие безопасность труда, являются частью производственного процесса, а потому понять нарушение техники безопасности вне производственного процесса достаточно сложно, а в некоторых случаях просто невозможно. Наряду с названными действиями по обеспечению безопасности труда, могут быть также и такие действия, которые важны, как для безопасности труда, так и для производственного процесса. Это связано с тем, что нарушение производственного процесса может отражаться не только на качестве производимых услуг или продукции, но и на безопасности тех лиц, которые вовлечены в этот процесс. К примеру, в некоторых случаях особенности отдельных производств пред-

полагают, что их нарушение может привести к такой аварии, которая поставит под угрозу не только его материальную составляющую, но и жизнь и здоровье людей. Поэтому для того, чтобы понять механизм преступного посягательства на право безопасного труда необходимо знание не только техники безопасности, но и всего производственного процесса. Тем более, что это позволит отграничить виновные действия от стечения случайных обстоятельств, предвидеть которые было невозможно. При этом важно понять, насколько фатальным было соответствующее нарушение производственного процесса и могло ли оно привести к вредным последствиям, или эти последствия стали следствием других причин. То есть для установления истины необходимо иметь представление не только о механизме совершения преступления, но и о производственном процессе. Необходимо знать то, как должен быть организован и исполнен производственный процесс и как он осуществляется в реальности. Это связано с тем, что идеал и реальность его реализации далеко не всегда одно и то же. Практика производства часто отличается от того, каким производство должно быть в реальности. Это является следствием названной концепции, которая лежит в основе расследования преступных посягательств на право безопасного труда.

Необходимо отметить то, что особенности производственной деятельности могут влиять на ход расследования не только опосредованно – через механизм совершения преступления, но и непосредственно. Знание конкретного производственного процесса позволяет определить источники, из которых можно получить значимую для проводимого расследования информацию. Это влияет на выбор следователем тактики, как всего расследования, так и в проведении отдельных процессуальных действий. Позволяет ему определить то, какие действия он должен провести неотложно, чтобы предупредить возможность исчезновения следов или искажения соответствующей, важной для установления истины информации. Отдельные следы и информация могут быть безвозвратно утрачены вследствие воздействия на них производственных факторов, которые не имеют отношения к противодействию со стороны какого-либо лица. Так, новый цикл производственного процесса часто уничтожает следы предыдущего, оставляя новые, которые уже не имеют отношения к совершенному преступному посягательству на право безопасного труда. Поэтому со стороны следователя должно быть оперативное реагирование на сообщение, в котором содержится указание на совершение преступного посягательства на право безопасного труда. Он должен максимально быстро предпринять действия, с помощью которых он может закрепить все те следы, которые могут быть использованы в процессе последующего доказывания события преступления и причастности к нему соответствующего лица. В отдельных случаях он также должен предпринять меры к остановке производственного процесса для того, чтобы было время обнаружить все значимые для расследования следы и зафиксировать их, предусмотренным законом способом, а также для того, чтобы предотвратить возможность наступления новых вредных последствий. Таким образом, особенности конкретного производственного процесса влияют на особенности расследования преступных посягательств на право безопасного труда.

Сам производственный процесс не является источником информации, которую можно в последующем использовать для изобличения виновных в совершении преступного посягательства на право безопасного труда. Источником такой информации является нарушение этого производственного процесса. Но, чтобы выявить следы и иную информацию о нарушении безопасности труда необходимо знать особенности производственного процесса, что позволяет отличить факторы вредного и потенциально вредного воздействия от факторов, которые таковыми лишь выглядят. Поэтому знание производственного процесса имеет ориентирующее значение, поскольку позволяет понять, где следует искать следы, которые в последующем могут быть использованы в качестве доказательств. Без этого знания следователь не имеет возможность определить тактику, которая могла бы быть успешной и обеспечить установление значимых для правосудия обстоятельств. Данное знание позволяет уже на момент начала расследования определить тот алгоритм, который является наиболее оптимальным для того, чтобы восстановить картину совершенного преступления, причем, с учетом деталей, важных для понимания механизма преступного посягательства на право безопасного труда. Для следователя важным в познании производственного процесса является выявление тех его элементов, дефект которых может привести к последствиям опасным для жизни и здоровья людей [5, с. 174]. Таким дефектом является некачественное выполнение определенных действий или вовсе их невыполнение. Поэтому знание наиболее уязвимых элементов процесса производства позволяет следователю определить, где наиболее вероятной является локализация следов. Благодаря этому имеется возможность добиться максимально возможной оптимизации проводимого расследования.

2. Значение специальных знаний для расследования преступных посягательств на право безопасного труда

Одной из проблем выявления и расследования преступных посягательств на право безопасного труда является то, что следователю достаточно сложно понять производственный процесс и, соответственно, его нарушения. Следователь обладает юридическими знаниями, которые не являются специальными, а потому не могут помочь в понимании технических особенностей соответствующего производственного процесса [6, с. 214]. Для этого необходимо привлечение специалистов в сфере обеспечения требований техники безопасности труда. То есть необходимо привлечение лица, обладающего специальными техническими знаниями, которых нет у следователя [7, с. 21]. Этим, в частности, объясняется то, что к выявлению преступных посягательств на право безопасного труда привлекаются специальные органы, которые специализируются на выявлении случаев нарушения правил безопасности труда. Одним из таких органов является комиссия по расследованию несчастных случаев, создаваемая на основании ст. 229 ТК РФ. Данная комиссия создается в связи с произошедшим несчастным случаем, каковым является причинение вреда здоровью, а также смерть. Эта комиссия является коллегиальным органом, который формируется посредством привлечения в него лиц, обладающих специальными знаниями в сфере безопасности труда [8,

с. 14]. При этом привлекаются специалисты, которые представляют разные интересы, в частности, привлекается представитель работодателя и представитель профсоюзной организации, которая представляет интересы работника. Помимо этих лиц привлекаются и другие, которые в силу своего должностного положения обладают необходимыми специальными знаниями в сфере безопасности труда [9, с. 87]. Коллегиальный характер проводимого исследования конкретного несчастного случая обеспечивает объективность той картины, которая восстанавливается в результате проводимого названной комиссией расследования. Результаты работы названной комиссии позволяют выявить преступные посягательства на право безопасного труда.

Особенностью работы комиссий по расследованию несчастных случаев является то, что принимается во внимание прежде всего производственный процесс со всеми его особенностями, которые обеспечивают качество соответствующих услуг и продукции, а также безопасность труда [10, с. 127]. Это обеспечивается тем, что должностные лица, которые в нее входят, обладают необходимыми техническими знаниями, чтобы создать для себя достаточно полное представление об особенностях производственного процесса. В связи с пониманием этого процесса они имеют возможность установить то, какой вред могли причинить допущенные нарушения. Таким образом, они, отталкиваясь от знания производственного процесса, устанавливают тот механизм, который был вызван совершенными нарушениями и привел к причинению вреда. Ими устанавливается причинно-следственная связь, которая исключает возможность наступления вреда случайным стечением обстоятельств. На основе знания особенностей производственного процесса исследуются те нарушения, которые были допущены. При этом принимаются во внимание и производственные факторы, которые также могли самостоятельно повлиять на наступление вредных последствий. В отдельных случаях несчастный случай может быть следствием стихийных сил, которые достаточно сложно предвидеть, а потому и предотвратить. К примеру, это могут быть определенные природные катаклизмы.

Концепция, лежащая в основе расследования преступных посягательств на право безопасного труда, предполагает необходимость максимально полного исследования производственного процесса. Важно, чтобы в поле зрения расследования была не только общая картина совершенного преступления, но и детали, от которых зависело наступление вредных последствий. Некоторые из этих деталей, могут указать на значимые обстоятельства имевшего место преступного посягательства. В связи с этим, важно не только исследовать производственный процесс с точки зрения соблюдения техники безопасности, но и с точки зрения наличия технологических особенностей соответствующего производственного процесса. Это необходимо для того, чтобы понять не был ли несчастный случай результатом невиновного схода в производственном процессе или результатом действия факторов, появление которых нельзя было предугадать. Установить это нельзя только с помощью привлечения специальных знаний по технике безопасности, для этого необходимо привлечение специальных знаний конкретного производственного процесса. Эти знания должны привлекаться в ходе проводимого расследования

в форме привлечения специалиста, в качестве участника уголовного процесса, и в форме судебной экспертизы. Первая из названных форм позволяет следователю организовать и провести соответствующие следственные действия так, чтобы получить достоверные доказательства, относящиеся к предмету проводимого расследования. Вторая – позволяет получить значимое для осуществления уголовного правосудия доказательство – заключение экспертизы, которая дает ответ на вопросы, связанные с механизмом наступления несчастного случая [11, с. 57]. Обе названные формы привлечения специальных знаний являются эффективными средствами постижения следователем обстоятельств соответствующего несчастного случая. Они позволяют сделать вывод о виновном характере наступления вредных последствий.

Судебной экспертизой, основанной на привлечении специальных знаний производственного процесса, является судебная инженерно-технологическая экспертиза. Она проводится для того, чтобы получить ответы на вопросы, которые встали в ходе проводимого расследования относительно определенного производственного процесса. Это, по преимуществу вопросы относительно тех технических операций, которые выполняются или должны выполняться в ходе производства соответствующей услуги или продукта. Она позволяет выяснить вопросы, связанные с применением оборудования, насколько оно способно оптимизировать процесс производства, насколько его износ влияет на качество производимой продукции или услуг, насколько эффективно оно используется в ходе производственного процесса. Также данная экспертиза дает ответы на вопросы относительно характеристики различных узлов и агрегатов, используемых в процессе производства. Перед данной экспертизой ставятся и иные вопросы, которые связаны с особенностями конкретного расследования и конкретного производственного процесса. Ответы на эти вопросы позволяют обеспечить целостность картины совершения преступного посягательства на право безопасного труда. Опираясь на полученное благодаря этой судебной экспертизе знание, следователь имеет возможность получить полную и всестороннюю картину имевшего место преступного посягательства.

Заключение

Концепция, лежащая в основе расследования преступных посягательств на право безопасного труда и состоящая в том, что постижение истины по данным уголовным делам не ограничивается установлением обстоятельств совершения названного преступления, а предполагает обязательное выяснение особенностей соответствующего производственного процесса, в ходе которого имели место нарушения безопасности труда, предопределяет те процессуальные действия и порядок их проведения, которые способны обеспечить воссоздание картины имевшего место в реальности события. Данная концепция является стержнем, знание которого позволяет формулировать рекомендации, гарантирующие эффективность действий следователя.

Пристатейный библиографический список

1. Подольная Н. Н. Основы алгоритмизации выявления, раскрытия и расследования должностных преступлений коррупционной направленности // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 1 (29).
2. Подольный Н. А. Криминалистическая методика расследования: значение ее отдельных видов для установления обстоятельств совершения преступления // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2023. Т. 33. № 4.
3. Подольный Н. А. Значение классификации криминалистических методик для оптимизации расследования преступлений // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2023. № 2 (22).
4. Бессонов В. А., Наметкин Д. В. Процессуальный контроль за выявлением и расследованием преступлений в сфере безопасности и охраны труда // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53).
5. Подольный Н. А. Криминалистическая профилактика преступлений // Юрист-Правоведъ. 2024. № 2 (109).
6. Подольный Н. А. Разумный срок получения заключения эксперта на стадии возбуждения уголовного дела // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4 (66).
7. Подольный Н. А. Критерий разумности срока получения заключения эксперта как требование по обеспечению качества проверки сообщения о преступлении // Эксперт-криминалист. 2024. № 1.
8. Сорокина В. М. Особенности российского законодательства в расследовании несчастных случаев на производстве // Юридический факт. 2018. № 37.
9. Сираканян А. Р. Участие специалистов в осмотре места происшествия при расследовании преступлений, связанных с нарушением требований охраны труда и техники безопасности // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2020. № 3.
10. Цыцылина Т. Л., Блинкова Е. А. Проблемы проведения расследования несчастных случаев на производстве // Вестник ВИЭПП. 2019. № 2.
11. Бородин В. В., Сираканян А. Р. Экспертизы по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности: теория и практика // Социология и право. 2020. № 3 (49).

References

1. Podolnyi N. A. Fundamentals of Algorithmization of Detection, Disclosure and Investigation of Official Crimes of a Corruption Nature. *Science. Society. State*, 2020, vol. 8, no. 1 (29). (In Russ.)
2. Podolnyi N. A. Forensic Investigation Methodology: The Importance of its Individual Types for Establishing the Circumstances of a Crime. *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2023, vol. 33, no. 4. (In Russ.)

3. Podolnyi N. A. The Importance of Classification of Forensic Methods for Optimizing Crime Investigation. *Problems of Criminal Procedure, Forensic Science and Forensic Examination*, 2023, no. 2 (22). (In Russ.)
4. Bessonov V. A., Nametkin D. V. Procedural Control Over the Detection and Investigation of Crimes in the Field of Safety and Labor Protection. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1 (53). (In Russ.)
5. Podolnyi N. A. Forensic Crime Prevention. *Lawyer*, 2024, no. 2 (109). (In Russ.)
6. Podolnyi N. A. Reasonable Time Frame for Obtaining an Expert Opinion at the Stage of Initiating a Criminal Case. *The Rule of Law: Theory and Practice*, 2021, no. 4 (66). (In Russ.)
7. Podolnyi N. A. The Criterion for the Reasonableness of the Time Frame for Obtaining an Expert Opinion as a Requirement to Ensure the Quality of Verification of a Crime Report. *Forensic Expert*, 2024, no. 1. (In Russ.)
8. Sorokina V. M. Features of Russian Legislation in the Investigation of Industrial Accidents. *Legal Fact*, 2018, no. 37. (In Russ.)
9. Sirakanian A. R. Participation of Specialists in the Inspection of the Scene During the Investigation of Crimes Related to the Violation of Labor Protection and Safety Requirements. *Works of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy*, 2020, no. 3. (In Russ.)
10. Tsytilyna T. L., Blinkova E. A. Problems of Conducting an Investigation of Accidents at Work. *Bulletin of VIEPP*, 2019, no. 2. (In Russ.)
11. Borodin V. V., Sirakanian A. R. Expertise in Cases of Crimes Related to Violation of Labor Protection and Safety Rules: Theory and Practice. *Sociology and Law*, 2020, no. 3 (49). (In Russ.)

Сведения об авторе:

П. Д. Филеткин – специалист по работе с молодежью департамента по молодежной политике.

Information about the author:

P. D. Filetkin – Specialist in Youth Work at the Department of Youth Policy.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 22.10.2024; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-152-160>

РОЛЬ МОНАРХА В ЦЕРКОВНОМ ПРАВОСУДИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII В.

Марина Андреевна Белоусова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

marina.a.belousova@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о том, предоставлял ли титул главы Российского государства в XVIII в. также полномочия в сфере церковного правосудия, и в какой мере императоры пользовались этими полномочиями. Актуальность исследования обуславливается недостаточной изученностью истории церковного суда в России XVIII в. и, в особенности, роли монарха в духовном правосудии. В работе использованы исторический и логический, а также сравнительный и историко-правовой методы. Сделан вывод о том, что монарх благодаря своему особому положению в Русской Православной церкви XVIII в. не просто имел возможность отправлять церковное правосудие, являясь экстраординарным звеном судебной системы, но и мог ставить себя выше церковного права в интересах собственных представлений о государственной целесообразности.

Ключевые слова: церковный суд; император; Русская Православная церковь; судебная система; история правосудия; Глава Церкви.

Для цитирования: Белоусова М. А. Роль монарха в церковном правосудии Российской империи XVIII в. // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 152–160. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-152-160>

Research Article

THE ROLE OF THE MONARCH IN THE ECCLESIASTICAL JUSTICE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 18TH CENTURY

Marina A. Belousova

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
marina.a.belousova@yandex.ru

Abstract

The article deals with the question of whether the title of the head of the Russian state in the 18th century also granted powers in the sphere of ecclesiastical justice, and to what extent the emperors used these powers. The relevance of the study is conditioned by the insufficient study of the history of church court in Russia in the 18th century and, in particular, the role of the monarch in ecclesiastical justice. The work uses historical and logical, as well as comparative and historical-legal methods. It is concluded that the monarch, due to his special position in the Russian Orthodox Church of the 18th century, not only had the opportunity to administer ecclesiastical justice, being an extraordinary link in the judicial system, but could also put himself above ecclesiastical law in the interests of his own ideas of state expediency.

Keywords: church court; emperor; Russian Orthodox Church; judicial system; history of justice; Head of the Church.

For citation: *Belousova M. A. The Role of the Monarch in the Ecclesiastical Justice of the Russian Empire in the 18th Century. Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 1, pp. 152–160. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-152-160>

Введение

История церковного суда в Российской империи XVIII в. является одним из малоизученных разделов истории церковного права. Так, при всей кажущейся очевидности вопроса, в полной мере не очерчена церковно-судебная система: в научной литературе пока не определены с достаточной степенью доказанности границы компетенции органов церковного правосудия, а также форматы их взаимодействия.

В частности, обделенной вниманием исследователей оказалась фигура императора как лица, осуществлявшего церковно-судебные полномочия. Участие лично монарха в деятельности светского суда уже рассматривалось в научной литературе [1]. Статус российского монарха как участника церковного правосудия объектом отдельного исследования вовсе не становился. В данной статье предпринята попытка восполнения этого пробела.

1. Император как глава Русской Православной церкви

Вопрос роли императора в деятельности церковного суда прежде всего выводит на проблему специфики положения монарха в системе управления Русской православной церкви в XVIII в.

Здесь необходимо сделать оговорку об особенностях изучения механизма высшей власти в государстве, формой правления которого является абсолютная монархия: имеют место некоторые затруднения в связи с определением функций правителя. Полномочия абсолютного монарха, в том числе и в вопросах правосудия, не ограничивались законом, а потому не определялись в нормативных правовых актах. Этот факт создает некоторые проблемы для исследования, принуждая обратить особое внимание на политическую идеологию и практику деятельности монарха в судебной сфере.

В XVIII в. впервые в русской истории на законодательном уровне упоминается власть монарха как главы Русской Православной Церкви. В присяге Членам Духовной Коллегии (присяге, приносимой членами Святейшего Синода при вхождении в должность), которая была помещена в Духовный Регламент 1721 г., император именовался «Крайним Судией Духовной сея Коллегии». В связи с тем, что Духовная Коллегия (позднее – Святейший Синод) возглавляла всю церковную систему, это выражение автоматически читалось как «Крайний Судия» всей Русской Православной Церкви. Позднее в переписке Екатерина II назовет себя *Chef d'Eglise Grecque* (Главой Греческой Церкви) [2, с. 60].

Формально такое выражение, использованное в тексте присяги, не означало юридического закрепления статуса российского императора как главы Церкви. Однако, как уже было сказано, никакого нормативного закрепления для полномочий абсолютного монарха и не требуется. Очевидно, на протяжении всего XVIII в. император уже воспринимался подданными и видел себя как главу Церкви, а присяга или переписка являлись лишь свидетельством очевидного.

В 1797 г. Акт о престолонаследии Павла I прямо назовет российского государя Главой Церкви, однако и это упоминание было проходным, мимолетным. В документе совершенно не наблюдается пафоса новизны, который должен был бы присутствовать при установлении столь значимого факта. Поэтому следует согласиться с выводом исследователей о том, что и это было лишь официальным упоминанием обычно-правовой нормы [3, с. 261–262].

С точки зрения православия Главой Церкви является Иисус Христос (Еф.1:22), и предоставление подобного титула императору было неправильным с канонической точки зрения. Одним из первых заявил об этом церковный деятель печальной судьбы бывший митрополит Ростовский Арсений (Мацеевич). Он отказался принести присягу императрице Елизавете Петровне по форме, установленной Духовным Регламентом, именно на основании неправильности именования монарха «Крайним Судией» [4, с. 389].

Вряд ли следует видеть в формулировке присяги осознанное кощунство и попытку поставить императора на место Спасителя. При всем тяготении петровской эпохи к светскости, и Петр I, и его наследники оставались православными.

Вероятнее всего, то, что российские императоры в XVIII в. оказались во главе РПЦ и, как следствие, церковного суда, объясняется двумя тенденциями: с одной

стороны, усилившейся в XVII в. сакрализацией монарха по византийскому образцу, воплощенной во власти царя (императора) над всей церковной системой и придании ему архиерейских правомочий, а с другой стороны – установлением статуса монарха как главы Церкви по примеру протестантских государств.

Данную проблему серьезно разработал Б. А. Успенский. В трудах, посвященных семиотике истории, ученый показал, что, хотя на уровне восприятия проводимые Петром I преобразования выглядели как оскорбление для православных подданных, на самом деле они во многом являлись продолжением тенденции предыдущего правления по полному подчинению Церкви воле монарха, как это имело место в Византии [3, с. 228]. Как отмечает протоиерей Валентин Асмус, фактически Петр действовал в рамках идеи «симфонии», разработанной византийским императором Юстинианом I и легитимизировавшей широкие полномочия монарха в церковной сфере, отсутствие жесткого разграничения между священством и царством [5, с. 38]. В ходе исторического развития Византийского государства сформировалось негласное правило, согласно которому при противоречии номоса (государственного закона) и канона (церковного предписания) предпочтение могло отдаваться номосу в порядке государственной целесообразности (*Staatsräson*) [6, с. 9].

Удивительно, что, хотя на встраивание церковного управления в общегосударственную систему и, соответственно, помещение императора во главе Церкви и церковного суда Петра вдохновил протестантский опыт, эти преобразования на глубинном уровне были движением в прежнем, византийском направлении сакрализации власти царя.

Манифестации самосознания монарха как главы Церкви можно видеть и в отмене патриаршества Петром I, и в слухах о самостоятельном причащении Павла I [7, с. 249–250]. В рамках становления этой новой функции императора вполне логичным было приобретение им полномочий высшей судебной инстанции.

Кроме того, в ходе петровских преобразований Церковь была включена в государственный механизм, а потому, в связи с отсутствием отделения суда от администрации, в определенной мере оказался включенным в общую систему российского правосудия и церковный суд.

2. Участие монарха в конкретных церковно-судебных делах

Помимо чисто ритуального оформления многих решений Синода в виде указов его (ее) императорского величества по определению Святейшего Синода, что, по всей видимости, нельзя считать настоящим участием монарха в церковном правосудии, известны случаи, когда императоры самостоятельно принимали решения по духовным судебным делам.

Одной из самых популярных категорий дел для вмешательства монарха являлись одновременно самые популярные церковно-судебные дела – по брачным вопросам [8, с. 27–28]. Особенно это касалось браков представителей высшего сословия – дворянства, семейные драмы которого разворачивались на глазах императоров и императриц или легче доносились до высочайшего слуха. Известен случай фрейлины Е. К. Разумовской, обвинявшейся с графом П. Ф. Апраксиным невзирая на наличие у того живой жены. Екатерина II, формально обещав реше-

ние по всей строгости закона, фактически посоветовала брошенной супруге удалиться в монастырь, а новый брак сохранила, что противоречило установленным нормам [9, с. 122].

Этот случай не был единичным. Еще Елизавета Петровна в менее громком деле прокурора Петра Николаева своим повелением сохранила брак при обручении невесты с другим в противность церковным правилам, а также впредь обязала Синод представлять решения по подобным делам на высочайшую конфирмацию [10, Общее приложение к собранию, № 9088a]. П. Л. Полянский отмечает, что позднее, рассматривая в 1749 г. дела о двоеженстве А. Шеншина и Щербинина, императрица обязала Синод предоставлять решения по подобным делам на утверждение монарху [9, с. 88], однако это указание было лишь повторением того же обязательства, установленного по решению дела прокурора Николаева 1744 г. [10, Общее приложение к собранию, № 9088a]. В 1752 г. императрица потребовала присылать на ее обязательное утверждение также дела по разлучению супругов, пребывающих в кумовстве [11, № 1316].

Прямое вмешательство монарха в церковно-судебные вопросы также могло быть вызвано общественным резонансом, поднимаемым преступлением. Так, Екатерина II лично занималась решением дела убийцы матери и сестры бывшего каптернамуса Алексея Жукова и его жены Варвары в 1766 г. [12, № 12600]. Хотя рассмотрение убийства подлежало светскому суду, в рамках религиозного мировоззрения убийство столь близких родственников рассматривалось в первую очередь как страшное преступление против христианской веры. «Сообщников», т.е. тех, кто был прикосновенен к преступлению, но близким родственником убитым не приходился, отдали, как и положено, в ведомство Сената для приведения в исполнение смертной казни.

Из текста манифеста о примерном наказании убийцы следует, что императрица нимало не сомневалась в своем праве наложения церковных наказаний в конкретном случае, без введения в законодательство новых норм, связанных с применением церковного покаяния. Екатерина, задумавшись, стоит ли подвергать преступников смертной казни и анафеме, запросила у «первейших духовных» (митрополита Новгородского и Великолуцкого Дмитрия, епископа Псковского Иннокентия и епископа Тверского Гавриила) справку из церковного законодательства, как следует поступать в данном случае. Посоветовавшись с архиереями, императрица назначила убийцам публичное церковное покаяние и помещение в северные монастыри под начал на 20 лет, определив конкретную меру церковного наказания, что само по себе входило компетенцию церковного суда. Более того, она разработала обряд, по которому осуществилось публичное покаяние Алексея и Варвары Жуковых.

Еще одним важным аспектом вмешательства императоров в XVIII в. в деятельность церковно-судебной власти, уже на этапе исполнения наказания, являлись «всемиловитейшие прощения» преступников (в XVIII в. понятия «помилование» и «амнистия» еще не разграничивались) монархом в честь какого-либо знаменательного события, чаще всего в честь коронационных торжеств или военных побед.

Так, в 1722 г. Петр I, освободив нескольких бывших священников и диаконов от каторжных работ, вернул им сан «для всемирной радости со Швеckoю короною

вечного мира» и отправил служить в города, присоединенные к России по итогам войны [13, № 569].

Елизавета Петровна сразу после восшествия на престол щедро простила всех «из **духовных**, военных, штатских и других чинов [выделено мной. – М.Б.]», виновных «в неисправлении должности своей и в непорядочных поступках [...] и в других винах» [14, №16] (кроме **государственных преступлений по всем трем пунктам** указа 25 января 1715 г. (*злой умысел на персону монарха или измена; возмущение или бунт; похищение казны* [15, № 2877]) и **особо тяжких партикулярных преступлений** (*разбой, кража, убийство*)). Подобная широкая амнистия, как и при Петре I, распространялась на священнослужителей, лишенных сана. Многочисленные прошения начала елизаветинского царствования завершились возвращением таковым «прощенным» священства [14, № 50, 83, 122, 155, 230].

Само по себе «прощение» преступников решением главы государства не рассматривается как вторжение в компетенцию судебной власти даже в современных условиях, когда разработана и более-менее применяется в жизнь теория разделения властей. Разумеется, никакой идеи отграничения судебной власти от иных ветвей в петровский период российского государства не проводилось.

Однако здесь следует особо обратить внимание на то, что такие помилования не ограничивались только снятием с осужденных светского наказания. Российские государи позволили себе прямое нарушение церковных правил, восстанавливая священнослужителей в сане: согласно правилам вселенских соборов и святых отец священник, раз отлученный, не может вернуться в сан (21 правило Трульского Вселенского собора; 3 правило Василия Великого), за исключением случаев, когда приговор пересматривается и признается неправосудным. В данном случае сан прощтрафившимся служителям Церкви возвращался без пересмотра приговора, а только в порядке монаршей милости. Вероятно, для Петра Великого и его дочери Елизаветы Петровны было важнее удовлетворение государственного интереса. Петру I было необходимо обеспечить насыщение новых приходов на присоединенных территориях православными пастырями, причем без отрыва действующих священников и диаконов от своих мест. Елизавета Петровна путем массового возвращения санов смогла быстро заполнить поредевшие в период правления Анны Иоанновны ряды священнослужителей, которых к началу царствования дочери Петра перестало хватать даже для минимального обслуживания церквей.

Исследователь вопросов карательно-исправительной деятельности Русской Православной Церкви А. Р. Павлушков указывает, что Петр I предоставил право духовенству подавать жалобу на высочайшее имя, «если она не будет рассмотрена духовным судом» [16, с. 72]. Судя по ориентировке автора, имеется в виду резолюция на 12 пункт докладных пунктов Святейшего Синода от 12 апреля 1722 г. [13, № 532]. Однако в этой резолюции рассматривается вопрос, напрямую не связанный с церковным судом, и уж точно не имеется разрешения на подачу челобитных императору. Напротив, повторяется запрет подачи челобитных о «партикулярных обидах». Лишь разрешается обратиться за помощью к царю, если «которая духовная персона или весь Синод во учиненной от знатного и сильного лица обиде нигде сатисфакции не получит». С учетом того, что подсудность дела еще с допетровских

времен определялась ведомственной принадлежностью ответчика, а по формулировке вопроса под «знатным и сильным лицом» явно понимался вельможа-мирянин, речь в данном пункте идет вовсе не о духовном суде, а о суде светском, от которого духовному лицу или даже Синоду не удалось добиться правды. Следовательно, хотя участие императора в церковном суде было возможно, но инициировалось лишь им самим в наиболее важных, по монаршему мнению, случаях (в порядке ревизии), а не по челобитной, которые были запрещены.

Заключение

Таким образом, в XVIII в. окончательно установилось отношение к монарху как к главе Церкви, что, естественно, подразумевало наличие полномочий в сфере церковного суда. Однако церковный суд императора, как и светский, был звеном скорее экстраординарным. В Духовном регламенте прямо указано, что высшей властью в духовной сфере обладает Святейший Синод (Духовное Правительство) и необходимо «судом его определенным довольствоваться», т.е. по общему правилу высшей инстанцией в церковном суде выступал Синод. Однако в случаях, которые монарх считал достойными своего внимания (при желании помочь конкретным лицам, ускорить затянувшееся судопроизводство, лично решить резонансное дело или по иной государственной необходимости), император мог принимать участие в решении конкретных церковно-судебных дел или полностью брать их в свои руки.

Само по себе участие монарха в процедурах церковного суда Православная Церковь не осуждала, принимая это как данность в условиях положения Церкви в качестве государственной. В условиях империи монарх даже мог ощущать свою роль хранителя православия едва ли не через принадлежность к клиру. Однако вмешательство императора, направленное не на восстановление церковного порядка, а на соблюдение государственного (или, хуже того, частного) интереса через нарушение церковных норм, разумеется, не могло позитивно оцениваться церковниками. В имперский период, по понятным причинам, прямого возмущения подобным вещам практически не проявлялось. Но позднейшие оценки исследователями из церковной среды синодального периода как времени государственного угнетения Церкви складываются в том числе из выявления подобных казусов некорректного с канонической точки зрения вмешательства императора в церковный суд.

Пристатейный библиографический список

1. Серов Д. О. Петр I как вершитель правосудия // *Cahiers du monde russe*. 2014. № 55 (1-2).
2. Лисовой Н. Н. Патриарх в Империи и Церкви // *Труды Института российской истории* / отв. ред. А. Н. Сахаров. Вып. 4. М. : Наука, 2004.
3. Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
4. Алексеев А. И. Арсений (Мацеевич) // *Православная энциклопедия*. Т. 3. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001.

5. Асмус В. (прот.). Император Петр Великий и его церковная реформа // Журнал Московской Патриархии. 2022. № 12.
6. Beck H.-G. Nomos, Kanon und Staatsraison in Byzanz // Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. 1981. Bd. 384.
7. Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб. : Азбука, 2002.
8. Нижник Н. С. «Женитьба есть, а разженитьбы нет»: о проблеме расторжения брака в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1.
9. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016.
10. Полное собрание законов Российской империи. Т. XL. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
11. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. Т. 3. СПб. : Синодальная тип., 1912.
12. Полное собрание законов Российской империи. Т. XVII. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
13. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. II. СПб. : Синодальная тип., 1872.
14. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. Т. 1. СПб. : Синодальная тип., 1899.
15. Полное собрание законов Российской империи. Т. V. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
16. Павлушков А. Р. Карательно-исправительная система Русской православной церкви в имперский период. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2014.

References

1. Serov D. O. Peter I as the Arbiter of Justice. *Cahiers du monde russe*, 2014, no. 55 (1-2). (In Russ.)
2. Lisova N. N. Patriarch in the Empire and the Church. In Sakharov A. N. (ed.). *Proceedings of the Institute of Russian History*. Vol. 4. Moscow: Nauka, 2004. (In Russ.)
3. Uspenskii B. A. Selected Works. Vol. 1: Semiotics of History. Semiotics of Culture. 2nd ed. Moscow: School "Languages of Russian Culture", 1996. (In Russ.)
4. Alekseev A. I. Arseny (Matseevich). In *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 3. Moscow: Church-Scientific Center "Orthodox Encyclopedia", 2001. (In Russ.)
5. Asmus V. (Prot.). Emperor Peter the Great and His Church Reform. *Journal of the Moscow Patriarchate*, 2022, no. 12. (In Russ.)
6. Beck H.-G. Nomos, Kanon und Staatsraison in Byzanz. *Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte*, 1981, bd. 384.
7. Uspenskii B. A. Etudes in Russian History. St. Petersburg: Azbuka, 2002. (In Russ.)

8. Nizhnik N. S. "There Is Marriage, but There Is No Divorce": On the Problem of Divorce in the Russian Empire. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 1. (In Russ.)

9. Polianskii P. L. Legal Regulation of Marital and Family Relations in Russian Society: History of the Formation of the Family Law Branch: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2016. (In Russ.)

10. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Vol. XL. St. Petersburg: II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery Printing House, 1830. (In Russ.)

11. Complete Collection of Decrees and Orders for the Department of the Orthodox Confession of the Russian Empire. The Reign of Empress Elizabeth Petrovna. Vol. 3. St. Petersburg: Synodal Printing House, 1912. (In Russ.)

12. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Vol. XVII. St. Petersburg: II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery Printing House, 1830. (In Russ.)

13. Complete Collection of Decrees and Orders on the Department of the Orthodox Confession of the Russian Empire. Vol. II. St. Petersburg: Synodal Printing House, 1872. (In Russ.)

14. Complete Collection of Decrees and Orders on the Department of the Orthodox Confession of the Russian Empire. The Reign of Empress Elizabeth Petrovna. Vol. 1. St. Petersburg: Synodal Printing House, 1899. (In Russ.)

15. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Vol. V. St. Petersburg: II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery Printing House, 1830. (In Russ.)

16. Pavlushkov A. R. Punitive and Correctional System of the Russian Orthodox Church in the Imperial Period. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2014. (In Russ.)

Сведения об авторе:

М. А. Белоусова – аспирант.

Information about the author:

M. A. Belousova – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 24.11.2024; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 24.11.2024; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 338.45

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-161-172>

ЗАКУПКИ У ЕДИНСТВЕННОГО ПОСТАВЩИКА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, РИСКИ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Михаил Алексеевич Ефимов

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

efimov.mihail@mail.ru

Аннотация

В статье поднимаются вопросы и актуальные проблемы заключения государственных и муниципальных контрактов с единственными поставщиками в условиях международных санкций. Актуальность статьи обусловлена постоянной тенденцией укрепления эффективности российской системы публичных закупок. Целью научной работы – выявить существенные особенности современных правовых изменений в системе государственных закупок у единственного поставщика в период международных санкций и как изменения повлияли на российских участников закупок. Автор использует метод анализа, синтеза и дедукции, системного и диалектического методов познания, приводит некоторые примеры и факты из судебной практики. Научная новизна исследования определяется его целью, содержанием, выявленными особенностями предмета статьи, а также сформулированными выводами. В заключение автор статьи предлагает свое видение и предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства о контрактной системе в сфере закупок для защиты национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, а также повышения устойчивости российской экономики.

Ключевые слова: государственные (муниципальные) закупки; единственный поставщик; недействительность договора; международные санкции; ответственность; судебная практика.

Для цитирования: *Ефимов М. А. Закупки у единственного поставщика в условиях международных санкций: актуальные проблемы, риски, ответственность // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 161–172. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-161-172>*

Research Article

PURCHASING FROM A SINGLE SUPPLIER UNDER INTERNATIONAL SANCTIONS: CURRENT PROBLEMS, RISKS, RESPONSIBILITIES

Mikhail A. Efimov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
efimov.mihail@mail.ru

Abstract

The article raises questions and current problems of concluding state and municipal contracts with single suppliers in the context of international sanctions. The relevance of the article is due to the constant trend of strengthening the efficiency of the Russian public procurement system. The purpose of the scientific work is to identify the significant features of modern legal changes in the system of public procurement from a single supplier during the period of international sanctions and how the changes affected Russian procurement participants. The author uses the method of analysis, synthesis and deduction, systemic and dialectical methods of cognition, and gives some examples and facts from judicial practice. The scientific novelty of the research is determined by its purpose, content, identified features of the subject of the article, as well as the formulated conclusions. In conclusion, the author of the article offers his vision and proposals for further improving the legislation on the contract system in the field of procurement to protect the national interests of the Russian Federation from external and internal threats, as well as increasing the sustainability of the Russian economy.

Keywords: state (municipal) procurement; sole supplier; invalidity of the contract; international sanctions; liability; judicial practice.

For citation: *Efimov M. A. Purchasing from a Single Supplier Under International Sanctions: Current Problems, Risks, Responsibilities. Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 1, pp. 161–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-161-172>*

Введение

Период времени с 2022 по 2024 г. войдут в историю как короткий промежуток времени, оказавший существенное влияние на российский экономический сектор. Сначала появилась новая коронавирусная инфекция (COVID-19), вызвавшая всемирную пандемию и изменившая привычный образ жизни граждан, условия работы общества и государства. Затем начались специальная военная операция и беспрецедентные международные санкции в отношении России, оказавшие и оказывающие давление на российскую экономику, в первую очередь на важное экономическое звено страны – публичные закупки.

Современные политические и экономические вызовы для страны требовали нового подхода в проведении публичных закупок, которые позволили бы обеспечить оперативное и эффективное проведение закупок для нужд государства.

1. Законодательные новеллы по упрощению системы закупок в период международных санкций

В целях обеспечения и защиты национальных интересов Российской Федерации от внешних угроз, в том числе от недружественных действий иностранных государств, объявляющих международные санкции для российской экономики, разработан новый правовой механизм по упрощению системы осуществления закупок путем принятия Федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее – Закон № 46-ФЗ).

Указанные меры упрощают для государственных заказчиков процедуру проведения закупок, предусмотрев дополнительные случаи осуществления закупок у единственного поставщика.

Названные меры позволят оперативно восстанавливать разрушенные и поврежденные объекты гражданской инфраструктуры в новых регионах России: Донецкой и Луганской народных республиках, Запорожской и Херсонских областях. Государственные заказчики смогут сразу заключать контракты с проверенными единственными поставщиками, которые смогут быстро отремонтировать школы, детские сады, больницы, либо построить новые социальные объекты. Не тратя драгоценное время на проведение долгих и энергозатратных конкурентных закупок. Указанные меры позволили оптимизировать процедуру закупок.

Такие дополнительные случаи проведения закупок с единственным поставщиком могут быть установлены Правительством РФ и органами исполнительной власти субъектов РФ путем издания ими нормативных правовых актов.

Напомню, по общему правилу государственные и муниципальные закупки совершаются конкурентными и неконкурентными способами в силу ст. 24 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) [2]. В первом случае поставщики конкурируют между собой в конкурсе (аукционе) на право заключения контракта, победителем которого признается участник закупок, который предложил лучшие условия исполнения контракта, и его заявка отвечает требованиям закона. Во втором

случае – кандидат только один, заключается закупка у единственного поставщика без проведения конкурса (аукциона). Как правило, закупки у единственного поставщика допускаются в исключительных случаях. Такие случаи осуществления закупок у единственного поставщика приведены в статье 93 Закона о контрактной системе.

В рамках реализации Закона № 46-ФЗ на федеральном уровне принято постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 339 «О случаях осуществления закупок товаров, работ, услуг для государственных и (или) муниципальных нужд у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) и порядке их осуществления» [3].

Из содержания текстов указанных нормативных актов их главной целью является повышение устойчивости российской экономики в условиях международных санкций.

На региональном уровне субъекты России начали активно принимать аналогичные акты, к примеру:

1) постановление Правительства Москвы от 9 марта 2022 г. № 344-ПП «Об установлении случаев осуществления закупок товаров, работ, услуг у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) и порядка их осуществления»;

2) постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 15 марта 2022 г. № 148 «О случаях осуществления закупок товаров, работ, услуг для государственных и (или) муниципальных нужд у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) и порядке их осуществления». В настоящее время документ утратил силу в связи с изданием постановления Правительства от 12 февраля 2024 г. № 55.

Заключать такие закупки с единственным поставщиком могут федеральные, региональные и муниципальные заказчики. Заказчиком в них от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования выступают государственный или муниципальный орган, а также бюджетное учреждение, унитарное предприятие.

2. Динамика показателей государственных закупок у единственного поставщика, риски, ответственность

После принятых региональных актов российские государственные заказчики в регионах на новых законных основаниях не только смогли заключать такие закупки с единственным поставщиками, обходя конкурентные закупки с целью противодействия международным санкциям, но и активно стали пользоваться названным механизмом. Приведу следующую подтверждающую официальную статистику.

Согласно сведениям информационного агентства «Интерфакс» за девять месяцев 2023 г. государственные заказчики заключили 2,4 млн контрактов на 8,5 трлн руб., что соответственно на 12% больше показателей аналогичного периода предыдущего года. Немногим более 60% контрактов заключено по результатам проведения конкурентных закупок. 23% контрактов оформлено по результатам несостоявшихся закупочных процедур. 29% контрактов заключено с единственным поставщиком, это на 12% больше показателей аналогичного периода предыдущего года. Более чем в два раза выросло число госконтрактов, заключенных с единственны-

ми поставщиками на основании временных («антисанкционных») решений региональных органов власти – почти 20 тыс. контрактов на 750 млрд руб. Годом ранее было 9 тыс. таких контрактов на сумму 690 млрд руб. [4].

Как мы видим из статистики, отмечается рост контрактов, заключаемых с единственным поставщиком. Отчасти рост связан с упрощением требований в сфере закупок по единственным поставщикам. Государственные заказчики с помощью данного правового механизма обходили международные санкции.

Однако, как показывает судебная практика, имеются отдельные случаи необоснованного заключения контрактов с единственными поставщиками в условиях международных санкций. Заказчики стали злоупотреблять возможностью заключения контрактов по указанному основанию, что привело к обратному негативному эффекту для бизнеса и государства, но обо всем по порядку.

Государственные заказчики самостоятельно определяют способы закупки, порядок и условия их применения. Как отмечено О. А. Беляевой, способы закупки, виды и условия использования закупок определяется заказчиком самостоятельно [5]. При этом они не вправе искусственно ограничивать конкуренцию участников закупки. Прежде всего проведение публичных конкурентных закупок направлено на обеспечение контроля самого процесса закупок с целью эффективного расходования бюджетных средств. В противном случае это может привести к признанию недействительным заключенного контракта и применению последствий недействительности сделки.

Под недействительным (ничтожным) государственным контрактом следует понимать следующее. Верховный Суд РФ в своем обзоре разъяснял, что «Государственный контракт, заключенный с нарушением требований Закона о контрактной системе и влекущий, в частности, нарушение принципов открытости, прозрачности, ограничение конкуренции, необоснованное ограничение числа участников закупки, а следовательно, посягающий на публичные интересы и (или) права и законные интересы третьих лиц, является ничтожным» [6].

Разберем пример необоснованного заключения заказчиком контракта с единственным поставщиком в условиях международных санкций, который позволит понять последовательность признания контракта недействительным (ничтожным) и наступившими неблагоприятными последствиями для участников закупок.

В Республике Саха (Якутия) одному муниципальному заказчику потребовалось провести ремонтные работы по бетонированию пола на муниципальном складе. Для этого заказчик заключил муниципальный контракт с единственным поставщиком на основании Закона № 46-ФЗ и постановления Правительства Республики Саха (Якутия) от 15 марта 2022 г. № 148, сославшись на международные санкции, которые якобы мешают муниципальному заказчику провести конкурентные закупки на общих основаниях среди всех строительных компаний. При этом в контрактной документации заказчик не обосновал как международные санкции препятствуют провести конкурентные процедуры закупки и причины выбора именно этого способа закупки.

После заключенного муниципального контракта единственный поставщик в лице организации выполнил условия муниципального контракта, провел рабо-

ты по бетонированию пола склада, заказчик принял работы и оплатил их в полном объеме.

После исполнения контракта региональная прокуратура выявила нарушения закона о контрактной системе в части необоснованного заключения контракта с единственным поставщиком, что послужило основанием для обращения прокурора в арбитражный суд с исковым заявлением о признании муниципального контракта недействительным и применения последствий недействительности сделки. По мнению прокуратуры, нарушены права муниципального образования и неопределенного круга лиц. Территориальный ФАС провел внеплановую проверку по обращению гражданина и выявил нарушения Закона о контрактной системе, поскольку муниципальный заказчик в своем изначальном распоряжении (решении) о закупке у единственного поставщика не обосновал целесообразность, срочность, обоснованность применения такого неконкурентного способа определения поставщика. Единственный поставщик пытался оспорить решение ФАС, но его требования оставлены без удовлетворения. В итоге арбитражный суд республики удовлетворил исковое заявление прокуратуры, признал муниципальный контракт полностью недействительным и применил последствия недействительности сделки в виде возврата единственным поставщиком всех финансовых средств, полученных по муниципальному контракту в бюджет района. Апелляционный арбитражный суд отклонил апелляционную жалобу единственного поставщика, после чего решение суда первой инстанции вступило в законную силу [7].

В результате некомпетентных действий заказчика по неправильному определению способа закупок пострадала организация (единственный поставщик), выполнившая работу по муниципальному контракту. По решению суда организация обязано обратно вернуть заказчику заработанные миллионные бюджетные средства в полном объеме путем их перечисления в бюджет района. Все расходы на покупку строительных материалов, выплату заработной платы и налогов «легли на плечи» единственного поставщика, фактически бесплатно отремонтировавшего склад муниципального заказчика. Кроме того, с единственного поставщика взыскана государственная пошлина в доход федерального бюджета за обращение прокуратуры в арбитражный суд, а также за обжалование единственным поставщиком решения арбитражного суда.

В названном примере муниципальный заказчик не был привлечен к какой-либо ответственности по данному факту, в том числе к административной ответственности, что подтверждается указанным судебным решением. Следует отметить, что неправильный выбор способа закупок влечет для заказчика административную ответственность по ч. 2 ст. 7.29 КоАП РФ (штраф на должностное лицо в размере 50 тыс. руб.). Институт привлечения к административной ответственности является действенным элементом комплекса мер по профилактике, противодействию нарушениям в сфере закупок, позволяя дисциплинировать поведение участников закупок.

Последствия необоснованных действий заказчика можно рассматривать с разных сторон: создание социальной напряженности, недовольство единственного поставщика деятельностью государственного заказчика, недоверие к властям, сни-

жение экономического развития и привлекательности заключения закупок, неэффективному расходованию бюджетных средств.

В связи с этим возникает логичный вопрос о возможности взыскания единственным поставщиком убытков с некомпетентного заказчика, неправильно определившего способ закупок и причинившего такой серьезный ущерб для организации в названном случае.

По мнению автора, единственному поставщику затруднительно будет взыскать убытки с государственного заказчика за понесенные убытки и выполненные работы в порядке реституции по следующей причине.

В судебном решении содержится следующий вывод апелляционного арбитражного суда «проявив должную осмотрительность, единственный поставщик мог и должен был удостовериться в законности примененной заказчиком процедуры закупки у единственного поставщика. Не приняв соответствующих мер, лицо не может признаваться как действующее добросовестно». По мнению суда, единственные поставщики, участвующие в закупках, являются профессионалами рынка, должны иметь опыт в сфере государственных закупок, проводить своевременный анализ рынка и заранее ознакамливаясь с контрактной документацией, взвешивая различные риски таких закупок. Суды, признавая контракты недействительными и применяя последствия недействительности сделки, квалифицируют действия единственных поставщиков как недобросовестные, а при наличии признака недобросовестности вопрос о возможности взыскания убытков единственным поставщиком в свою пользу вызывают сомнения. При этом в действиях самого профессионального заказчика, неправильно определившего способ закупок и на постоянной основе заключающего закупки, судом не выявлено признаков недобросовестности. Суд ограничился ссылкой на недобросовестность только единственного поставщика. Выполняя работы в условиях незаконности контракта, единственный поставщик несет риски и не вправе требовать оплаты при недобросовестном поведении. Иной подход свидетельствовал бы о возможности недобросовестного лица извлекать прибыль при совершении противозаконных действий, нарушая публичный порядок.

Другой пример из Республики Саха (Якутия).

Муниципальному заказчику потребовалось построить в городе стадион на 3000 мест с теплым легкоатлетическим манежем для нужд населения. Строительство стадиона запланировано в честь Спортивных игр народов Якутии, которые пройдут с 7 по 11 июля 2027 г. в г. Нюрба Республики Саха (Якутия) [8]. Для этого в 2023 г. заказчик заключил муниципальный контракт с единственным поставщиком на основании Закона № 46-ФЗ, сославшись на международные санкции, которые мешают провести конкурентные закупки на общих основаниях среди всех строительных компаний. Общая цена контракта составила 607 млн руб.

В качестве единственного поставщика заказчик выбрал проверенную крупную строительную компанию региона, с опытом работы по строительству крупных объектов, таких как стадионы, торговые центры, многоквартирные жилые дома, различные административные здания.

На основании заключенного муниципального контракта единственный поставщик начал активную строительную деятельность: закупил строительные материа-

лы, оплатил работу субподрядчикам за выполненный первый этап строительства стадиона, проведено бурение скважин под сваи, построено ограждение по периметру объекта. За проделанную работу по строительству стадиона муниципальный заказчик оплатил единственному поставщику первый транш в виде аванса в размере 52 млн руб. Остальная сумма бюджетных средств планировалась к выплате в последующие годы.

Региональная прокуратура в действиях муниципального заказчика выявила нарушения закона о контрактной системе в части необоснованного заключения контракта с единственным поставщиком. Прокуратура в арбитражном суде потребовала признать муниципальный контракт недействительным и применить последствия недействительности ничтожной сделки путем возврата единственным поставщиком в бюджет района 607 млн руб. С учетом получения единственным поставщиком по контракту только аванса на сумму 52 млн руб. прокуратура в ходе рассмотрения дела уточнила искимые требования и потребовала вернуть в бюджет района 52 млн руб.

По результатам рассмотрения дела, арбитражный суд удовлетворил заявление прокурора, муниципальный контракт признан недействительным, единственного поставщика обязали вернуть в бюджет района полученные им 52 млн руб., а также с него взыскана государственная пошлина за обращение прокурора в суд [9]. В настоящее время единственный поставщик обжаловал решение суда в арбитражный суд апелляционной инстанции.

Суд удовлетворил исковое заявление прокуратуры по нескольким причинам. По мнению суда, строительство стадиона не относится к защите национальных интересов Российской Федерации. Во-вторых, муниципальный заказчик изначально в своем решении о проведении закупки у единственного поставщика не обосновывал целесообразность, срочность и обоснованность применения такого способа закупок. Правомерность заключения контракта со ссылкой на Закон № 46-ФЗ поставлена судом в зависимость от одновременного наличия целесообразности, срочности закупки и недружественных действий иностранного государства. Поэтому муниципальный заказчик выбрал необоснованный способ проведения закупки с единственным поставщиком.

В данном примере муниципальный заказчик был привлечен к административной ответственности по ст. 7.29 КоАП РФ.

По прогнозам автора, с учетом сложившейся судебной практики в настоящее время, решение суда первой инстанции будет оставлено без изменения арбитражным апелляционным судом, после чего решение суда вступит в законную силу. Прокуратура направить исполнительный лист для принудительного исполнения в службу судебных приставов. В итоге единственному поставщику придется вернуть в бюджет района полученные бюджетные средства, покинуть строительство стадиона, гарантийные обязательства застройщика не будут распространяться на объект незавершенного строительства, и кто будет заканчивать данный крупный объект к спортивным играм народов Якутии остается только догадываться и будет ли он достроен вообще. В итоге единственный поставщик понесет убытки за приобретенные строительные материалы и их транспортировку, за услуги субподряд-

чиков за выполненные строительные работы по первому этапу строительства стадиона, и просто элементарно потрачено время застройщика впустую.

Позиция органов прокуратуры в таких делах понятна. Однако возникает вопрос: почему прокуратура не реагирует на нарушения закона именно на начальной стадии, когда государственные заказчики начинают формировать план закупок на год? Перед началом финансового года государственные заказчики составляют и публикуют на своих сайтах планы-графики закупок. В планах заказчиков отражаются подробная информация обо всех планируемых закупках. Закупки, не предусмотренные планами-графиками, не могут быть проведены. В случае своевременной проверки указанных планов-графиков и достаточных профилактических мер со стороны органов прокуратуры, таких как объявление прокурором предостережений о недопустимости нарушения закона заказчиком, а в случае, если все-таки заказчик заключил названные необоснованные контракты с единственными поставщиками, то незамедлительно вносить представление заказчику с требованием отмены закупок с единственным поставщиком. В случае отклонения заказчиком представления прокурора, только после этого обращаться в суд с указанным исковым заявлением. Данные меры позволили бы на начальной стадии минимизировать такие неблагоприятные риски для бизнеса и проводить эффективные закупки.

Заключение

Настоящие примеры показывают серьезные правовые и финансовые риски для единственных поставщиков. Чем выше цена контракта, тем выше ответственность и риски для единственных поставщиков. Такие риски могут привести к критическим ситуациям, возникает вероятность разрушения экономической составляющей предприятия, последствия таких ситуаций часто приводят к банкротству, а значит, появляется безработица, создается социальная напряженность среди населения. Данные негативные факторы способствуют оттоку малого и среднего бизнеса из системы государственных закупок. Как отмечает Л. В. Андреева, «основным показателем эффективности участия субъектов малого и среднего бизнеса в государственных закупках, как определено документами стратегического планирования и прогнозирования, является увеличение их доли участия в закупках» [10, с. 232]. Поэтому эффективность государственных закупок зависит от участия в них субъектов малого и среднего бизнеса.

При искоренении малого бизнеса из системы закупок возникает опасность возникновения государственной монополии – монополии государства как покупателя (исполнителя). Отсутствие конкуренции в системе государственных закупок повысит риски неэффективного использования бюджетных средств. Государство как регулятор общественных отношений должно обеспечить баланс своего интереса и малого бизнеса. Поэтому указом Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» предусмотрено сокращение доли субъектов, учреждаемых и контролируемых государством и муниципальными образованияами, в общем количестве хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на товарных рынках [11].

Принятые законодателем меры направлены на упрощение порядка заключения контрактов для государственных заказчиков, однако на практике не предусмотрены объективные правовые механизмы по защите прав субъектов малого и среднего предпринимательства от необоснованных и недобросовестных действий заказчиков, неправильно определяющих способы закупок. Фактически отсутствует баланс сил и равные права участников закупок. По мнению автора, нужно усилить меры защиты бизнеса от недобросовестных действий заказчика, ужесточить ответственность заказчиков за причинение ущерба бизнесу за незаконно выбранный способ закупок. В противном случае может произойти серьезное снижение активности и отток бизнеса в сфере государственных закупок в такое важное время для страны.

На момент написания настоящей статьи многие региональные законы, принятые в соответствии с Законом № 46-ФЗ утратили силу, отменяются региональными законодателями, следовательно, предполагается снижение количества контрактов в регионах, заключаемых заказчиками с единственными поставщиками на основании Закона № 46-ФЗ в целях обхода международных санкций.

Вместе с тем срок исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности сделки составляет три года, а это означает, что органы прокуратуры продолжают обжаловать такие государственные и муниципальные контракты с единственными поставщиками. Бизнесу только предстоит пройти испытания временем.

Сложившаяся определенная позиция судов требует дальнейшего изучения и совершенствования, поскольку судебная практика продолжает постепенно трансформироваться в результате воздействия различных факторов.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 339 «О случаях осуществления закупок товаров, работ, услуг для государственных и (или) муниципальных нужд у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) и порядке их осуществления» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Объем госзакупок в РФ за девять месяцев 2023 года вырос на 11% // Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/business/928337> (дата обращения: 26.08.2024).
5. Беляева О. А. Закупка у единственного поставщика: вопросы адекватного толкования законодательства // Юрист. 2013. № 14.
6. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 28 июня 2017 г. (п. 18) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 18 июля 2024 г. по делу № А58-9777/2023 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.08.2024).

8. В Нюрбе началось строительство стадиона на 3 тысячи мест с теплым легкоатлетическим манежем // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия) : сайт. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3367423> (дата обращения: 26.08.2024).

9. Решение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 11 июля 2024 г. по делу № А58-10831/2023 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 26.08.2024).

10. *Андреева Л. В.* Государственные закупки в России. Правовое регулирование и меры по его совершенствованию : монография. М. : Проспект, 2019.

11. Указ Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal Law of March 8, 2022 No. 46-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

2. Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, Services for Ensuring National and Municipal Needs" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

3. Resolution of the Government of the Russian Federation of March 10, 2022 No. 339 "On Cases of Procurement of Goods, Works, Services for National and (or) Municipal Needs from a Single Supplier (Contractor, Performer) and the Procedure for Their Implementation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

4. The Volume of Public Procurement in the Russian Federation for the First Nine Months of 2023 Increased by 11%. URL: <https://www.interfax.ru/business/928337> (date of the application: 26.08.2024). (In Russ.)

5. *Beliaeva O. A.* Purchase from a Single Supplier: Issues of Adequate Interpretation of Legislation. *Lawyer*, 2013, no. 14. (In Russ.)

6. Review of Judicial Practice of Application of the Legislation of the Russian Federation on the Contract System in the Sphere of Purchase of Goods, Works, Services for Meeting State and Municipal Needs, Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2017 (clause 18) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

7. Resolution of the Fourth Arbitration Court of Appeal of July 18, 2024 in case No. А58-9777/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (date of the application: 26.08.2024). (In Russ.)

8. Construction of a 3,000-Seat Stadium with a Heated Athletics Arena Has Begun in Nyurba. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3367423> (date of the application: 26.08.2024). (In Russ.)

9. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Sakha (Yakutia) of July 11, 2024 in case No. А58-10831/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (date of the application: 26.08.2024). (In Russ.)

10. Andreeva L. V. Public Procurement in Russia. Legal Regulation and Measures for Its Improvement: Monograph. Moscow: Prospekt, 2019. (In Russ.)

11. Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2017 No. 618 "On the Main Directions of State Policy for the Development of Competition" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

М. А. Ефимов – аспирант.

Information about the author:

M. A. Efimov – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 30.09.2024; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 343.125

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-173-182>

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ, ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ЕГО КОНФИСКАЦИИ

Аркадий Александрович Кириллов

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

kirark@mail.ru

Аннотация

Актуальность исследования определяется необходимостью научной разработки предложений по разрешению противоречий уголовного и уголовно-процессуального законодательства для совершенствования уголовно-процессуальной формы наложения ареста на имущество, принадлежащее юридическому лицу, для возможной его конфискации, и последующей такой конфискации в соответствии с уголовным законом. Цель исследования – совершенствование современной модели правового регулирования применения рассматриваемого вида меры процессуального принуждения, обоснование и разработка предложений по реформированию действующего уголовно-процессуального законодательства. Научная новизна исследования состоит в выработке научно обоснованной позиции по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования производства указанного вида наложения ареста на имущество. Предмет статьи составляет теоретическое исследование некоторых особенностей доказывания в процессе наложения ареста на имущество, принадлежащее юридическому лицу, для возможной его конфискации, на основе всеобщего диалектического метода и метода системного толкования комплекса подлежащих применению норм отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства; результаты исследования представляют собой предложения об изменении и дополнении действующего уголовно-процессуального законодательства в целях повышения эффективности уголовного судопроизводства в рассматриваемой сфере. Самостоятельность сделанных выводов определяется впервые предложенными оригинальными законо-

дательными инициативами по результатам анализа выявленных лично автором уголовно-правовых детерминант, иных содержательных и процессуальных особенностей и проблем доказывания.

Ключевые слова: мера процессуального принуждения; наложение ареста на имущество; конфискация имущества; доказывание.

Для цитирования: *Кириллов А. А. Некоторые особенности доказывания при наложении ареста на имущество, принадлежащее юридическому лицу, для возможной его конфискации // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 173–182. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-173-182>*

Research Article

SOME FEATURES OF PROOF IN THE PROCESS OF SEIZURE OF PROPERTY BELONGING TO A LEGAL ENTITY FOR POSSIBLE CONFISCATION

Arkady A. Kirillov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
kirark@mail.ru

Abstract

The relevance of the research is determined by the need for scientific development of proposals to resolve the contradictions of criminal and criminal procedure legislation in order to improve the criminal procedure form of seizure of property belonging to a legal entity, for its possible confiscation, and subsequent such confiscation in accordance with criminal law. The purpose of the study is to improve the modern model of legal regulation of the application of this type of procedural coercion measure, substantiate and develop proposals for reforming the current criminal procedure legislation. The scientific novelty of the research consists in developing a scientifically based position on improving the criminal procedure regulation of the specified type of seizure of property. The subject of the article is a theoretical study of some features of evidence in the process of seizing property belonging to a legal entity for possible confiscation, based on the universal dialectical method and the method of systematic interpretation of the complex of applicable norms of domestic criminal and criminal procedure legislation; the results of the study are proposals for changing and supplementing the current criminal procedure legislation in order to increase the effectiveness of criminal

proceedings in this area. The independence of the conclusions reached is determined by the original legislative initiatives proposed for the first time based on the results of an analysis of the criminal law determinants personally identified by the author, other substantive and procedural features and problems of proof.

Keywords: measure of procedural coercion; seizure of property; confiscation of property.

For citation: Kirillov A. A. Some Features of Proof in the Process of Seizure of Property Belonging to a Legal Entity for Possible Confiscation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 1, pp. 173–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-173-182>

Введение

Доказывание при наложении ареста на имущество юридического лица для возможной его конфискации представляет собой осуществляемую в досудебном и судебном производстве уголовно-процессуальную деятельность со стороны обвинения, защиты и суда, направленную на установление обстоятельств, имеющих значение для принятия законных, обоснованных и справедливых решений в этом процессе.

1. Уголовно-правовые детерминанты доказывания

Особенности этой деятельности определяются, на наш взгляд, несколькими детерминантами.

Уголовным законом, определяющим понятие, признаки, виды конфискации имущества, формирующим тем самым перечень фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию в целях обеспечения принятия законного и обоснованного решения о такой конфискации.

Уголовный закон предусматривает определенный фактический состав, наличие которого является основанием для применения норм, содержащихся в гл. 15¹ УК РФ.

Можно констатировать путем буквального толкования уголовного закона ряд фактов, подлежащих доказыванию в уголовном процессе, с учетом конкретных обстоятельств расследования:

- 1) ст. 104¹ УК РФ предусматривает такие факты, как:
 - получение имущества в результате совершения некоторых, указанных в уголовном законе, видов преступлений;
 - признание предметов (в широком смысле – материальных и нематериальных объектов), полученных в результате указанных преступлений, имуществом (т.е. обладание ими положительной денежной оценкой, или стоимостью, измеряемой в деньгах);
 - наличие имеющих денежную оценку доходов от указанного имущества;
 - частичное или полное превращение или преобразование указанных имущества и доходов в иное имущество;

- использование или предназначение имущества для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), а также деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации (такая деятельность представляет собой конкретные виды преступлений, указанные в примечании к ст. 104¹ УК РФ);

- квалификация имущества как принадлежащего обвиняемому орудия, оборудования и иного средства совершения любого преступления;

- приобщение имущества, полученного в результате совершения преступления, и (или) доходов от этого имущества к имуществу, приобретенному законным путем;

- соответствие стоимости части вышеуказанного имущества, полученного законным путем, стоимости приобщенных к нему имущества, полученного в результате совершения преступления, и (или) доходов от этого имущества;

- знания или обязанности знания лица, принявшего переданное ему осужденным имущество, указанное в ч. 1 и 2 ст. 104¹ УК РФ (полученное в результате совершения некоторых видов преступлений), о том, что это имущество получено в результате преступных действий;

2) предусмотренные в ст. 104² УК РФ:

- невозможность конфискации предмета, входящего в имущество, указанное в ст. 104¹ УК РФ, на момент принятия судом решения о конфискации данного предмета вследствие его использования, продажи или по иной причине;

- размер денежной суммы, соответствующей стоимости указанного предмета, и подлежащей конфискации взамен этого предмета;

- полное или частичное отсутствие указанной выше денежной суммы;

- наличие подлежащего конфискации взамен указанной выше денежной суммы иного имущества;

- стоимость указанного «иного имущества», которая соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации;

- стоимость указанного «иного имущества», которая сопоставима со стоимостью этого предмета.

Можно условно разделить указанные факты на две группы в зависимости от цели доказывания: 1) факты, дающие основания для конфискации имущества, полученного преступным путем; 2) факты, дающие основания для конфискации имущества, полученного законным путем, взамен имущества, полученного преступным путем.

Содержание и особенности перечисленных выше фактов обоснованно критикуются в доктрине уголовного права [1, с. 81].

2. Проблема противоречия уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм

Отмеченные учеными недостатки уголовно-правовых норм, и прежде всего неполнота уголовно-правового регулирования, существенно повлияли и на процессуальные нормы. В 2006 году предмет доказывания, предусмотренный ст. 73

УПК РФ, дополнился новым обстоятельством, подлежащим обязательному установлению. В действующей редакции п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ требуется установить «обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации».

Указанная законодательная формулировка является объектом острой критики в уголовно-процессуальной науке [2, с. 104–105], в дополнение к ней приведем следующие аргументы.

Во-первых, из п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ не следует обязанность доказывания всех фактов, дающих основания для конфискации имущества, полученного преступным путем. Так, эта уголовно-процессуальная норма требует доказывания в отношении имущества, которое возможно конфисковать, факт его получения преступным путем, или факт признания этого имущества доходами от преступно приобретенного имущества, или факта использования или назначения этого имущества как принадлежащего обвиняемому орудия, оборудования или иного средства совершения преступления. Но одновременно эта норма не требует доказывания: факта приобщения имущества, полученного в результате совершения преступления, и (или) доходов от этого имущества к имуществу, приобретенному законным путем; факта соответствия стоимости части вышеуказанного имущества, полученного законным путем, стоимости приобщенных к нему имущества, полученного в результате совершения преступления, и (или) доходов от этого имущества; факта знания или обязанности знания лица, принявшего переданное ему осужденным имущество, указанное в ч. 1 и 2 ст. 104¹ УК РФ (полученное в результате совершения некоторых видов преступлений), о том, что это имущество получено в результате преступных действий.

Во-вторых, из и. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ не следует обязанность доказывания всех фактов, дающих основания для конфискации имущества, полученного законным путем, взамен имущества, полученного преступным путем. Так, эта уголовно-процессуальная норма не требует доказывания указанных выше фактов, предусмотренных ст. 104² УК РФ.

Формулировки п. 1–7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ определены общим, не детальным, образом, позволяющим путем их логического буквального толкования в полном объеме отразить содержание указанных выше уголовно-правовых норм, определяющих преступность и наказуемость общественно опасного деяния.

А в отношении формулировки п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ законодатель использовал иной юридико-технический подход, попытавшись детализировать содержание главного факта в этой части. В результате обсуждаемая уголовно-процессуальная норма не отражает в полной мере фактический состав, заложенный в уголовно-

правовых нормах о конфискации имущества, предусмотренных главой 15¹ УК РФ, являющийся основанием для применения этих норм.

В результате действия существующей формулировки п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ усматривается следующая правоприменительная проблема. В ходе расследования и судебного следствия уполномоченные должностные лица (следователь, дознаватель, государственный обвинитель) формально не обязаны доказывать ряд важнейших фактов, дающих основания для конфискации имущества, полученного преступным путем, а также факты, дающие основания для конфискации имущества, полученного законным путем, взамен имущества, полученного преступным путем. Они вправе провести (государственный обвинитель – инициировать в судебном следствии) необходимые процессуальные действия в этом направлении, но могут этого и не делать. Их бездействие в этой части не влечет процессуальной ответственности, поскольку процессуальный закон о доказывании формально ими не нарушается.

Так, сложившаяся практика неутверждения обвинительных заключений (обвинительных актов), возвращения уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ, отмены приговоров по рассмотренным основаниям в ходе нашего исследования не выявлена (непроведение процессуальных действий по конфискации имущества не является основанием для производства дополнительного расследования и не признается существенным нарушением закона, препятствующим постановлению приговора).

Разумеется, на изложенные аргументы можно возразить, что в п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ содержится отсылка к ст. 104¹ УК РФ, требующая в ходе судопроизводства исполнения всех норм уголовного закона. Но такое толкование, на наш взгляд, не будет буквальным логическим толкованием указанного пункта УПК РФ; ряд вышеописанных фактов предусматривается не только ст. 104¹, но и ст. 104² УК РФ, не предусмотренной указанным пунктом УПК РФ; некоторые правоприменители на местах (судьи, государственные обвинители, следователи, дознаватели) в реальной жизни руководствуются скорее буквой, а не духом закона, во многом боясь обвинений в злоупотреблениях из-за проявления якобы излишней свободы усмотрения, по нашему мнению и практическому опыту.

3. Проблема необходимости доказывания обоснованных версий

Содержание главного факта (обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию по любому уголовному делу) детерминирует в свою очередь содержание фактов, необходимых для принятия различных процессуальных решений, и в том числе необходимых для принятия решений о наложении, продлении и отмене ареста на имущество, принадлежащее юридическому лицу, для возможной его конфискации.

Таким образом, исходя из охарактеризованной уголовно-правовой основы, при наложении, продлении, отмене рассматриваемого вида ареста необходимо устанавливать фактические обстоятельства, подтверждающие или опровергающие *достаточные основания полагать* наличие указанных выше фактов, предусмотренных в ст. 104¹ и 104² УК РФ. Доказывание данных обстоятельств позволит

должным образом определить объект рассматриваемого правоотношения (имущество, подлежащее конфискации). Проверка этих фактов в рамках каждой из трех указанных процедур должна обеспечить законность принятых процессуальных решений и гарантировать права и законные имущественные интересы участников уголовного процесса.

Следует также учитывать, что вышеуказанные «достаточные основания полагать» в ряде случаев касаются не доказывания фактов объективной действительности (например, наличия или отсутствия какого-то конкретного имущества, его получения в результате совершения преступления), а скорее доказывания обоснованных версий или презумпций.

К числу последних, по нашему мнению, относятся:

1) предусмотренный в ч. 3 ст. 104¹ УК РФ факт знания или обязанности знания лица (организации), принявшего переданное ему осужденным имущество, указанное в ч. 1 и 2 ст. 104¹ УК РФ (полученное в результате совершения некоторых видов преступлений), о том, что это имущество получено в результате преступных действий;

2) предусмотренный ч. 2 ст. 116 УПК РФ факт добросовестности приобретателя находящихся у него ценных бумаг (в этом случае таковые не подлежат аресту).

На наш взгляд, доказывание предусмотренного в ч. 3 ст. 104¹ УК РФ факта «знания или обязанности знания...» представляет особую сложность.

Если лицо знало о преступном происхождении переданного ему имущества, оно подлежит привлечению к уголовной ответственности как соучастник преступления. Но такое правило применимо лишь в отношении физического лица, в силу ст. 19 УК РФ. А в отношении организации (юридического лица) доказать такое «знание» будет крайне тяжело. В этом случае практически невозможно установить круг лиц, в отношении которых потребуется доказать факт такого знания. Человек, уполномоченный (доверенностью или уставом) от имени юридического лица на совершение соответствующей сделки по принятию имущества, или уполномоченный лишь на юридическое принятие этого имущества, или работник организации, фактически принявший такое имущество на склад, или работник, фактически участвовавший в переговорах по приобретению имущества – кто из этих лиц, и многих других лиц, участвующих в подобных сделках, должен обладать таким «знанием»? Этот вопрос не разрешен в гражданском законодательстве или каких-либо подзаконных нормативных правовых актах, соответствующая функция подобного «знания» не фиксируется, как правило, в учредительных документах юридического лица или должностных инструкциях, определяющих трудовые обязанности ее руководителей и других работников. Поэтому научно «утрировать», определить факт, подлежащий доказыванию, практически невозможно.

Указанная выше «обязанность знания» организации предполагает, что фактически уголовно-правовая норма обязывает организации к выявлению имущества, полученного в результате совершения преступлений, что представляется заведомой фикцией. Такое выявление – выявление преступлений, – является исключительной функцией правоохранительных органов. У обычных юридических лиц такие подразделения «по борьбе с преступностью» очевидно отсутствуют

и не должны иметься. Поэтому и здесь определить факт, подлежащий доказыванию, весьма затруднительно.

Содержание этих двух фактов может требовать проведения индивидуальных в каждом случае последовательностей процессуальных действий, с ориентацией на содержание и своеобразие той или иной отрасли хозяйственной деятельности (в каждой из которых нормативная и фактическая организация труда работников и деятельности уполномоченных представителей и агентов будет выглядеть для следователя каждый раз по-новому). А это существенно повышает степень сложности производства по делу.

4. Проблема противоречия уголовно-процессуальных норм

Особенности доказывания определяются в данном случае и в зависимости от трактовки рассматриваемого процессуального действия как следственного действия или меры процессуального принуждения.

Часть 5 ст. 165 УПК РФ называет наложение ареста на имущество следственным действием, хотя в доктрине его признают, как правило, мерой уголовно-правового принуждения. Производство такого следственного действия требует соблюдения, в частности, общих правил производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ). Эти правила предусматривают в том числе важную процессуальную гарантию прав и законных интересов юридических лиц, а именно требуют не допускать необоснованного применения мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц (ч. 4¹ ст. 164 УПК РФ). Как представляется, в силу этих правил при производстве этого следственного действия, и выборе в частности конкретных ограничений имущественных прав требуется установить конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие, что арест имущества не приведет к приостановлению деятельности юридического лица.

Но одновременно наложение ареста на имущество признается мерой процессуального принуждения (ч. 1 ст. 111 УПК РФ). Глава 14 УПК РФ содержит достаточно подробные правила наложения, продления, отмены ареста на имущества, в том числе в части, касающейся доказывания. Эти правила также являются важнейшей гарантией нрав и интересов юридических лиц как участников уголовного судопроизводства.

В этой связи возникает закономерный вопрос о толковании указанной совокупности уголовно-процессуальных норм. На наш взгляд, их буквальное толкование приводит к выводу, что производство следственного действия не должно регулироваться нормами о применении мер процессуального принуждения, и наоборот. Но тогда применение части указанных уголовно-процессуальных гарантий исключается, в зависимости от вида производимого процессуального действия.

Заключение

Полагаем, что в данный момент правоприменители должны учитывать это законодательное противоречие и стремиться обеспечить весь круг названных гарантий для юридических лиц, в том числе путем доказывания соответствующих фактиче-

ких обстоятельств, имеющих значение для дела. Считаю важным дать соответствующие разъяснения в форме постановления Пленума Верховного Суда РФ.

На основании изложенного и для исключения указанного противоречия предлагается:

1) изложить п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в следующей редакции: «Обстоятельства, которые могут повлечь за собой предусмотренную уголовным законом конфискацию имущества»;

2) дополнить ст. 165 УПК РФ новой частью следующего содержания: «5¹. Производство наложения ареста на имущество как следственного

действия осуществляется в порядке, установленном настоящим Кодексом для производства наложения ареста на имущество как меры процессуального принуждения».

Пристатейный библиографический список

1. *Шевелева С. В.* Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3.
2. *Кухта А. А.* Предмет доказывания по уголовным делам об экономических преступлениях // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. № 1 (8).
3. *Никулочкин Е. О., Сергеев К. А., Сергеев А. Б.* Конфискация имущества: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Социум и власть. 2013. № 3 (41).
4. *Булатов Б. Б., Дежнев А. С.* Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества // Российский следователь. 2017. № 18.
5. *Меженина Е. В.* Нравственные основы наложения ареста на имущество в уголовном процессе Российской Федерации // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4.
6. *Зажицкий В. И.* Истина и средства ее установления в Уголовно-процессуальном кодексе РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6.
7. *Орлова Т. В.* Применение меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество // Российский судья. 2023. № 6.
8. *Иванов А. Н., Лапин Е. С.* Тактика наложения ареста на имущество. М. : Юрлитинформ, 2009.
9. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА; ИНФРА-М, 2022.
10. *Искандиров В. Б.* Наложение ареста на имущество в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

References

1. *Sheveleva S. V.* Confiscation of Property as Another Measure of a Criminal-Legal Nature. *Judicial Power and Criminal Procedure*, 2019, no. 3. (In Russ.)

2. Kukhta A. A. Subject of Proof in Criminal Cases on Economic Crimes. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2008, no. 1 (8). (In Russ.)
3. Nikulochkin E. O., Sergeev K. A., Sergeev A. B. Confiscation of Property: Criminal-Legal and Criminal-Procedural Aspects. *Society and Power*, 2013, no. 3 (41). (In Russ.)
4. Bulatov B. B., Dezhnev A. S. Grounds for Seizure of Property to Ensure the Execution of a Sentence in Terms of Possible Confiscation of Property. *Russian Investigator*, 2017, no. 18. (In Russ.)
5. Mezhenina E. V. Moral Foundations of Seizure of Property in Criminal Proceedings of the Russian Federation. *Judicial Authority and Criminal Procedure*, 2017, no. 4. (In Russ.)
6. Zazhitskii V. I. Truth and Means of its Establishment in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Theoretical and Legal Analysis. *State and Law*, 2005, no. 6. (In Russ.)
7. Orlova T. V. Application of a Procedural Coercion Measure in the Form of Seizure of Property. *Russian Judge*, 2023, no. 6. (In Russ.)
8. Ivanov A. N., Lapin E. S. Tactics of Seizure of Property. Moscow: Iurlitinform, 2009. (In Russ.)
9. Maslennikova L. N. (ed.). Proof and Decision-Making in Adversarial Criminal Proceedings: Monograph. 2nd ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2022. (In Russ.)
10. Iskandryov V. B. Seizure of Property in Criminal Proceedings: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Chelyabinsk, 2012. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. А. Кириллов – соискатель.

Information about the author:

A. A. Kirillov – Applicant.

Статья поступила в редакцию 29.05.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 29.05.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 342.15

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-183-191>

ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Максим Николаевич Федорец

Тюменский государственный университет, 625003, Россия, г. Тюмень,
ул. Володарского, д. 6

memphis72@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются особенности государственно-территориального устройства через призму процесса федерализации, который рассматривается автором как одно из условий эффективности отечественного публичного управления. Используется системный подход, сравнительно-правовой, формально-юридический, исторический и диалектический методы, с помощью которых раскрываются сущностные свойства российского федерализма. Делается вывод о необходимости при осуществлении публичного управления исходить из сложившихся политико-правовых условий и социально-экономических и обстоятельств, а также национальных и иных традиций, особенностей правовой культуры многонационального народа Российской Федерации. Обосновывается авторская позиция о важности учета сущностных свойств федерализации как процесса выстраивания отношений между федеральным центром с одной стороны и субъектами Федерации с другой.

Ключевые слова: федерализм; федерация; государственно-территориальное устройство; публичное управление; публичная власть.

Для цитирования: Федорец М. Н. Федерализация государственно-территориального устройства как условие эффективности публичного управления в России // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 183–191. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-183-191>

Research Article

FEDERALIZATION OF STATE-TERRITORIAL STRUCTURE AS A CONDITION FOR THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA

Maxim N. Fedorets

Tyumen State University, 6 Volodarskii St., Tyumen, 625003, Russia
memphis72@mail.ru

Abstract

The article analyzes the features of the state-territorial structure through the prism of the federalization process, which is considered by the author as one of the conditions for the effectiveness of domestic public administration. A systemic approach, comparative legal, formal legal, historical and dialectical methods are used, with the help of which the essential properties of Russian federalism are revealed. A conclusion is made about the need to proceed from the established political and legal conditions and socio-economic circumstances, as well as national and other traditions, features of the legal culture of the multinational people of the Russian Federation when implementing public administration. The author's position on the importance of considering the essential properties of federalization as a process of building relations between the federal center on the one hand and the subjects of the Federation on the other is substantiated.

Keywords: federalism; federation; state-territorial structure; public administration; public authority.

For citation: Fedorets M. N. Federalization of State-Territorial Structure as a Condition for the Effectiveness of Public Administration in Russia. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 1, pp. 183–191. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-183-191>

Введение

Специфика федеративного государства, в отличие от унитарного, заключается в особенности публичного управления. Двухуровневая организация власти федерации требует построения федеративных отношений (отношений между федеральным центром и регионами) на несколько иных принципах, чем в странах с иной формой государственно-территориального устройства. Распределение (разграничение) полномочий и предметов ведения между самой Федерацией и ее субъектами строится на основе сложившихся особенностей публичного управления в данном

государстве, политико-правовых условий и социально-экономических и обстоятельств, а также национальных традиций, особенностей правовой культуры многонационального российского народа. Поэтому процессы федерализации государственно-территориального устройства считаются наиболее эффективными, если они учитывают вышеназванные факторы и направлены на достижение определенных показателей, отражающих результативность публичного управления.

Федерализация представляет собой процесс сбалансированного выстраивания отношений по управлению делами государства, где с одной стороны выступает федеральный центр в лице органов государственной власти Федерации (федеральные органы) и регионы (субъекты Федерации) от имени которых осуществляют государственную власть соответствующие органы власти и управления (субъектовые органы). Важность гармонизации федеративных отношений между этими двумя уровнями государственной власти выступает залогом успешного публичного управления делами федеративного государства.

1. Единство публичной власти как основа федерализации

В настоящее время российская система государственного управления переживает очередной этап реформирования, который берет свое начало с момента внесения изменений в Конституцию РФ Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [1]. Данный Закон внес многочисленные коррективы в конституционный текст, которые касались различных сфер жизнедеятельности российского государства и общества. Однако ключевым, а соответственно определяющим дальнейшее развитие национальной системы государственного управления является, по нашему мнению, появление в тексте Конституции понятия «единая публичная власть».

Единство публичной власти, в свете конституционных изменений, предполагает не только сложившиеся совместное функционирование федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, но и включение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти. Своеобразие правового положения органов местного самоуправления в этом и проявляется, что в соответствии со ст. 12 Конституции, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, но при этом образуют вместе с органами государственной власти, иными государственными органами единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории согласно ч. 3 ст. 132 Конституции.

Единство публичной власти означает не только концептуальное изменение организации и функционирования всей системы государственной и муниципальной власти, но и определяет дальнейшее взаимодействие федеральных органов власти, с одной стороны, и органов государственной власти субъектов Федерации – с другой.

Со всей очевидностью можно говорить об определенной степени унификации целевых установок в процессе управления делами государства, которые не мо-

гут не отражаться на вопросах развития отечественного федерализма, и совершенствования государственно-территориального устройства. После вхождения в 2014 г. в состав Российской Федерации Республики Крым и образование в этой связи двух новых субъектов – собственно самой Республики Крым и города федерального значения – Севастополя, начался новый этап в истории российского федерализма. В 2022 г. к субъектному составу Российской Федерации были добавлены в результате присоединения Донецкая Народная Республика (ДНР) [2], Луганская Народная Республика (ЛНР) [3], Запорожская [4] и Херсонская области [5]. Таким образом, количество субъектов Российской Федерации вновь стало равняться 89, как это было на момент принятия Конституции в 1993 г. Увеличение количества субъектов в составе Российской Федерации не может не сказываться и на финансировании новых субъектов Федерации по тем или иным вопросам за счет федерального бюджета, а также перераспределения материально-финансовых ресурсов, выстраивании федеративных отношений в рамках конституционно-правового поля Российской Федерации.

В сложившихся современных условиях противостояния России и стран западно-либеральной ориентации как никогда возникает потребность в единстве, сплоченности, чем, собственно говоря, и вызваны особенности некой централизации государственного управления и концентрированности государственно властных полномочий в одном политическом центре управления.

2. Некоторые особенности становления государственно-территориального устройства и отечественного федерализма

История становления федерации в России начинается с момента принятия Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 3 января 1918 г., в которой Россия провозглашалась как федеративное государство. РСФСР – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (в Конституции СССР 1936 г. аббревиатура РСФСР была сохранена, однако слова «советская» и «социалистическая» были переставлены местами и государство стало именоваться как «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика»).

После принятия 10 июля 1918 г. в Советской России процессы федерализации выразились в образовании субъектов Федерации, юридическом закреплении их конституционно-правового статуса, регламентирования порядка образования их органов государственной власти, а также основ их взаимодействия с центральными органами власти и управления. Так, к 1923 г. в России были образованы 11 автономных республик, 14 автономных областей и 63 губернии и области. Автономная республика в составе РСФСР считалась высшей формой проявления государственности по сравнению с другими субъектами советской федерации, а вот автономные трудовые коммуны и автономные области не имели атрибутов государственности [6, с. 82]. После окончания Великой Отечественной войны территориальные размеры Советского государства были расширены за счет включения в его состав часть бывшей Восточной Пруссии и образование первоначально Кенигсбергской, а в последующем Калининградской области, Южного Сахалина и Курильских островов.

В начале 90-х гг. прошлого века в связи с распадом Союза Советских Социалистических Республик начался новый этап трансформации государственно-территориального устройства Российской Федерации. Начало данного этапа связывают с принятием 31 марта 1992 г. Федеративного договора, который является собирательным понятием, так как включает в себя три вида договора о разграничении предметов ведения и полномочий где одной стороной выступает Федеральной центр в лице Российской Федерации, а с другой республики, далее области, края и города федерального значения и третью группу образуют автономная область и автономные округа. Принятая в декабре 1993 г. Конституция РФ на высшем юридическом уровне правового регулирования установила основы российского федеративного государственно-территориального устройства, перечислив наименования всех субъектов Российской Федерации (ст. 65).

Процесс федерализации после принятия Конституции РФ в 1993 г. носил децентрализованный характер. Это находило свое отражение в договорном процессе разграничении полномочий между Российской Федерацией и соответствующими ее субъектами. Однако начиная с 2000 г., когда были образованы федеральные округа и Государственный совет, четко прослеживается обратный процесс – централизации федеративных отношений, который проявился, во-первых в свертывании договорной практики разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, во-вторых, приведение регионального законодательства в соответствии с федеральным, в-третьих унификация способов образования органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

В настоящее время подавляющее большинство исследователей-правоведов характеризуют отечественный федерализм как федерализм централизованный или даже гиперцентрализованный, так как юридическое предпочтение остается за федеральным центром. Так, например, в случае принятия субъектом Российской Федерации закона, принятого по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а в последующем принятие федерального закона, регулирующего схожие отношения, то закон субъекта подлежит приведению в соответствии с федеральным. Подобная практика приводит к тому, что весь спектр регионального законодательства – законов, принимаемых законодательными органами государственной власти субъектов Федерации, не отличается по содержательной части от федеральных, так как содержит аналогичные положения, что и нормы федеральных законов. Для примера, в зарубежных федерациях существует возможность опережающего законодательства, т. е. если законодательный орган субъекта федерации принял соответствующий закон, а в последующем по такому же вопросу был принят закон федерации, то действовать будет закон субъекта федерации, т. н. модель «конкурирующего нормотворчества». Например, в ФРГ земля как субъект германской федерации может «принимать законы до тех пор и постольку, пока и поскольку Федерация не использует свои законодательные полномочия» [7, с. 546].

В Соединенных Штатах Америки полномочия между Федерацией и штатами разграничивается по остаточному принципу. Так, американская Конституция ус-

танавливает исключительные полномочия Федерации, а в соответствии с X поправкой полномочия, не предоставленные Конституцией США и пользование которыми не возбранено отдельным штатам, остаются за штатами или за народом. По верному замечанию А. М. Осавелюка «благодаря остаточным полномочиям штаты получили возможность самостоятельно регулировать большой круг вопросов, включая определение системы собственных органов власти, принятие конституции штата» и т.д. [8, с. 326].

В Российской Федерации предметы ведения и полномочия разделены на три группы: 1) предметы ведения Российской Федерации; 2) предметы совместного ведения Российской Федерации; 3) остаточная компетенция субъектов Российской Федерации. Следует отметить, что в отличие от американского и германского опыта федеративного регулирования в Российской Федерации действует принцип приоритетности и доминирования федерального законодательства по вопросам, образующим предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Из чего следует, что в случае принятия закона каким-либо субъектом Российской Федерации и последующим принятием федерального закона, регулирующего схожие общественные отношения, региональный закон (закон субъекта Федерации) подлежит приведению в соответствии с положениями федерального закона.

Таким образом, можно со всей уверенностью сказать, что субъекты Российской Федерации обладают автономной самостоятельностью только по вопросам собственного (исключительного ведения), в соответствии со ст. 73 Конституции РФ. А объем таких полномочий, как известно, незначителен.

Кстати, в работах ряда отечественных ученых начала XXI в. говорилось об унитарной направленности в развитии российского государственного устройства [9, с. 138], даже писалось об утрате важных (необходимых) признаков федеративного государства [10, с. 23–24]. В достаточной степени интересное мнение высказывала профессор И. А. Умнова в своей статье о том, что «конституционные основы федеративного устройства по российской Конституции изначально представляли компромисс между федерализмом, унитаризмом и конфедерализмом» [11, с. 66.]

В дальнейшем ряд ученых также отмечали своеобразный характер федеративной модели российского государства, особенности его государственно-территориального устройства. В частности, профессор Н. М. Добрынин характеризует отечественный федерализм как фантомный, что проявляется в том, что «существует системный разрыв между декларируемым и действительным состоянием государственной системы» [12, с. 34]. Это проявляется прежде всего в ярко выраженном централизованном характере организации государственной власти в Российской Федерации, которое нашло свое отражение в существовании, как отмечает Д. А. Авдеев, «единого центра, сконцентрировавшего стратегические полномочия и прерогативы по управлению делами государства и решению вопросов внутренней и внешней политики» [13, с. 32].

Нельзя не согласиться с утверждением Ю. В. Кима, что «проблематичность федеративного устройства состоит не столько в сложности техники управления различиями, сколько в фундаментальном противоречии двух начал, закладываемых

в основу единой государственности – государственного унитаризма и принципа федерализма» [14, с. 10].

Заключение

Несмотря на сложность и неоднородность российского федерализма, особенности его становления и формирование государственно-территориального устройства современной России, специфику конституционно-правового субъектного состава Российской Федерации, считаем, что важно учитывать сущностные свойства федерализма, предполагающего определенную правовую автономность регионов, некую децентрализацию в государственном управлении, построение федеративных отношений, в основе которых лежит баланс как общегосударственных (общефедеральных), так и региональных (субъектовых) интересов.

Как верно отмечает Д. А. Авдеев, характеристика государства как федеративного предполагает рассредоточение государственных полномочий по решению тех или иных вопросов управления на территориальном уровне организации государственной власти. Эффективность территориальной организации публичной власти будет зависеть не только от используемой формы государственно-территориального устройства, но и от той ее разновидности, которая будет представлять оптимальную модель, подходящую для этой страны [15, с. 244]. Задача современной политической элиты России – найти эту оптимальную модель, которая будет соответствовать национальным интересам России как федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Авдеев Д. А. Российское конституционное право : учебное пособие. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2021.
7. Конституционное право зарубежных стран : учебник / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. 4-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2018.
8. Осавелюк А. М. Конституционное право зарубежных стран. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ, 2020.
9. Черепанов В. А. Федеративная реформа в России. М. : Социально-политическая мысль, 2007.
10. Зуйков А. В. Размышления о российском федерализме (по материалам журнала «Сравнительное конституционное обозрение») // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 12.
11. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма: модель и реальность // К новой модели российского федерализма / под общ. ред. А. Рябова, А. Захарова, О. Здравосмысловой. М. : Весь Мир, 2013.
12. Добрынин Н. М. Современный российский федерализм в фокусе проблем обеспечения демократии, разделения властей и работоспособности административной вертикали // Государство и право. 2020. № 2.
13. Авдеев Д. А. Монокрайизм отечественного государственного управления // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 4.
14. Ким Ю. В. Федеративная государственность: сущность, генезис, проблемы развития (теоретико-методологические основы) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Тюмень, 2009.
15. Авдеев Д. А. Современные проблемы российского федерализма // Евразийский юридический журнал. 2017. № 6 (109).

References

1. Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 11, art. 1416. (In Russ.)
2. Federal Constitutional Law of October 4, 2022 No. 5-FKZ "On the Admission to the Russian Federation of the Donetsk People's Republic and the Formation Within the Russian Federation of a New Subject – The Donetsk People's Republic" (SPS "Consultant-Plus"). (In Russ.)
3. Federal Constitutional Law of October 4, 2022 No. 6-FKZ "On the Admission to the Russian Federation of the Lugansk People's Republic and the Formation Within the Russian Federation of a New Subject – The Lugansk People's Republic" (SPS "Consultant-Plus"). (In Russ.)
4. Federal Constitutional Law of October 4, 2022 No. 7-FKZ "On the Admission to the Russian Federation of the Zaporizhia Oblast and the Formation of a New Subject Within the Russian Federation – The Zaporizhia Oblast" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
5. Federal Constitutional Law of October 4, 2022 No. 8-FKZ "On the Admission to the Russian Federation of the Kherson Oblast and the Formation of a New Subject Within the Russian Federation – The Kherson Oblast" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

6. Avdeev D. A. Russian Constitutional Law: Textbook. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2021. (In Russ.)
7. Baglai M. V., Leibo Iu. I., Entin L. M. (eds.). Constitutional Law of Foreign Countries: Textbook. 4th ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2018. (In Russ.)
8. Osaveliuk A. M. Constitutional Law of Foreign Countries. 2nd ed. Moscow: Iunity, 2020. (In Russ.)
9. Cherepanov V. A. Federal Reform in Russia. Moscow: Social and Political Thought, 2007. (In Russ.)
10. Zuikov A. V. Reflections on Russian Federalism (Based on the Materials of the Journal "Comparative Constitutional Review"). *State Power and Local Self-Government*, 2008, no. 12. (In Russ.)
11. Umnova I. A. Constitutional Foundations of Modern Russian Federalism: Model and Reality. In Riabov A., Zakharov A., Zdravosmyslova O. (eds.). *Towards a New Model of Russian Federalism*. Moscow: Ves Mir, 2013. (In Russ.)
12. Dobrynin N. M. Modern Russian Federalism in the Focus of Problems of Ensuring Democracy, Separation of Powers and the Efficiency of the Administrative Vertical. *State and Law*, 2020, no. 2. (In Russ.)
13. Avdeev D. A. Monocratic Nature of Domestic Public Administration. *Bulletin of the Altai State University*, 2017, no. 4. (In Russ.)
14. Kim Iu. V. Federal Statehood: Essence, Genesis, Development Problems (Theoretical and Methodological Foundations): Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Tyumen, 2009. (In Russ.)
15. Avdeev D. A. Modern Problems of Russian Federalism. *Eurasian Law Journal*, 2017, no. 6 (109). (In Russ.)

Сведения об авторе:

М. Н. Федорец – соискатель.

Information about the author:

M. N. Fedorets – Applicant.

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 29.10.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-192-198>

**ЗАМЕЧАНИЯ КРИМИНАЛИСТА
В СВЯЗИ С ОПУБЛИКОВАНИЕМ МОНОГРАФИИ Д. А. ШЕСТАКОВА
«ПОСТЛИБЕРАЛЬНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ»
(СПБ. : АЛЬФА-ПРЕСС, 2023. 230 с.)**

Юлия Николаевна Наумова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

naumyn73@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется проблема значения *криминалистического* аспекта в определении содержания и структуры преступности в связи с «умалчиванием» ее в книге Д. А. Шестакова «Постлиберальное противодействие преступности» (СПб. : Альфа-Пресс, 2023. 230 с.). Работа отличается своей научной актуальностью и новизной к подходу обозначенной автором проблемы и заслуживает высокой оценки. Однако исключение криминалистических начал из содержания комплекса проблем, связанных с определением преступности, представляется автору достаточно дискуссионным, что он и пытается доказать в своих «заметках».

Ключевые слова: уголовный закон; уголовно-процессуальный закон; криминология; преступноведение; криминалистика.

Для цитирования: Наумова Ю. Н. Замечания криминалиста в связи с опубликованием монографии Д. А. Шестакова «Постлиберальное противодействие преступности» (СПб. : Альфа-Пресс, 2023. 230 с.) // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 192–198. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-192-198>

Research Article

**CRIMINOLOGIST'S REMARKS IN CONNECTION
WITH THE PUBLICATION OF D. A. SHESTAKOV'S MONOGRAPH
"POSTLIBERAL CRIME PREVENTION" (ST. PETERSBURG:
ALFA-PRESS, 2023. 230 p.)**

Yulia N. Naumova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
naumyn73@mail.ru

Abstract

The article analyzes the problem of the importance of the criminalistic aspect in determining the content and structure of crime due to its "silence" in D. A. Shestakov's book "Postliberal Crime Prevention" (St. Petersburg: Alfa-Press, 2023. 230 p.). The work is distinguished by its scientific relevance and novelty to the approach of the problem identified by the author and it deserves high praise. However, the exclusion of criminalistic principles from the content of the complex of problems related to the definition of crime seems to the author to be quite controversial, which he tries to prove in his "notes".

Keywords: criminal law; criminal procedure law; criminology; crime introduction; forensic science.

For citation: *Naumova Yu. N. Criminologist's Remarks in Connection with the Publication of D. A. Shestakov's Monograph "Postliberal Crime Prevention" (St. Petersburg: Alfa-Press, 2023. 230 p.). Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 1, pp. 192–198. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-192-198>

Автор «замечаний» сразу же предупреждает читателей, что его статья не является рецензией на книгу Д. А. Шестакова и даже не претендует на это. По одной причине. Он по своей научной отраслевой правовой специальности не криминолог, а криминалист. Книга же, послужившая поводом для публичного отклика на нее, – *криминологическая*. А криминология, как известно, – это наука о состоянии, динамике и причинах преступности, мерах ее предупреждения. Криминалистика же есть наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о нем, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и средствах и методах расследования преступлений [1, с. 682].

Но есть ли какое-то «пересечение» сфер регулирования и влияния между этими, казалось бы, различными понятиями (криминалистики и криминологии), отражающими их отраслевые особенности? Если исходить из содержания монографии Д. А. Шестакова как безусловно *криминологической* (автор, как и в прежних своих работах, вводит в научный оборот понятие «преступноведение», являющееся стержневым при описании всего, что для него связано с преступностью), тем не менее признается, что термин «преступноведение» и «криминология» для него равнозначны. Понятие же «криминалистика» автор названного труда даже не упоминает. Последнее, кстати, является обычным для криминологической науки. Что обусловлено специфическим различием понятия особенностей как предмета, так и метода этих отраслевых правовых наук. Никто, конечно, и автор данной статьи в том числе, не возьмется оспаривать имеющиеся между последними принципиальные различия, однако выстраивая между ними определенный «барьер», мы, во-первых, упрощаем их диалектическую взаимосвязь, а, во-вторых, не принимаем во внимание серьезное именно *криминалистическое влияние* на успешное достижение *криминологических* задач, за которыми вплотную «стоят» и процессуальные и уголовно-правовые задачи. То есть, не воспринимая этого, мы тем самым и «обедняем» задачи криминологии и получается, что при этом результаты успешного раскрытия преступления, не зависят от достижения известных задач правосудия и защиты интересов государства, общества и человека от преступления и преступности. И в этом случае намеченные «точки соприкосновения» между криминалистикой и криминологией станут отчетливо видимы. И предельно конкретно их обозначить и является главной задачей автора статьи.

Тем не менее, прежде чем «открыть» (или раскрыть) их, скажем главное. Указанный недостаток рецензируемой (только в этом плане) работе есть частный момент в оценке ее в целом научной и практической значимости. Книга о преступноведении представляет собой содержательный и оригинальный труд, посвященный недостаточно исследуемой в юридической науке проблеме и интересными предложениями о возможных путях ее решения. Она предполагает для правовой доктрины *новые* подходы к решению традиционных криминологических (и неизбежно уголовно-правовых) основ учения о преступлении и преступности. Ее автор, Дмитрий Анатольевич Шестаков, еще раз подтвердил созданием данного теоретического труда, что он является основоположником оригинальной санкт-петербургской школы криминологов, исповедующих по настоящему новые и нетрадиционные подходы к решению вполне традиционных (в историко-доктринальном аспекте) задач. Нам же наиболее важным является то, что в основу своих теоретических исследований автор положил и сформулировал свою же позицию объяснения *причин* создавшихся *новых* геополитических условий. Последние заключаются в противодействии официального Запада России, уже не только (как прежде) санкционного, но и по настоящему военного (НАТО с привлечением наемников и крупнейших европейских стран) вмешательства в происходящие события на Украине, а теперь уже и на территории Российской Федерации, отстаивавшей свою независимость и суверенитет. И бесспорной заслугой автора является теоретическое обоснование того, как официальный Запад пришел к нынешней откровенно «русофобской»

идеологии. И что открыто выраженное его стремление – «воевать до победного» в войне с Россией является просто-напросто бессмысленным и обречено на «провал». Именно так выразился Министр иностранных дел РФ С. Лавров, выступая на Генассамблее ООН (см.: Московский комсомолец. 20 сентября 2024 г.)

Теперь о содержательно-главном – о значении учета *криминалистических* факторов для определения понятия преступности и ее содержания и структуры (как основного криминологического и уголовно-правового понятия). Таковых существует несколько. Во-первых, это понятие криминалистической характеристики преступления и ее соотношения с понятиями состава преступления и предмета доказывания в уголовном процессе. Доктринальная формулировка понятия криминалистической характеристики преступления и его практическое применение имеют непростую историю, подробно исследованную Р. С. Белкиным [2, с. 183–193, 561–567]. В итоге он дал следующее определение криминалистической характеристики отдельного вида преступлений: она, должна включать характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка) ... все эти элементы составляют систему, т.е. связаны друг с другом [2, с. 359]. Следует отметить, что дискуссии по определению понятия криминалистической характеристики преступления и отнесению к ней соответствующих образующих ее элементов продолжались много лет [3, с. 211] (а, например, в учебниках криминалистики продолжают и до сих пор). Причина указанных дискуссионных разночтений состоит, на наш взгляд, в различном понимании соотношения уголовно-правовой (криминологической), уголовно-процессуальной (предмет доказывания) и криминалистической характеристик преступления. И основная составляющая отличающихся по своему содержанию взглядов касательно этого вопроса – это попытка отделить «чисто» криминалистическое содержания обсуждаемой характеристики от уголовно-правовой (криминологической) и уголовно-процессуальной. Вряд ли такое возможно в качестве общего принципа. И все же элемент уголовно-правовой и криминологической характеристик преступления (например, способ совершения преступления как признак его объективной стороны) если и не совпадает, то хотя бы «пересекается» с элементом криминалистической характеристики и механизмом его совершения как предметом криминалистической науки. Так, для уголовно-правовой квалификации, например, кражи характеристика способа совершения означает, что это преступление осуществляется тайно и именно это отличает от его грабежа. Криминалистику в этом случае более всего интересует другое: конкретизация тайного способа кражи, связанная с обнаружением следов преступления (взлом замка входной двери квартиры, где совершена кража, подбор и изготовление с этой целью ключа, обнаружение при этом следов пластилина на ключе при изготовлении с него слепка и т.д.). Все это сугубо технические детали, сами по себе они не имеют самостоятельного уголовно-правового (и криминологического) значения, но тем не менее они влияют и на квалификацию преступления (кража или грабеж) и *структуру преступности* как

криминологического признака преступности. Таким образом, налицо определенное *совпадение* элементов уголовно-правовой (криминологической) и *криминалистической* характеристик преступления и преступности [4, с. 22–24]. То есть и в рассматриваемом ракурсе исключение особенностей криминалистической характеристики преступлений значительно «обедняет» уголовно-правовую и криминологическую структуру преступности (а значит, и структуру обозначенного Д. А. Шестаковым «преступностиведения»).

Вряд ли следует признать справедливым и мнение о «несовместимости» элементов криминалистической характеристики через механизм раскрытия и расследования преступления и предмета доказывания как обстоятельств, подлежащих исследованию [3, с. 107]. На самом деле и в этих случаях трудно доказать «автономность» (и независимость друг от друга) многих элементов криминалистической, уголовно-правовой и уголовно-процессуальной характеристик преступления. Очевидно, что обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ), и элементы, и признаки состава преступления как уголовно-правовой характеристики в значительной степени *совпадают*. В принципе ни один из них не противоречит отнесению его к элементам криминалистической характеристики. С другой стороны (как и при характеристике предыдущих аспектов сравнения), специфика механизма расследования предполагает, что криминалистическая характеристика преступления (а в данном случае криминалистическая характеристика обстоятельств подлежащих установлению) конкретизирует и дополняет перечень указанных обстоятельств. И с криминалистической помощью («подсказкой» таковых) более точно будет решен и криминологический вопрос о структуре преступности.

Существует еще один аспект оценки значения *криминалистических* особенностей (криминалистической характеристики) преступления, оставленной без внимания в монографии Д. А. Шестакова. Это вопрос о значении «ведомственной» судебной экспертизы, что связано в первую очередь со спецификой *подследственности* при предварительном расследовании уголовных дел. Как известно, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (ст. 151 УПК РФ) подследственность распределена по трем ведомствам: СК, ФСБ и МВД России. В каждом из следственных подразделений этих органов осуществляется своя, а значит «ведомственная» экспертиза с наличием своих ведомственных же научных центров. Это можно признать даже «плюсом», так как, несомненно, способствует как качественному, так, и в особенности, – *своевременному расследованию преступлений*. Применительно, однако, к *судебному рассмотрению* уже расследованных уголовных дел указанная положительная категорическая оценка не всегда будет *корректной* по следующей причине. Известно, что в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством процесс (уголовный) у нас (в Российской Федерации) *состязательный*. Согласно ст. 15 УПК РФ «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган», а «суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты». Но получается, что при расследовании преступления следствие в качестве *доказательства* (нередко самого *основного*) по делу использует заключение экспертизы, осуществляемой «своим»

ведомством, – СК РФ, МВД РФ, ФСБ РФ. И в этом, как уже отмечалось, исходя из задач расследования, ничего отрицательного нет. Совсем другое «звучание» такой ведомственной экспертизы имеет место, когда ее результаты кладутся в *основу обвинительного приговора*. Очевидно, что при этом в «пирамиде» *состязательности* нарушается принцип уголовного процесса, такой как принцип *независимости суда от позиции обвинения*. То есть не все здесь выглядит «благостно, в особенности, как это показывает изучение практики уголовного судопроизводства с использованием ведомственной судебной экспертизы для вынесения судом обвинительного приговора [5, с. 94–99; 6, с. 310–311].

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Избранные труды. М. : НОРМА, 2010.
2. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики : в 3 т. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Изд-во Академии МВД СССР, 1979.
3. Коршунова О. Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006.
4. Наумова Ю. Н. Особенности расследования преступлений, предусмотренных международными договорами Российской Федерации : учебное пособие. М. : РПА Минюста России, 2014.
5. Наумова Ю. Н. Соотношение ведомственной и вневедомственной судебной экспертизы для расследования и судебного рассмотрения уголовных дел (нравственный аспект) // Союз криминалистов и криминологов. 2022. № 4.
6. Меркачева Е. М. «Странная» смерть, дела и быт в российских тюрьмах. М. : Книжный мир, 2021.

References

1. Belkin R. S. Selected Works. Moscow: Norma, 2010. (In Russ.)
2. Belkin R. S. Course of Soviet Criminalistics. In 3 vols. Vol. 3: Criminalistic Tools, Techniques and Recommendations. Moscow: USSR Ministry of Internal Affairs Academy Publishing House, 1979. (In Russ.)
3. Korshunova O. N. Extremist Crimes: Theory and Practice of Counteraction. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2006. (In Russ.)
4. Naumova Iu. N. Features of Investigation of Crimes Provided for by International Treaties of the Russian Federation: Textbook. Moscow: RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2014. (In Russ.)
5. Naumova Iu. N. Correlation of Departmental and Non-Departmental Forensic Expertise for Investigation and Trial of Criminal Cases (Moral Aspect). *Union of Criminalists and Criminologists*, 2022, no. 4. (In Russ.)
6. Merkacheva E. M. "Strange" Death, Affairs and Life in Russian Prisons. Moscow: Knizhnyi mir, 2021. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ю. Н. Наумова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Yu. N. Naumova – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 05.11.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-199-213>

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ РЕРИХ – ХУДОЖНИК И ЮРИСТ*

Роман Геворгович Оганесян

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

rgo1994@mail.ru

Аннотация

Николай Константинович Рерих является одной из самых ярких личностей в плеяде русской и мировой культуры. Все грани его творчества многогранны и взаимосвязаны. Для него, как и для большинства его современников, мыслителей Серебряного века, тема образа России была очень важна. Она складывалась через три основных смысловых компонента: духовный облик России, выраженный в ее святынях, творцах и мыслителях; историю ее культуры и искусства; ее современное обличье. Однако мало кто знает, что данная тема сложилась благодаря малоизвестному компоненту из жизни художника – юридическому. В рамках направления «Право и художественная культура» предлагается рассмотреть особенности влияния юриспруденции на мировоззрение и творчество Николая Константиновича Рериха.

Ключевые слова: Древняя Русь; Знамя мира; изобразительное искусство; Николай Рерих; юридическое образование; Пакт Рериха.

Для цитирования: Оганесян Р. Г. Николай Константинович Рерих – художник и юрист // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 199–213. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-199-213>

* Автор выражает благодарность ФГБУК «Всероссийское музейное объединение «Государственная Третьяковская галерея» за предоставление музейных предметов из собрания галереи и архивных документов отдела рукописей.

Research article

NIKOLAI KONSTANTINOVICH ROERICH – ARTIST AND LAWYER*

Roman G. Oganessian

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaya St.,
Moscow, 117638, Russia
rgo1994@mail.ru

Abstract

Nikolai Konstantinovich Roerich is one of the most prominent personalities in the galaxy of Russian and world culture. All facets of his work are multifaceted and interconnected. For him, as for most of his contemporaries, the thinkers of the Silver Age, the theme of the image of Russia was very important. It was formed through three main semantic components: the spiritual image of Russia, expressed in its saints, creators and thinkers; the history of its culture and art; its modern appearance. However, few people know that this topic has developed due to a little-known component from the artist's life – the legal one. Within the framework of the direction "Law and Artistic Culture", it is proposed to consider the peculiarities of the influence of jurisprudence on the worldview and creativity of Nikolai Konstantinovich Roerich.

Keywords: Ancient Russia; Banner of Peace; visual art; Nikolai Roerich; legal education; Roerich Pact.

For citation: *Oganessian R. G. Nikolai Konstantinovich Roerich – Artist and Lawyer. Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 1, pp. 199–213. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-199-213>

Введение

В каждом музее и художественной галерее находится разное количество произведений известных художников, представленных для всеобщего обозрения, в которых в прямом или косвенном смысле поднимаются вопросы и проблемы государства и права. Между правом и искусством существует более тесная связь, чем можно себе представить на первый взгляд. Являясь результатами интеллектуального труда людей в конкретных исторических условиях, они отражают уровень общественного развития, воздействуют на общество, направляя его движение в том

* The author expresses his gratitude to the All-Russian Museum Association State Tretyakov Gallery for providing museum items from the gallery's collection and archival documents from the Department of Manuscripts.

или ином направлении. Право оперирует различными категориями, понять содержание которых в полной мере способен только человек, хорошо чувствующий искусство. Искусство в свою очередь погружает человека в информационное поле, в котором хранятся, накапливаются и передаются художественно-эстетические и духовные категории культуры, в том числе и правовой [1, с. 45; 2, с. 28]. Вдобавок, А. И. Алексеев отмечал, что «влияние искусства на правовое сознание действительности, связь закона и юридической практики с художественным творчеством через моральные категории и оценки, юридическая защита прав авторов на произведения искусства, международно-правовые соглашения об охране культурных ценностей – все это точки соприкосновения права и искусства» [3, с. 3].

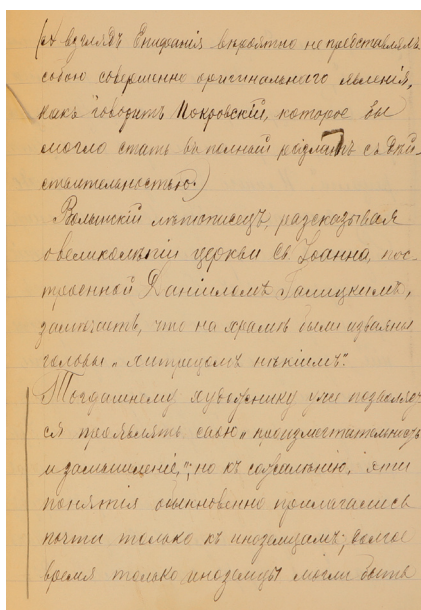
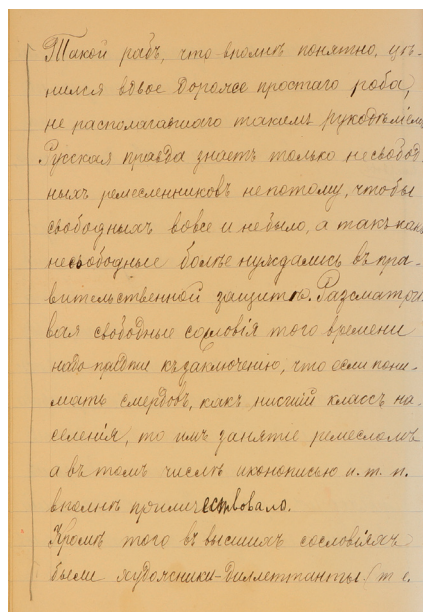
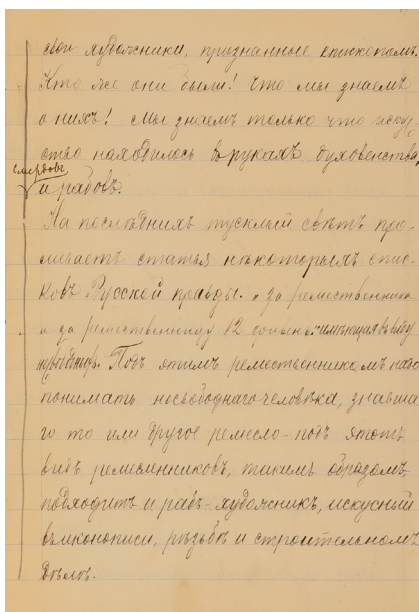
Говоря о русских художниках, важно отметить небезынтересный факт, что до того, как внести свой существенный вклад в отечественное культурное наследие, некоторые из них изучали право, получили юридическое образование, считавшееся во все времена весьма престижным, занимались юридической практикой, и даже совмещали ее с художественным творчеством. Одним из таких был и Николай Константинович Рерих. Как раньше, так и в нынешнее время личность этого художника занимает одно из ведущих мест в истории отечественной и мировой культуры. Его общественная и культурная деятельность выпала на период, предвещавший коренные изменения в судьбе России и вовлекавший представителей различных слоев общества в состояние повышенной активности, чьи идеи воплощались в различных формах деятельности, политической борьбы, творческих поисков и духовных изысканий [4]. В связи с этим, автор предлагает рассмотреть влияние юриспруденции на формирование мировоззрения художника, а также на разработку и принятие Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников 1935 г., который наиболее известен в истории мировой художественной культуры как Пакт Рериха.

1. Юридическое творчество

Будучи студентом Императорского Санкт-Петербургского университета с 1893 по 1898 г., Николай Константинович получил достойное юридическое образование, поскольку его преподавателями являлись ученые-юристы, составлявшие элиту российской юридической науки того времени: Сергей Александрович Бершадский, Анатолий Федорович Кони, Василий Николаевич Латкин, Василий Иванович Сергеевич, Иван Яковлевич Фойницкий и др. [5, с. 33–41, 49; 6, с. 163–164].

Итогом обучения Николая Константиновича стала защита выпускной дипломной работы, посвященной теме, находящейся на пересечении юриспруденции, истории и искусства – «Правовое положение художников Древней Руси»¹. Проводя исследование, Рерих определял свою главную задачу следующим образом: «Русское живописное дело – положение художников, их быт, жалованье, права, обязанности... Вопрос совсем неисследованный».

¹ Помимо дипломной работы Рерихом в период обучения в Университете были написаны рефераты по интересующим его темам: «Художники времени Стоглава и Государева Иконного Терема» (1896 г.), «Живописное дело Древней Руси» (1896–1898 гг.), «Художники Древней Руси» (1898 г.) и др.

Очерк (черн.) Н. К. Рериха «Художники Древней Руси». 1898 г.
Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
Ф. 44. Ед. хр. 55. л. 17, л. 17об., л. 20.

Одной из ключевых особенностей дипломной работы художника являются оригинальные и ясные рассуждения о возникновении искусства в России: *«В древней и самой древней Руси много знаков культуры: наша древнейшая литература вовсе не так бедна, как ее хотели представить западники. Но надо подойти к ней без предупреждения, научно...»* [7, с. 45]. Кроме этого, при работе над дипломом художником были изучены все известные памятники отечественного права: Русская правда, документы археологических экспедиций, старинные «указы» и «уставы», «летописи», описания монастырей, различные «грамоты и акты», летописи о «городниках» – строителях первых городов, материалы живописи, памятники культуры. Особое внимание Рерих уделял Стоглаву – законодательному сборнику середины XVI в., регулировавшему светскую и церковную жизнь, и даже ту, которая существовала на «старых обычаях». В то же время сборник предписывал почитание живописцев как *«обычных людей»*, подробно регламентировал правила поведения художников и т.д. Несмотря на тот факт, что в конце XVII в. этот свод правил был признан «еретическим» и был запрещен, он все равно сохранял влияние на разные сферы жизни. Вместе с этим, в своей работе Николай Константинович проводил анализ быта, принципов и методов обучения художников, артельных начал в их жизни, взаимоотношений маститых иконописцев и начинающих живописцев. Материалы, собранные при подготовке дипломного сочинения, были впоследствии использованы для другой работы – «Иконный терем», которая была написана уже после окончания университета [8, с. 162–163; 9, с. 62; 10, с. 291–313; 11].

2. Рерих и Россия

Хотя Николай Константинович не последовал по стопам своего отца, являвшегося преуспевающим владельцем нотариальной конторы в Петербурге, знания, полученные на юридическом факультете, оказали определенное влияние на его творческую деятельность, а именно на ее первых этапах, когда Рерих уделял много внимания истории славянства, Древней Руси и становлению российской государственности. Это послужило написанию им целой серии картин на тему: «Начало Руси. Славяне» (1890–1910 гг.). Первая картина *«Гонец. Восстал род на род»* начинала данную серию, затем следовало развитие исторического действия: междоусобная война и ее последствия; созыв собрания, напоминающего вече, общественное самоуправление (*«Старцы сходятся»*), призвание варягов на службу (*«Заморские гости»*) и другие сюжеты.

Все полотна, написанные на историческую тему, прокомментированные художником в своих статьях, эссе и личных выступлениях, дают основание утверждать, что у Рериха сформировалась собственная концепция понимания исторической Родины и Отечества, базировавшаяся на вере в истинное значение русской многонациональной культуры [4, с. 110]. Николай Константинович высоко ценил историческую эпоху Древней Руси, особенно развитие ее грамотности, письменности, изобразительного искусства и эстетической культуры. Он полагал, что эти достижения являлись результатом объединения трех сильных культурных направлений: византийской, скандинавской (варяжской) и древней праславянской языческой культуры.

*Н. К. Рерих. Гонец. Восстал род на род. 1897 г.
© Государственная Третьяковская галерея*

Помимо этого, художник в своем творчестве поднимал еще одну важную тему – формирование государственной правящей элиты в России. В своих полотнах Николай Константинович неоднократно воспроизводил образы первых русских правителей. В его интерпретации они предстают перед нами мудрецами, несущими русскому народу справедливые государственные законы (Ярослав Мудрый); строителями новой веры (святая княгиня Ольга и ее внук Владимир Креститель), а также святыми, подвижниками, утверждающими собственной жизнью и смертью идеалы миролюбия, христианской любви и жертвенности (князья Борис и Глеб) [см.: 10 с. 290–291; 12, с. 7-15; 13, с. 9–14; 14, с. 15–21; 15, с. 4–11; 16, с. 98–100].

Другой немаловажной проблемой в своем творчестве Рерих считал тему русского народа и национального характера. Им отмечалась роль эстетического начала в менталитете русского народа, склонного и способного соединять эстетическое восприятие с его чисто практическими бытовыми, хозяйственными и государственно-общественными сторонами. В своих очерках Николай Константинович отмечал всечеловечность русского народа, широту его души, доброжелательность. Более того, он акцентировал внимание на том, что хотя русские люди «*в рассеянии сущие*», т.е. по судьбе разделенные, разбросанные по планете, они готовы служить становлению идеала единства и всемирности, где бы они ни находились [17, с. 165]. Также художник придавал национальному русскому характеру чрезвычай-

Н. К. Рерих. *Заморские гости*. 1901 г.
© Государственная Третьяковская галерея

но высокую оценку и глубоко верил в его скрытые и проявленные в исторические ситуации возможности и потенциалы [18, 19]. Особенная роль здесь отводилась Преподобному Сергею Радонежскому – «*Воспитателю русского народного духа, Истинного подвижника Православия, Воеводе за правду и строительство*» [20, с. 95]. В период его жизни Россия страдала от княжеских междоусобных войн, нажима со стороны Литвы и бремени Золотой Орды, активно влиявшей на взаимоотношения удельных князей [21]. Как отмечал В. О. Ключевский, Сергей Радонежский оживил и привел в движение нравственное чувство народа, подняв его дух выше привычного уровня покорности и безысходности [22, с. 21]. Рерих в свою очередь называл Святого Сергия великим «*Строителем Русской Духовной культуры*». Создавая духовную основу государства, он воедино собрал раздробленные русские земли, ввел на Руси общинность, помог народу преодолеть смятение перед завоевателями, вдохнул надежду в сердца русских людей. Особенно отмечалась роль Преподобного в формировании качеств национального характера русского народа посредством собственного труда. Он был уверен, что как духовная, так и физическая деятельность способствует воспитанию моральных ценностей,

высокого достоинства и активного национального самосознания у русского человека [17, с. 162; 21; 23, с. 266].

Н. К. Рерих. Святой Сергий. 1932 г.

© Государственная Третьяковская галерея

Говоря о патриотических взглядах художника, особо стоит подчеркнуть, что, по его мнению «Родина», не является отвлеченным и туманным понятием. Для Рериха «Родина» – это пространственная и духовная субстанция, в которой выражаются любовь к человечеству, стремление к подвигу, великое познание, доброта, справедливость, достоинство и красота. Именно ее оборона и служение ей считается реализацией истинного патриотизма: «Если человек любит родину, он в любом месте земного шара приложит в действии все свои достижения» [24, с. 147; 25, с. 23]. Самым важным примером для молодого поколения, которое «должно запомнить, как славно отдавали жизнь за Родину русские воины», Николай Константинович считал пример самопожертвования.

В своих работах, написанных в годы Великой Отечественной войны, он выражал особое уважение к мужеству и героизму русских воинов, сравнивая их с князьями и богатырями, «*возлюбившими общее дело превыше своих житейских выгод*» и отважно защищавшими свою землю [26, с. 79; 27, с. 10–11]. Это ярко отражается и в его картинах, как например «*Богатыри проснулись*» (1940 г.), «*Александр Невский*» (1942 г.), «*Победа*» (1942 г.), «*Партизаны*» (1943 г.) и т.д. Николай Константинович также с восхищением и гордостью писал о славе народа-победителя, который отвергал любые сомнения и невероятности: «*Но что может быть невероятным для великого народа, сплотившееся во спасение Родины?*» [25, с. 39]. Стоит отметить, что такое высокое и всестороннее понимание значимости всего вышесказанного, трудно обнаружить у других художников – современников Рериха.

3. Пакт Рериха

Международный договор «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников», вошедший в историю как Пакт Рериха, принято называть апогеем активной разносторонней деятельности Николая Константиновича, ведшей более 30 лет. Сама идея охраны памятников материальной и духовной культуры была сформулирована Рерихом благодаря двум жизненным обстоятельствам:

- влиянию идей одного из его преподавателей, правоведа и дипломата Федора Федоровича Мартенса, которые изложены в научном труде «Современное международное право цивилизационных народов». Федор Федорович принимал активное участие в создании Первой Гагской конференции мира 1899 г., которая была созвана по инициативе России. Эта конференция стала началом процесса разоружения и установления правил ведения войны. Вместе со своими учениками Федор Федорович также принимал участие в разработке новых соглашений Второй Гагской конференции мира 1907 г. Стоит отметить, что в преамбуле и основных положениях Пакта Рериха прослеживается прямое наследие гуманистических идей Мартенса и его последователей;

- путешествию по древнерусским городам 1903–1904 гг., главной целью, которой являлось изучение корней русской культуры. Итогом данной поездки стало со временем не только написание большой серии картин, но и научных статей, в которых художник в символической и художественной форме отобразил ужасы разрушений и бедствий мирных городов и памятников культуры России и других стран в результате войн, особенно Первой мировой [28, с. 39].

В начале 1930-х гг. Николай Константинович в сотрудничестве с рядом видных юристов разработал и опубликовал проект Пакта с сопроводительным обращением к правительствам и народам всех стран. В скором времени проект нашел поддержку со стороны различных представителей мировой общественности. Во многих странах были созданы комитеты и организованы научные конференции в поддержку Пакта. Основная идея договора заключалась в том, что в случае войны образовательные, художественные и научные учреждения, а также их персонал, коллекции и имущество признавались нейтральными и получали особую защиту. В восьми статьях Рерих изложил основные принципы, которые впоследствии стали частью глобальной концепции охраны всемирного культурного наследия

в мирное время и во время военных действий. В Пакте подчеркивалось, что нейтралитет, покровительство и уважение должны быть предоставлены памятникам и учреждениям на всех территориях, где действует суверенитет государств, подписавших или присоединившихся к договору. Кроме того, правительствам этих государств предлагалось принять меры для приведения своего законодательства в соответствие с международным договором, включая составление списка памятников и учреждений культурного наследия, на которые распространяется покровительство мирового сообщества.

Помимо самого проекта Рерихом был предложен особый отличительный символ для обозначения Пакта и памятников культуры, находящихся в международно-правовой охране – Знамя мира. По замыслу Рериха он выглядел следующим образом: белое полотнище с красной окружностью с тремя красными кругами в середине. Были предложены различные толкования этого символа, из которых наиболее распространенными являются: *«наука, искусство и философия как проявление культуры»* или *«прошлые, настоящие и будущие достижения человечества, окруженные кольцом вечности»* [8, с. 168; см. также: 29, с. 111–114; 30, с. 20–23; 31, с. 5–6]. При создании Пакта, Николай Константинович также думал о молодежи и рассчитывал, что документ будет иметь воспитательное значение и поможет предотвратить любое проявление вандализма: *«Пакт для защиты культурных сокровищ нужен не только как официальный орган, но как образовательный закон, который с первых школьных дней будет воспитывать молодое поколение с благородными идеями о сохранении истинных ценностей всего человечества»* [32, с. 123].

Хотя Пакт и был подписан двадцатью двумя странами 15 апреля 1935 г., Вторая мировая война помешала реализации многих предложений Николая Константиновича. Лишь после ее окончания в 1945 г. и смерти художника в 1947 г. Пакт продолжал играть выдающуюся роль в деле защиты культуры. Он стал основой Международной Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, подписанной в Гааге в 1954 г.¹, а также ряда других актов, принятых ЮНЕСКО в 50-х–70-х гг. XX в. Сравнение Конвенции с Пактом показывает, что она полностью базируется на принципах Пакта и в некоторых случаях их уточняет (расширяет понятие культурных ценностей, которые находятся под охраной; более подробно формулирует обязательства государств). Как и в Пакте, предусмотрена система регистрации культурных ценностей, которым предоставляется защита. Кроме того, Конвенция требует от каждой страны принятия мер по охране культурных ценностей в соответствии с их внутренним законодательством. Важным дополнением к Конвенции является Протокол, который обязывает государства предотвращать вывоз культурных ценностей с оккупированных ими территорий во время вооруженного конфликта. Также установлены правила возврата культурных ценностей после окончания военных действий, если они были временно перемещены на территорию другого государства для защиты от угрозы вооруженного конфликта [см.: 33, с. 35–55].

¹ СССР являлся одним из первых государств, кто ратифицировал данную Конвенцию.

Заключение

Подводя итог, мы видим, что Николай Константинович Рерих с юридической позиции уникален. Являясь истинным патриотом, он смог предвидеть особую историческую судьбу России, оценить вклад русского народа, а также его традиции и культурное наследие. Изучение и осмысление вклада художника в развитие отечественной культуры, безусловно, помогут способствовать формированию патриотического воспитания среди молодежи.

Пристатейный библиографический список

1. *Малышкин А. В.* Изобразительное искусство и право: формы взаимодействия и интегрирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44).
2. *Матевосова Е. К.* Влияние изобразительного искусства на правовую культуру общества // Legal Bulletin. 2019. Т. 4. № 2.
3. *Алексеев А. И.* Искание правды. М. : Юрид. лит., 1980.
4. *Фролова Н. А.* Общественная и культурно-просветительская деятельность Н. К. Рериха в период 1893–1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
5. *Бондаренко А. А., Мельников В. Л.* Рерих и университет. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та ; Вышний Волочек : Изд-во «Иридапрос», 2002. Приложение к «Петербуржскому Рериховскому сборнику». Вып. III.
6. *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. 2. 2-е изд. М. : Международный Центр Рерихов, 2000.
7. *Полякова Е. И.* Николай Рерих. М. : Искусство, 1985.
8. *Алексеев А. И.* Музы и право. М. : НОРМА, 2003.
9. *Право и история художественной культуры : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. М. М. Рассолова.* М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018.
10. *Великая симфония жизни Н. К. Рериха (автомонография).* Кн. 2 : Академия. М., 2018.
11. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 44.
12. *Шурина В. А.* Творчество Н. К. Рериха в свете «варяжского вопроса» на выставке «Начало Руси. Славяне и варяги» // Начало Руси. Славяне и варяги: каталог выставки. СПб. : СПб. гос. бюджет. учреждение культуры «Музей-институт семьи Рерихов», 2013.
13. *Василькова Н. Ф.* Николай Рерих и Древняя Русь. Часть 1 // Восход. 2006. № 11 (151).
14. *Василькова Н. Ф.* Николай Рерих и Древняя Русь. Часть 2 // Восход. 2006. № 12 (152).
15. *Василькова Н. Ф.* Николай Рерих и Древняя Русь. Часть 3 // Восход. 2007. № 1 (153).
16. *Мельников В. Л.* Сущностное переосмысление историографии «Повести временных лет»: русские летописи в художественных произведениях Н. К. Рериха // Социология. 2024. № 1.

17. *Кожемякина Л. А.* Образ народа русского в творчестве Н. К. Рериха // Россия и наследие Рерихов : материалы Междунар. науч.-обществ. конф. 2014. М. : Международный Центр Рерихов, 2018.
18. *Рерих Н. К.* Россия. М. : Международный Центр Рерихов ; Мастер Банк, 2017.
19. *Ключников С. Ю.* Рериховский взгляд на Россию и русского в настоящем и будущем // Духовный образ России в философско-художественном наследии Н. К. и Е. И. Рерихов : материалы Междунар. науч.-обществ. конф. М. : Международный Центр Рерихов, 1998.
20. *Рерих Н. К.* Душа народов. М. : МЦР, 1995.
21. Лекция в Казани «Образ Преподобного Сергия Радонежского в творчестве Рерихов» // Международный Центр Рерихов : сайт. URL: https://icr.su/rus/news/icr/detail.php?ELEMENT_ID=7869 (дата обращения: 08.07.2024).
22. Знамя Преподобного Сергия Радонежского. М. : Денница, 1991.
23. *Лебеденко А. А.* Духовная традиция преподобного Сергия Радонежского как основа культуры сердца России // 80 лет Пакту Рериха : материалы Междунар. науч.-обществ. конф. 2015. М. : Международный Центр Рерихов, 2022.
24. *Волков В. В.* Родина и патриотизм в философском наследии Н. К. Рериха // XIV Вишняковские чтения «Никто не забыт, ничто не забыто...» (к 70-летию начала Великой Отечественной войны) : материалы Междунар. науч. конф., 25 марта 2011 г., г. Бокситогорск / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011.
25. *Рерих Н. К.* Оборона Родины : сборник статей / предисл., сост. Е. В. Кончина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Международный Центр Рерихов, 2022.
26. *Рерих Н. К.* Листы дневника. Т. 3. М. : Международный Центр Рерихов, 2002.
27. *Василькова Н. Ф.* Николай Рерих и Древняя Русь. Часть 4 // Восход. 2007. № 2 (154).
28. *Мельников В. Л.* Основные вехи Пакта Рериха и Всемирной Лиги культуры (с приложениями) // Пакт Рериха: 70 лет : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15 апреля 2005 г., Санкт-Петербургский дом юриста. СПб. : Рериховский центр СПбГУ, 2005.
29. *Богуславский М. М.* Пакт Рериха и защита культурных ценностей // Советское государство и право. 1974. № 10.
30. *Галенская Л. Н.* Пакт Рериха: от проекта к реализации // Пакт Рериха: 70 лет : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15 апреля 2005 г., Санкт-Петербургский дом юриста. СПб. : Рериховский центр СПбГУ, 2005.
31. *Кайнов В. И.* Николай Рерих – поэт права // Мир юридической науки. 2014. № 9.
32. Мир через культуру : сборник очерков Н. К. Рериха / сост., предисл. и прим. И. Ю. Дьяченко. М. : Международный Центр Рерихов, 2015.
33. Пакт Рериха как основа новой Конвенции ООН о защите культурных ценностей. М. : ЛУМ, 2014.

References

1. *Malyshkin A. V.* Fine Arts and Law: Forms of Interaction and Integration. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (44). (In Russ.)
2. *Matevosova E. K.* The Influence of Fine Arts on the Legal Culture of Society. *Legal Bulletin*, 2019, vol. 4, no. 2.
3. *Alekseev A. I.* Search for Truth. Moscow: Iuridicheskaya literatura, 1980. (In Russ.)
4. *Frolova N. A.* Social, Cultural and Educational Activities of N. K. Roerich in the Period 1893–1918: Thesis for a Candidate Degree in Historical Sciences. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)
5. *Bondarenko A. A., Melnikov V. L.* Roerich and the University. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House; Vyshny Volochok: Iridapros Publishing House, 2002. Supplement to the Petersburg Roerich Collection. Issue III. (In Russ.)
6. *Roerich N. K.* Diary Sheets. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: International Center of the Roerichs, 2000. (In Russ.)
7. *Poliakova E. I.* Nicholas Roerich. Moscow: Iskusstvo, 1985. (In Russ.)
8. *Alekseev A. I.* Muses and Law. Moscow: Norma, 2003. (In Russ.)
9. *Rassolov M. M.* Law and History of Artistic Culture: Textbook for University Students Studying in the Field of Jurisprudence. Moscow: Iunity-Dana, 2018. (In Russ.)
10. The Great Symphony of N. K. Roerich's Life (Automonograph). Book 2: Academy. Moscow, 2018. (In Russ.)
11. Department of Manuscripts of the State Tretyakov Gallery. F. 44. (In Russ.)
12. *Shurshina V. A.* The Works of N. K. Roerich in Light of the "Varangian Question" at the Exhibition "The Beginning of Rus. Slavs and Varangians". In The Beginning of Rus. Slavs and Varangians: Exhibition Catalog. St. Petersburg: St. Petersburg State Budget. Cultural Institution "Roerich Family Museum-Institute", 2013. (In Russ.)
13. *Vasilkova N. F.* Nicholas Roerich and Ancient Rus. Part 1. *Voskhod*, 2006, no. 11 (151). (In Russ.)
14. *Vasilkova N. F.* Nicholas Roerich and Ancient Rus. Part 2. *Voskhod*, 2006, no. 12 (152). (In Russ.)
15. *Vasilkova N. F.* Nicholas Roerich and Ancient Rus. Part 3. *Voskhod*, 2007, no. 1 (153). (In Russ.)
16. *Melnikov V. L.* Essential Rethinking of the Historiography of the Tale of Bygone Years: Russian Chronicles in the Works of N. K. Roerich. *Sociology*, 2024, no. 1. (In Russ.)
17. *Kozhemiakina L. A.* The Image of the Russian People in the Works of N. K. Roerich. In Russia and the Heritage of the Roerichs: Proceedings of the International Scientific-Social Conference, 2014. Moscow: International Center of the Roerichs, 2018. (In Russ.)
18. *Roerich N. K.* Russia. Moscow: International Center of the Roerichs; Master Bank, 2017. (In Russ.)
19. *Kliuchnikov S. Iu.* Roerich's View of Russia and the Russian in the Present and Future. In The Spiritual Image of Russia in the Philosophical and Artistic Heritage of N. K. and E. I. Roerichs: Materials of the International Scientific-Social Conference. Moscow: International Center of the Roerichs, 1998. (In Russ.)

20. Roerich N. K. The Soul of the Peoples. Moscow: International Center of the Roerichs, 1995. (In Russ.)
21. Lecture in Kazan "The Image of St. Sergius of Radonezh in the Works of the Roerichs". URL: https://icr.su/rus/news/icr/detail.php?ELEMENT_ID=7869 (date of the application: 08.07.2024). (In Russ.)
22. The Banner of St. Sergius of Radonezh. Moscow: Dennitsa, 1991. (In Russ.)
23. Lebedenko A. A. Spiritual Tradition of St. Sergius of Radonezh as the Basis of the Culture of the Heart of Russia. In 80 Years of the Roerich Pact: Materials of the International Scientific-Social Conference, 2015. Moscow: International Center of the Roerichs, 2022. (In Russ.)
24. Volkov V. V. Homeland and Patriotism in the Philosophical Heritage of N. K. Roerich. In Skvortsov V. N. (ed.). XIV Vishniakov Readings "Nobody Is Forgotten, Nothing Is Forgotten..." (on the 70th Anniversary of the Beginning of the Great Patriotic War): Materials of the International Scientific Conference, March 25, 2011. St. Petersburg: A. S. Pushkin Leningrad State University, 2011. (In Russ.)
25. Roerich N. K. Defense of the Motherland: Collection of Articles. 2nd ed. Moscow: International Center of the Roerichs, 2022. (In Russ.)
26. Roerich N. K. Diary Pages. Vol. 3. Moscow: International Center of the Roerichs, 2002. (In Russ.)
27. Vasilkova N. F. Nicholas Roerich and Ancient Rus. Part 4. *Voskhod*, 2007, no. 2 (154). (In Russ.)
28. Melnikov V. L. Key Milestones of the Roerich Pact and the World League of Culture (with Appendices). In Roerich Pact: 70 Years: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, April 15, 2005, St. Petersburg House of Lawyer. St. Petersburg: Roerich Center of St. Petersburg State University, 2005. (In Russ.)
29. Boguslavskii M. M. The Roerich Pact and the Protection of Cultural Values. *Soviet State and Law*, 1974, no. 10. (In Russ.)
30. Galenskaia L. N. The Roerich Pact: From Project to Implementation. In Roerich Pact: 70 Years: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, April 15, 2005, St. Petersburg House of Lawyer. St. Petersburg: Roerich Center of St. Petersburg State University, 2005. (In Russ.)
31. Kainov V. I. Nicholas Roerich – The Poet of Law. *The World of Legal Science*, 2014, no. 9. (In Russ.)
32. Diachenko I. Iu. (comp.). Peace Through Culture: Collection of Essays by N. K. Roerich. Moscow: International Center of the Roerichs, 2015. (In Russ.)
33. The Roerich Pact as the Basis of the New UN Convention for the Protection of Cultural Property. Moscow: LUM, 2014. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Р. Г. Оганесян – младший научный сотрудник.

Information about the author:

R. G. Oganessian – Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 25.07.2024; одобрена после рецензирования 04.08.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 25.07.2024; approved after reviewing 04.08.2024; accepted for publication 04.02.2025.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

- актуальность,
- цель работы,
- методологию проведенного исследования,
- основное содержание и новизну статьи,
- самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случае получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статьи снимаются с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 1 / 2025

Выпускающий редактор: *Е.В. Кирсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 05.04.2025. Формат 70х100 ¹/₁₆. Печ. л. 13,5.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.

Адрес редакции:
117638, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISSN 2072-9936

9 772072 993603